

Калдовские

Миры

МЕРТВЫЕ ИГРЫ

Книга третья

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Мертвые игры все ближе, попытки убить все изощреннее, а секретов собственной крови открывается все больше... Риа Каро никак не ожидала, что в ректоре Некроса, лорде Гаэр-аше, пробудится кровь темных, но еще большим сюрпризом стало то, что попытка справиться с выгоранием сделала из юной некромантки-артефактора мага смерти. Одного из тех, кто способен уничтожить отступников. И тех, кто приговорен к смерти на территории Четвертого королевства.

Но Риа все равно не отступится от участия в Мертвых играх, даже если придется бросить вызов непобедимому Гаэр-ашу.

И впереди ожесточенная схватка наследников двух королевств с Риаллин в качестве приза и поистине жестокая битва с теми, на чьем пути ей не повезло оказаться.

Глава первая: Новости в гоблинском переводе

Начнем с того, что ночь после своего дня рождения я толком не спала, потому что в комнате Норта Дастела, официально являющегося моим женихом, подхихикивала вся команда Некроса по Мертвым играм, Гобби, Пауль и даже Салли. Салли почему-то громче всех, а еще саламандрочка смешно фыркала. Мне поучаствовать во всеобщем развлечении никто не дал, отправив спать со словами: «Ты слишком добрая». В чем я добрая и почему мне нельзя было что-то там писать, никто не объяснил. Потом появился еще кто-то, кто не подхихикивал, а ржал во все горло похрюкивая при этом. Разлепив веки узрела нетопыря, заливающего в глотку себе вино прямо из бутылки и решила, что это уже какой-то кошмарный сон и такого быть точно не может. Оказалось, может — во сне так точно никто не гогочет. В итоге где-то под утро я все же заснула, не проснувшись, даже когда на миг хохот в комнате стал громовым, но когда все стихло и парни ушли, сон стал наиболее сладким.

Но выспаться все равно было не суждено.

— Риа, ректор вызывает, — мрачно сообщил Дан, вошедший в комнату и, кажется уже будивший меня минут пять.

Однако упоминания ректора хватило, чтобы я мгновенно села на постели. Сонной и помятой мне парень сообщил:

— Гобби твои вещи принес, — Дан и сам выглядел помятым и не выспавшимся, — переодевайся я... аааэм... в коридоре подожду.

И продолжая сладко позевывать, вышел.

* * *

Стоя в кабинете ректора, я старательно рассматривала лежащих под его столом гончих, медленно летающих призраков, стеллажи со старинными книгами, настолько высокие, что терялись в вышине, и красный ковер я тоже рассматривала — все что угодно, только бы не глядеть на ректора. Потому что в ушах все еще звучало его злое — «Не попадайся мне на глаза».

— Итак, — обводя взглядом нашу невыспавшуюся команду, начал Гаэр-аш, — у нас случился крайне неприятный... — пауза, — инцидент.

Норт покивал, зевнул и пошатнулся, Эдвин вчера перебрал, сегодня практически спал на ходу, мы с Даном еще хоть как-то держались, я потому что ночью хоть пыталась поспать, а Дан, ввиду того, что опирался на Гобби, который, причем единственный, с подчеркнутым вниманием слушал ректора.

— Кто-то, — Гаэр-аш с нажимом произнес это «кто-то», — спойл почтового нетопыря по кличке Молния моим коллекционным вином. Между прочим, в редакции «Армерия сегодня» еще никого и никогда не рвало армерийским красным столетней выдержки! Норт, — взгляд на нашего капитана, — объясни, неужели нельзя было напоить нетопыря чем-нибудь подешевле?

Дастелу, наверное, стоило промолчать, но разведя руками, он честно ответил:

— Честный попался, с трудом споили, и то лишь потому, что от вин столетней выдержки не отказываются.

— Всю бутылку выдул, — поддакнул Дан.

И тут ректор нехорошо прищурился и опасным тоном спросил:

— Так значит нетопырь выпил всего одну бутылку, так? Остальное мое коллекционное вино выпил не он?

Я заметила, как парни переглянулись, затем Норт, насупившись, произнес:

— Все верну.

— Не стоит, — Гаэр-аш презрительно улыбнулся, — я в состоянии приобретать то, что мне требуется, не впадая в такие крайности, как воровство.

Норт побледнел.

Ректор совершенно без перехода продолжил:

— Спаиванием нетопыря вы, к сожалению, не ограничились. Вы написали собственные «новости», закодировали и в итоге вести из Некроса были опубликованы без проверки редакцией, как сверхважные и достоверные. Кто узнал коды взлома писем?

Все честными невинными глазами смотрели на ректора. Гобби смотрел честнее всех.

— Умертвие, — Гаэр-аш усмехнулся, — ты меня поражаешь.

Гобби стал смотреть еще честнее и вконец невиннее.

— Полагаю, к вашей совести взывать бесполезно? — скорее утверждая, чем спрашивая, произнес ректор.

Естественно мы промолчали — в Некросе с совестью у всех проблемы, а что касается некромантов, то там все просто — нет совести, нет проблемы. То есть совести реально нет.

Гаэр-аш взял со стола одну газету из стопки печати, что лежала перед ним и продолжил:

— Вы осознаете, что после таких новостей как «Дознаватель Нардаш убил себя сам! Реанимировал, а затем снова убил, потому что мазохист основательный», газетчик Нис Грамор потерял работу?

Осознала, кажется, только одна, остальным совестно совершенно не было — некроманты одним словом. Не зря с ними вообще никто связываться не хочет.

— Или вот, — ректор вытащил другую газетенку из вороха, — сенсационная биография темной лошадки Мертвых игр! Ниже — стр.3. Открываем страницу и что мы видим — три слова на весь разворот — «Родилась, училась, победилась». Гобби, что это вообще за слово «победилась»?!

— Ыыы, — ответил мой Гобби.

— Так звучало лучше, — вставил Дан, — и нетопырю больше понравилось.

До меня начало доходить, чем они ночью занимались...

Ректор отшвырнул и эту газету, взял следующую. Прочел. Н его скулах проявились желваки, заходили ходуном, после отчетливо послышался скрежет зубов и глава Некроса поднял злой взгляд на Норта.

— Это что? — прозвучал его ледяной вопрос.

Дастел явно знал, о чем речь, но нагло спросил:

— Что именно?!

— Издеваешься? — вопросом на вопрос ответил Гаэр-аш.

Дастел отвел глаза и стал смотреть себе под ноги. Меня же начало снедать жуткое любопытство, и вообще охватило доселе неизведанное дикое желание газеты почитать.

В этот момент в окно что-то ударило, словно не вписавшись в приоткрытую створку. Захлопали крылья, и что-то ударило вновь. Послышалось недовольное ворчание, после

очередной залет, и в кабинет ректора через окно влетел пошатывающийся нетопырь. Магически модифицированная летучая мышь внушительных размеров с ошейником и бляшкой изображавшей молнию на нем, пьяно икнула, после чего принялась «незаметно» подмигивать всей нашей честной компаниями обоими глазами. Активно подмигивать. Так, что слетелись даже привидения, посмотреть на что тут вне поля зрения ректора так активно намекают.

— Я уже обо всем осведомлен, — холодно произнес глава Некроса.

Нетопырь развалившись на подоконнике, видимо ноги его не держали, изумленно вытаращился на ректора подергивающимися глазами. После чего пискнул «Хана» и вырубился, развалившись прямо там же и потеснив десяток почтовых летучих мышей, терпеливо дожидаящихся своей очереди, чтобы передать Гаэр-ашу принесенные письма.

Ректор молча протянул руку. Один из призраков стремительно ринулся к нетопырю, снял с его лапки прикрепленный контейнер для почты, принес и вложил в раскрытую ладонь главы Некроса. Отвинтил крышку, вывалил сообщения на стол, а затем я увидела нечто — Гаэр-аш протянул руку, простер ее над письмами, и... и написанное в каждом послании последовательно стало возникать в воздухе неровными плывущими письменами из зеленоватого светящегося дыма!

И мы прочли:

«Уволен».

«Без статьи не возвращайся, песий вы...».

«Чтоб тебя...»

«Вы уволены, за расчетом можете не обращаться».

«Уволен».

«Уволен».

«Уволен».

«Ублю...»

«Убью, мразь».

«Уволен».

Гаэр-аш мрачно посмотрел на нас и спросил:

— Вы осознаете, сколько народа из-за вас практически потеряли работу?!

«Ик» — ответил начавший похрапывать нетопырь.

— Странно, что еще тебя не уволили, — заметил ректор.

«Ик» — Молния был немногословен.

— Так он не при чем, — вставил Дан, — на него перегаром подышали, вот и сомлел, а за содержание переносимой почты нетопыри ответственности не несут.

Не став спорить со второй частью фразы, Гаэр-аш хмыкнув напомнил:

— Так «перегаром дыхнули», что его в редакции редчайшим вином стошнило? Лорды и... зомби, в следующий раз аккуратнее следы замечайте.

Из всего этого я могла сделать только один вывод:

— Будет следующий раз?

Ректор перевел взгляд на меня, глаза его потемнели в мгновение, губы сжались, но мне все же соизволили дать ответ:

— Вот это, — он указал на стопку писем с общим смыслом «вы уволены», — прислано без выходного пособия, следовательно, это не увольнение, это угроза увольнения, если газетчики не раскопают материал, способный спасти их карьеру. Фактически это команда

«Фас» в отношении вас. И газетчики теперь землю рыть будут в стремлении взять реванш. Я понятно объяснил?

Испуганно кивнула.

— Норт, — Гаэр-аш посмотрел на кузена, — тебе, как будущему монарху, следовало поступить умнее.

— Например? — напрягся Дастел.

— Сердце ты остановить способен, а стереть память нет? — издевательски поинтересовался ректор. — Вот это, — указал на стопку газет, — фактически вызов всему пишущему сообществу, и после такого, будь уверен, на Мертвых играх именно вы станете звездами печатных изданий. Бессменными звездами. В худшем смысле этого выражения. Свободны.

Мы поспешили покинуть ректорский кабинет, вышли в коридор, Гобби, по-приятельски помахав Гаэр-ашу на прощание, закрыл дверь и весело оскалился. Парни тоже заулыбались.

— Спать? — спросил Норт, беря меня за руку.

— Лекции, — напомнил, помрачнев от чего-то Эдвин.

— Я договорюсь, — Дастел поднес мои пальцы к губам, осторожно прикоснулся.

Почему-то я даже не возражала, хотя, наверное, стоило бы.

Где-то впереди раздался гогот, мы все посмотрели туда и увидели адепта с газетой в руках, сползающего по стеночке от хохота. Гогот нарастал, а после превратился в истерические всхлипы.

— Ой, надо тоже почитать, — решила я.

— Не надо, — напрягся Норт. — И вообще пошли спать.

Адепт уже едва не лежал от смеха.

— Ну хоть в общих словах, что там? — взмолилась я.

Меня взяли за руку и повели, кажется спать. Остальные тоже позевывая разошлись, даже Гобби помахав мне утопал в женское общежитие, в котором к нему уже привыкли и никто даже не вскрикивал возмущенно при виде нежити. Зато я решила возмущенно напомнить:

— Норт, у меня тут своя комната имеется, между прочим.

Дастел, ни слова не говоря, у всех на глазах, а мы уже во двор вышли и тут половина адептов Некроса перерыв между лекциями проводила, подхватил на руки, закружил, а после с самой счастливой улыбкой понес к себе.

— Норт! — возмутилась я.

Он начал напевать что-то отдаленно напоминавшее мелодию, под которую мы вчера танцевали, и танцующей походкой внес меня в мужское общежитие взбежал по ступеням, не обращая внимания на всеобщие понимающие ухмылки вокруг, и мы оказались в его комнате.

— Спать, — ставя меня на ноги решительно сказал Норт, — всем спать!

После чего запер дверь, дошел до постели и рухнул не раздеваясь.

Я некоторое время постояла, глядя на него, а потом сделала то, что мне совершенно вообще никогда не было свойственно — осторожно сняла с Норта сапоги и укрыла спящего парня покрывалом, в комнате с утра было прохладно, по причине открытого окна. Догадываюсь, что нетопырь вылетал именно этим путем.

Или влетал!

«Ик!» — раздалось из-под кровати.

Опустившись на колени, заглянула вниз и да — там спал нетопырь. Причем

развалившись и похрапывая. Достала зверюгу магическую, устроила на кресле у окна. И вот потом я добралась до стола с остатками ночных развлечений моей команды, и Гаэр-аш оказался совершенно прав — следы они заметить не умели. И засев за стол, я начала читать заметки Гобби:

Лист работника печати: «Скандал в королевском семействе! Наследник династии Дастелов женится на внучке грязного крестьянина! Потерпят ли подобное Дастелы? Как отреагирует король?!»

Перевод Гобби: «Победительница Мертвых игр Некроса милостиво согласилась подумать над предложением наследника династии Дастелов, ее полностью устраивает сам наследник, но что касается его родственников...»

Приписка внизу почерком Норта: «Король так обрадовался предстоящей свадьбе, что вернул наследника Дастелов в список претендентов на престол».

У меня нет слов... Сколько они выпили вчера?!

Читаю дальше:

Лист работника печати: «Убийство дознавателя Нардаша не будет расследовано! Наследнику рода Дастел-Веридан все сошло с рук!».

Перевод Гобби: «Сенсационная новость — дознаватель Нардаш устал терзаться муками совести и покончил с собой на глазах у некромантов! Некроманты не обиделись и с радостью приняли такой подарок, как свеженькое тело для экспериментов. Мораль — хочешь умереть спокойно, не умирай в Некросе».

Приписка почерком Дана: «Некрос — место, где вашу смерть оценят.»

По сто бальной шкале исходя из качества сохранности вашего трупа.

Далее было нечто:

Лист работника печати Сэмюэльса Дотье: «Риа Каро — темная лошадка предстоящих игр или роковая женщина Некроса?!»

Далее следовала пространная статья, в которой содержалась масса умозаключений на пустом месте о том, какой популярностью я пользуюсь у адептов Некроса, количество букетов которые ежедневно закупаются ради моих прекрасных голубых глаз (ничего, что они у меня каре-зеленые) по результатам газетного расследования зашкаливало за тысячу, количество моих романов так же.

После такого я с энтузиазмом взялась читать интерпретацию.

Перевод Гобби: «Сэмюэльс Дотье темный мечтатель или действительно заврался? По данным тайного зомбированного газетами расследования, все отжатые у редакции деньги Сэмюэльс Дотье тратит исключительно на голубые глаза. Помешался на них. И на цветах. Таким образом в Некросе на один потенциальный труп больше».

И Дан со своей припиской: «Вы устали от жизни? Вам плохо, грустно и чужая жизнь покоя не дает?! Приезжайте в Некрос!».

Далее приписка от Норта: «Весело-умертвительный комплекс Некрос приглашает страждущих сунуть нос в чужие дела. Мы подправим вам физиономию совершенно бесплатно!».

Я хмыкнула, на постели заворочался Норт, нетопырь в кресле сладко посапывал.

Лист работника печати: «Трое адептов Некроса убили лорда Отступника! Сенсация или подлог в преддверии Королевских мертвых игр?!»

Перевод Гобби: «Лорд-отступник убился виртуозно отрезав себе голову об меч главы клана Меча Эдвина Харна! Сенсация — появился новый вид отступников — самоубийец».

виртуоз!»

Проглядывая остальные заметки поняла, что теперь газетчики нас точно в покое не оставят, исключительно из мести... ну и чтобы раскопать нечто, что сохранит их рабочие места.

Знала бы, что повлечет за собой шутка парней и Гобби, так бы не улыбалась.

Дверь открылась без стука, вошел Эдвин. Глянул на спящего укрытого Норта, на лежащего в кресле нетопыря, улыбнулся мне и спросил:

— Тебя провести?

Весело кивнув, подскочила, сняла свой плащ с вешалки и поспешила к двери, галантно придерживаемой для меня Харном.

Мужское второе общежитие мы покинули вместе, и неторопливо направились к моему женскому.

— Завтра начнутся тренировки, — шагая со сцепленными за спиной руками, от чего казался ровнее и выше, сообщил Эдвин. — Готова?

— Практически ко всему, — ответила улыбаясь. — Да и сколько тут осталось, худшее уже позади.

— Малышка-малышка, — Эдвин приобнял за плечи, — поверь — все только начинается.

Он оказался прав.

Глава вторая: Тренировки

Темно-фиолетовый огненный шар мчится на меня, вынуждая принимать решение — или в грязный снег носом в очередной раз, или щит, на который у меня уже нет сил. Замечаю упавшего Гобби и принимаю мгновенное решение — щит.

— Нет, Риа! — огненный шар, гудя и потрескивая, замирает в шаге от меня. — Вы должны работать в паре. В паре, а ты снова прикрываешь Гобби!

Норт стремительно подошел, ухватил мое местами обгоревшее умертвие за шиворот, резко поднял и поставил на ноги. Я же, не удержавшись, села на снег, закрыла лицо руками.

Шестой час тренировки. Болит все — от скулы, на которой кажется синяк, до большого пальца на левой ноге — ушиблась, когда улепетывали от гештьяры, но итог все так же печален — бойцы из нас с Гобби аховые.

— Ты — мертв! Слышишь, ты мертвый! — втолковывал взбешенный Дастел виновато потупившемуся зомби. — И ты прикрываешь Риаллин! Ты ее должен прикрывать, постоянно! Смотри!

Над заснеженным полигоном вспыхнул экран, схематически отобразивший огненный шар, летящий от Яды в меня.

— Варианты, — шипел Норт, рисуя на схеме, — блок Дрека, у тебя достаточно сил на это. Щит Астрaгены — для твоего уровня наиболее приемлемый и действенный, к тому же позволяет атаковать, используя магию противника против него самого. Клин Адархи — для пламени идеально — оно просто обтекает вас по клину. Ты понял?

Умертвие неуверенно кивнул.

— Еще раз! — приказал Норт.

Мне захотелось упасть на снег и лежать, глядя в серое небо с плывущими по нему свинцовыми тучами, но... Но поднялась, отряхнула снег, встала на шаг позади Гобби, как учил капитан нашей команды.

И все по новой — Яда, нападение, сражение с гештьярой, и сразу три огромных гудящих и потрескивающих огненных шара! Гобби, бдящий с начала боя рухнул в снег, я последовательно применила блок Дрека, щит Астрaгены и клин Адархи, после чего, раскинув руки, тоже рухнула в снег от усталости. Яда, воспользовавшись тем, что бой по ее мнению уже был закончен прыгнула ко мне, плюхнулась на живот и подставила морду так, чтобы ее почесали наиболее любимым Ядой образом.

Конец!

Одно безумно радует — лежу себе, в небо смотрю... пока надо мной не навис свинцово хмурый Эдвин. И вот переведя взгляд с облаков на него, замечаю как ну совсем незаметно, и отчаянно маскируясь под сугроб, ко мне ползет дракон Коготь, причем точно знаю — тоже хочет, чтобы его погладили.

— Яда, брысь! — Норт подошел и теперь нависал надо мной вместе с Эдвином. — Любимая, у меня к тебе два вопроса. Первый: И как долго ты будешь прикрывать Гобби? И второй: На снегу не холодно, нет?

Молча протянула руку, так же молча Дастел обхватил мою ладонь и рывком поднял меня с земли. В голове гудело. Живот болел. Есть хотелось очень и вообще.

— Риа, так нельзя, — присоединился к воспитанию меня Эдвин. — Гобби твоя боевая нежить, он должен тебя защищать. Он тебя, а не ты его!

Я то конечно это понимаю, но проблема в том, что у Гобби все сильнее пробуждается самосознание, и ему, уже пережившему одну смерть, очень страшно смотреть в глаза другой, потому как себя мое умертвие воспринимает живым. Он ведь даже боль уже чувствует! А некроманты, засекли, что магию Норта и соответственно Яды артефакт Кхада практически не поглощает и теперь именно Дастел и его умертвие нас тренируют, сведя на нет все наше преимущество. А мы маленькие и слабые, и без преимущества нам очень непросто приходится.

— Понимаю, ты устала, — Норт обнял, привлекая к себе и позволяя на него опереться, — но навык нужно отработать, Риа. Именно отработать, довести до автоматизма, до реакции на уровне рефлексов. Еще час тренировки.

Я простонала, уткнувшись лбом в его грудь. Нет, вообще-то я понимала, что если попрошу, он мгновенно унесет меня отсюда, вылечит и мою скулу и ногу, покормит и вообще ванную для меня приготовит, но... Мы с Гобби, конечно, маленькие и слабые, зато ко всему прочему мы еще гордые и упорные, а потому:

— Все хорошо, Норт, — я лучезарно улыбнулась. — Можно еще два часа, раз ты отпросил меня с лекций. Я в порядке.

И большими честными глазами посмотрела на него.

— Врет и не краснеет, — хмыкнул, проходя мимо Дан. — Норт, кажется у меня ребро сломано.

Дастел мгновенно отпустил свою «невесту» и ушел лечить Дана. А я наклонилась, зачерпнула снега, и приложила его к саднящей скуле.

— Ты как? — спросил Эдвин.

— Нормально, — бодро соврала ему.

— У нас еще фехтование, — напомнил некромант.

Не буду выть. Не буду и точка! И стоя на ветру, я медленно оглядела весь полигон. Для нас, членов команды по Мертвым играм выделили самое большое тренировочное поле и нагнали сюда наиболее опасную нежить, которая теперь курсировала между двумя рядами ограждений по периметру всего полигона. И это было хорошо, потому что за вторым ограждением курсировали газетчики, восплававшие к нам лютой ненавистью после последних событий. Нет, я их, откровенно говоря, понимала — половина лишилась работы, вторая премии и зарплаты, отдельные личности пострадали менее всего — просто не успели отослать статьи руководству, но и им не позавидуешь. В результате трудяги писательской гильдии застряли в Некросе, и теперь пытаются написать репортажи о тренировках команды по Мертвым играм, чтобы хоть как-то реабилитироваться. Но это они совершенно напрасно — Гобби бдит.

— Риа, у меня есть идея, — внезапно произнес Эдвин.

Пока я рассматривала газетчиков, бродящих за ограждением с бродящими умертвиями, некромант смотрел на меня, и сейчас в его черных глазах появилось что-то такое... пугающее.

— Хочу кое-что проверить, — сказал он мне, после чего схватил за руку и поволок по мокрому снегу. — Гобби, ты с нами.

Умертвия за ограждением, заметив наше приближение, замерли, газетчики затаили дыхание и тоже замерли. Эдвин подвел меня к самой ограде, после вскинул руку... Несмотря на черный тренировочный костюм и дневной свет, черное охватившее его ладонь сияние магии Смерти я четко разглядела, и невольно закусила губу — Харн становился сильнее.

Ощущал это сам, и теперь больше не хватался за оружие, предпочитая использовать собственную находку — меч смерти. Впервые он использовал его четыре дня назад, практически неосознанно, просто «выхватил» не свой двуручник, а сформировавшийся полупрозрачный черный магический меч. И вот как он это сделал — никто из нас не понял, но Норт сразу увел Эдвина в ангар, подальше от глаз газетчиков, и там они вместе долго выясняли что, как, к чему и как это можно использовать. Потом, когда мы с Даном пришли увидели потрясающую картину — Норт и Эдвин сражались, вот только у Дастела был обычный меч, а у Харна — черный из чистой магии. И некромант теперь мог выхватить кинжал, метательные ножи, лук и стрелы в любой момент, причем по смертоносности оружие из магии превосходило железное в десятки раз.

— Эдвин, при газетчиках нельзя, — шепотом напомнила я распоряжение Норты. Дастел просто сразу нас предупредил — свои преимущества не демонстрировать. — Знаю, — Эдвин едва заметно улыбнулся.

Но тьма вокруг его руки сгустилась, и, несмотря на черный рукав и черные перчатки, боюсь, газетчики ее уже тоже заметили, некромант же оглянулся на Гобби и...

Прорыв защитного периметра произошел в единый миг!

Совершенно неожиданно, невероятно, немыслимо, но нежить хлынула на поле. Я заорала от ужаса, Гобби взвыл, Эдвин... Эдвин преспокойно сделал шаг в сторону и прикрылся щитом Хона, предоставляя нас оголодавшим умертвиям!

Дальше все произошло так быстро, что я едва смогла осознать случившееся — на меня бросилась хмыра, полутораметровое зубастое умертвие бывшее некогда болотным монстром. Бросается она как змея — отталкивается кольцами щупалец, взвизгивает в воздух и летит к жертве метров десять свободно, отдельные экземпляры долетают и до пятнадцати с одного прыжка. Этой до меня было метров восемь...

Когда жуткое умертвие взвилось в воздух, я ничего не успела сделать! Ни выставить щит, ни уклониться, ни даже заорать громче. Просто накалился браслет, обжигая предупреждением об опасности, да промелькнула мысль, что после одного укуса хмыры шанс остаться в живых еще есть, но если успеет ухватить второй раз...

Гобби, верещащий, как и я, неожиданно кинулся вперед, прикрывая меня, и как в кошмарном сне все сто двенадцать зубов хмыры вцепились в руку моего умертвия...

И все прекратилось!

Вспыхнул щит, отбросивший хмыру от Гобби, второй отшвырнул всех умертвий обратно в периметр, затем плетение железной проволоки вспыхнуло, соединяясь вновь и блокируя зомби. Я перестала орать и рухнула на колени прямо в снег. Мое шокированное умертвие, у которого два зуба хмыры застряли в руке, рухнул тоже, Эдвин, отвратительно довольный подошел, присел на корточки рядом с нами, глянул на меня, на Гобби, похлопал его по плечу и сказал:

— А ты не безнадежен.

То есть это была проверка?! Проверка?!

Возмущенно посмотрела на Эдвина, он весело улыбнулся мне.

— Ты... ты... ты... — прошептала я.

— Ну-ну? — подначил он.

С хвостом на затылке, прядкой волос, выпавшей из прически и повисшей росчерком на лице, в черном, под цвет глаз и саркастической усмешкой, некромант просто был доволен результатом — Гобби бросился меня защищать. И все, что волновало Эдвина — результат!

Только результат, а то, что я перепугалась до смерти, а Гобби фактически решился на вторую смерть, его совершенно не интересовало, он...

— Эдвин, я тебя убью! — выдохнула разъяренно.

— А вот это вряд ли, — хмыкнул он, совершенно нагло мне улыбаясь, абсолютно уверенный в собственной безнаказанности.

Это и разозлило! И забыв о Гобби, газетчиках и умертвиях, курсирующих за оградой, я рванула на некроманта, с четким и осознанным желанием придушить на месте. Набросилась на Эдвина, схватила за шею, сжала изо всех сил, а этот... Повалившись на спину и утянув меня за собой, некромант попросту расхохотался, полностью игнорируя мои попытки его придушить на месте. И пока я его отчаянно душила, хохотал так, что в итоге я прекратила безнадежные попытки отправить его пешим строем к умертвиям, но едва попыталась встать, адепт крутанулся, уложив меня на снег, навис сверху и спросил:

— Ну чего ты разозлилась?

Тяжело дыша, зло смотрю на него.

— Ты же знаешь, я никому не позволю причинить тебе вред, — улыбнулся Эдвин. — Я же был рядом.

— Ты... ты отошел! — возмутилась я. — Ты отошел и устроил этот прорыв нежити! Ты...

— Ты, — некромант щелкнул меня по носу, — постоянно прикрываешь Гобби и подставляешься. Постоянно. Это неприемлемо, Риа. Да, в финале его никчемность не будет представлять проблемы, но до финала еще дожить нужно. Уяснила?

Кивнула, и все же:

— Ты не должен был так поступать с Гобби.

— Гобби — мертв, Риа, — сурово произнес Эдвин, — и он боец. Твой боец, а в финале — мой. И это уже не игры, ставки слишком высоки, — лицо его словно окаменело, и некромант добавил, — король умеет заставить стремиться к победе.

И поднявшись, Эдвин потянул меня за собой. Гобби, слышавший каждое его слово, вытащил зубы хмыры из своей руки, посмотрел на клыки, подумал, запихнул оба в карман, после подошел и протянул мне ладонь. Так что от периметра уходили мы с умертвием держась за руки, и Эдвин, хмурый, но все равно довольный результатом своей проверки.

А в ангаре нас ждали плохие новости:

— Дан на сегодня выбывает, — произнес Норт, продолжая держать ладонь на левом плече парня.

Выглядел рыжий паршиво — сейчас, когда он полуобнаженный лежал на плаще, были отчетливо видны несколько внушительных синяков, след от когтя, и искривление на ребрах.

Хруст, неприятный, жуткий, и два ребра встали на место, а Дан едва слышно простонал.

— Уйдем через вены Некроса, — продолжил Норт, перемещая ладонь вниз.

При этом сам некромант выглядел тоже не лучшим образом — на лбу капельки пота, зубы сжаты, глаза закрыты.

— Может ты не будешь так выкладываться? — спросил Эдвин.

— Иначе никак, — хрипло ответил Норт. — Завтра Дан должен быть в строю.

Харн кивнул, прошел к лежащему некроманту, опустил на колени рядом, вопросительно глянул на Дастела.

— Нет, не сможешь помочь, — правильно понял его капитан, — но я хочу понять, что произошло. Возьми Рию, обойдите поле, осмотрите уничтоженную нами сегодня нежить.

— Понял, — Эдвин поднялся, указал Гобби на бочки, где уже отдыхали Яда, Культяпка и Коготь, мне же кивнул на выход.

Но я вышла не сразу, несколько секунд наблюдала за Нортом, заметила, как он разсглотнул, догадалась, что его мучает жажда и сбегав к нашим сваленным в углу вещам, взяла фляжку, вернулась. Благодарно улыбнувшись, Дастел попросил:

— Помоги, я не могу прерываться.

Отвинтила крышку, поднесла к его губам, подержала, пока пил, после вытерла капельку воды, скользнувшую по колючему подбородку.

— Ты мое сокровище, — поблагодарил Норт.

Я откровенно смутилась и от его слов, и от собственных действий. Заботиться о ком-то было необычно, я привыкла, что всегда сама по себе, а сейчас Гобби, Пауль, и вот Норт, Дан и Эдвин, и волей неволей я все больше замечала, что они становятся ближе, важнее, теперь и это. Не ожидала от себя такого.

Ничего не ответив Дастелу, торопливо ушла к Эдвину и вообще первая вышла из ангара, и впервые за день порадовалась холодному промозглому ветру, вмиг остудившему щеки. И только на улице поняла, что все еще держу в руках и фляжку, и крышку. Медленно закрыла емкость, повесила на пояс, решив, что сейчас возвращаться в ангар мне не хочется совершенно и...

— Риа, — раздался крик из ангара.

Пришлось протиснуться мимо Эдвина и заглянуть в приоткрытые двери.

— Будь осторожна, — попросил некромант, и вновь закрыл глаза, сосредоточившись на лечении Дана.

Я невольно улыбнулась.

На полигоне было тихо. На этот раз мы основную тренировку проводили за холмом, вне досягаемости глаз газетчиков, и потому сюда не доносились ни их переговоры, ни рычание нежити, которая ходила следом за работниками печати, надеясь добраться до беззащитного мяса, так что единственным шумом здесь оказался вой ветра и скрип снега под нашими ногами.

— Ты не замерзла, кстати? — спросил Эдвин, снимая куртку.

Неопределенно пожала плечами, и поплатилась — куртку надели на меня, а после воин, достав меч, двинулся по полю, переступая уничтоженную нами нежить. Потом вечером их снова поднимут, а завтра будет очередная тренировка, с теми, кто уже знал, как мы можем убивать и значит, будет осторожнее в два раза. Но сейчас умертвия лежали без движения, как самые настоящие трупы, а полигон был похож на древнее поле битвы. И ветер воет, и Эдвин с мечом ходит, переступая через мертвых и...

— Так, — некромант остановился.

Причем остановился на том месте, где стояли мы все в начале боя — на невысоком холме, где Норт был ведущим, я и Эдвин располагались по правую и соответственно левую сторону от него, Дан замыкал — квадрат Касерра, одна из ключевых фигур в некромантии. По Кассеру сильнейший некромант становится сзади — он страхует, второй по силе впереди — он направляет удары, контролирует бой, третий слева — прикрывает, слабейший, а в данном случае я, справа. Классическая схема, просто парни меня натаскивали, вот и встали так, но в середине боя, то есть когда нежити оставалась примерно половина, я споткнулась, Дан отшвырнул меня в центр квадрата и встал на мое место...

— Так-так, — Эдвин опустил на одно колено, — вот ты упала, поднялась, заняла позицию позади Норта, — Харн читал следы как слова в книге, — вот на твое место стал Дан и... Это что?!

Я уже хотела подойти, как парень заорал:

— Риа! В ангар, живо!

Снег вскипел! Вспенился! Взорвался!

И как в кошмарном сне, я увидела падающего Эдвина, чью ногу обхватила когтистая лапа нежити... А затем десятки умертвий, выскочили из-под снега! Десятки! Огромных, измененных, с темно-красным свечением в глазах — управляемые! Впереди, по бокам, сзади! Эдвин подскочил, огляделся, оценил ситуацию, и сипло произнес:

— Ррриа, ккко мне!

Учитывая, что его держал за ногу наполовину высунувшийся из сугроба измененный зомби, приказ был странным, но даже сейчас я понимала — с Эдвином есть шанс продержаться до появления подмоги, а без него мне конец.

— Осторожно, — скомандовал воин клана Мечей, — плавно, без резких движений.

Послушно сделала шаг и... браслет накалился столь сильно, что я зашипела от боли.

— Риаллин! — прошипел Эдвин.

Нельзя. Артефакт не стал бы предупреждать, если бы там было безопасно. Мне нельзя. Закрыла глаза на миг, справляясь с болью, осторожно шагнула назад — кожа зашипела! Едва не заорав, я вернулась на прежнее место, прикусив губу почти до крови, только бы не взвыть и зря. Едва теплая струйка потекла по моей губе, все умертвия разом повернули ко мне головы.

— Риа, кровь! — некромант стал бледным.

Вмиг побелев. То есть вот до этого момента он не боялся, а сейчас...

Браслет вновь начал нагреваться. Стремительно, сильно, докрасна, наверное, потому что я вновь ощутила запах паленой кожи. Страх ледяной изморозью прошел по спине. Смерть снова играла со мной. Магия Смерти. Она была близко, так близко, что защитный браслет начал причинять вред. Но смотреть в глаза собственной гибели сейчас было бы глупо, и я зажмурила веки. Сжала с такой силой, что глазам стало больно. Затем уронила с плеч куртку Эдвина, и вытянула руку влево. Боль! Мгновенно поменяла направление — вправо. Шипение моей кожи прекратилось, и шаг я сделала осознанно.

— Риа, ты... — начал было Эдвин.

— Это магия Смерти, — ответила я негромко, — тебе повредить не сможет, опасайся только умертвий.

И еще шаг вправо — рука была сильно обожжена, я могла ошибаться в своих ощущениях, но вроде болеть стало меньше. Значит, у меня есть шанс? Очередной шаг вправо, все так же с закрытыми глазами и браслет начал холодить, уменьшая нестерпимый жар нанесенных им же ожогов...

Распахнула глаза, огляделась. Казалось бы ничего не изменилось — я всего ничего отошла от места, на котором до этого стояла и где сейчас валялась куртка Эдвина. Сам некромант все так же был на месте нашего прежнего квадрата Касерра, управляемые умертвия, проследили за мной взглядами, но не предприняли никаких действий...

Где-то над нами трещало небо...

— Только бы Гаэр-аш успел, — прошептал Эдвин.

Ветер донес его шепот до меня.

— А если не успеет? — так же тихо спросила я.

— Нам конец, — озвучил мои худшие предположения адепт Харн.

Но, несмотря на свои слова, стремительно формировал черный магический меч, явно планируя дорого отдать свою жизнь. Потому что перед тремя десятками измененных управляемых умертвий не выстоять. Они не просто управляются одним магом, они управляются дробным сознанием, то есть перед нами сейчас фактически тридцать магов, и утешает меня лишь одно — маг явно не боевой, такие не умеют дробить сознание, а значит, все же шанс у Эдвина должен быть — он прекрасный воин и великолепно защищен от смертоносных заклятий. О шансах для меня думать было бы глупо, но мой браслет стал холоден, и это давало надежду на то, что здесь я защищена. Как? Не могу даже представить, но все же.

Медленно слизнула кровь, пронаблюдав за тем, как умертвия сопровождали мой жест судорожным глотательным движением, а затем вновь уставились на меня. Жутко. И это ожидание чего-то тоже пугает невероятно, потому что они чего-то ждут. Старательно ждут, и мне не нравится этот треск, отчетливо слышимый в небе, и неожиданно стихший ветер...

В следующее мгновение я окаменела от ужаса! Потому что вспомнила, отчетливо вспомнила этот треск, и стихший ветер, но больше сухой треск, раздающийся в небе...

— Эдвин, — мой голос дрогнул, — Эдвин, беги...

Воин удивленно глянул на меня, все такой же настороженный и готовый к битве, которой не будет. Не начнется она, смысла нет. Меня иначе уничтожат, и от этого никакой артефакт не защитит — не бывает защиты, от сил природы. Нет ее и все. Молнии — чистая энергия, абсолютная и в определенных условиях управляемая. А погодой сейчас управляли.

— Эдвин, — спазм охватывал горло, — Эдвин, умертвия не тронут тебя. Беги, Тьмой заклинаю, беги сейчас же!

Некромант не сдвинулся с места, но брови сдвинул и теперь смотрел на меня с явным подозрением, а затем произнес:

— Но артефакт...

Его голос потонул в грохоте, раздавшемся над нашими головами. И я поняла, что медлить нельзя и придется соврать.

— Не поможет! — и я сорвалась на крик: — Беги, ты отвлечешь удар стихии на себя!

Чистейшая ложь, но вот она я стою, перепуганная и дрожащая, и вот он воин дома Мечей, превосходно знающий законы войны, маневры применяемые для отвлечения противника и горящий долгом меня защитить... И сработало — Эдвин сорвался на бег, едва небо вновь загрохотало. Рванул к ангарам со скоростью, сделавшей бы честь даже измененным умертвиям, но вся штука в том, что они остались стоять на месте. А значит цель у них совсем не парни, цель — я. Именно я.

Грохот!

Треск!

И разряд молнии, ударившей именно в то место, где я недавно стояла... Но и сейчас оказалась слишком близко — волосы мгновенно встали дыбом, шапка едва не упала, но я стояла четко на месте — браслет оставался холодным, хоть и нестерпимо жгла прежде обожженная кожа. Впрочем — дозированная боль отрезвляет, и сейчас я была рада ожогам, они не позволяли скатиться до паники.

Треск!

Разряд в двух шагах от меня и жар, обдавший лицо.

Замечаю, что Эдвин остановился, из-за ангара выбежали Норт и Дан, за ними Гобби, но я сейчас не опасалась за парней — голова на плечах есть, значит не подойдут...

Треск!

Сухой, до костей пробирающий и разряд молнии, обугливший умертвие в шаге от меня. И когда зомби дымясь рухнул, на снегу остались лишь его ноги до колен, которые все так же стояли... дымясь.

— Ыыы, — рев со стороны Гобби и движение Норта, отбросившее его назад.

И взгляд... взгляд Дастела, который я наверное никогда не хотела бы видеть... потому что в них плескался страх на грани ужаса, и боялся Норт за меня...

Треск!

Я запрокинула голову вверх, готовая принять последний удар, или выстоять, если разряд будет опять крайне близко.

Но ничего не произошло.

Ни молнии, ни жара, ни грохота грома, ни даже звука.

Как-то внезапно и очень резко наступила тишина. Удивительная, абсолютная, спокойная совершенно тишина. В какой-то миг я подумала, что умерла и потому уже ничего не слышу, но руку продолжало сильно жечь, пекло обожженное близкой молнией лицо и значит, я все еще оставалась живой. Но вот куда делся треск?! И молния? И грохот?

— Тебе очень повезло, Риаллин, — раздавшийся в этой абсолютной тишине голос ректора заставил вздрогнуть. — Действительно повезло — прямой вход в вены Некроса диаметром всего полметра, и он здесь единственный на весь полигон.

Я прекратила смотреть в небо, повернулась и увидела стоящего в десяти шагах от меня лорда Гаэр-аша. И он стоял, а измененная управляемая нежить медленно таяла, врастая в снег грязными вонючими лужами. Именно таяла, как карамельные скульптурки поставленные на раскаленную сковороду... Меня замутило.

— Не двигаться! — хмуро приказал глава Некроса.

Гаэр-аш поднял руку, с его пальцев сорвался сине-зеленый огненный смерч. Сорвался и замер в метре от некроманта, все увеличиваясь и увеличиваясь и вот теперь весь воздух загудел от напряжения.

А затем ректор спустил созданную стихию с поводка!

Гудящий, шипящий, воющий огненный смерч понесся по полю, выжигая умертвий, снег, кровь, лужи, оставшиеся от нападавших, и обнажая землю с отчетливо видимыми прорытыми ходами в ней. И когда огненный вихрь понесся по следу, оказалось, что путь был прорыт у ворот, там, где охрана периметра впускает нежить, если с ней идет некромант. А это значит — кто-то намеренно провел умертвий на полигон. Кто-то, кто и сейчас находится не далеко...

Я испуганно посмотрела на лорда Гаэр-аша, он стоял и сжимал зубы с такой силой, что на лице стали видны желваки, узлами ходящие по скулам. Движение — и огонь остановился, еще движение — взмыл вверх, образуя над полигоном черно-зеленый огненный купол, по виду чем-то напоминавший половинку мыльного пузыря, потому что так же переливался и двигался, меняя цвета.

— Отныне на это тренировочное поле доступ только вам четверым и вашей личной нежити, — голос ректора прозвучал глухо, но был слышен всем отчетливо. — Попытайтесь провести кого-то лишнего — он сгорит на входе.

Учитывая, что Пауль часто приходил со мной и Гобби, а с ним и Салли, которая, как и я

скупчала без Рика, предупреждение оказалось нужным и очень полезным. Но на этом разговор не завершился:

— Харн, — Гаэр-аш при этом даже не смотрел на него, — где Дан получил удар?

Эдвин мгновенно развеял свой меч и по вонючему чавкающему болоту, которое осталось после растопленного огнем снега, он подошел к пригорку, на котором мы стояли в начале тренировки, указал место.

— Квадрат Кассера, — мгновенно догадался ректор. — Натаскивали Каро?

Парни кивнули.

— Как на ее месте оказался Шейд? — последовал новый вопрос.

Ответил Данниас:

— Культяпка как-то неаккуратно вел бой, дважды чуть не задел Рию, вот я и сменил ее.

Гаэр-аш кивнул, затем произнес:

— И получил удар, нанесенный кем-то, кто владеет техникой бесконтактного боя.

— Похоже, что так, — подтвердил Норт. — Слишком обширные повреждения, да и ощутил их Дан не сразу.

Лицо ректора потемнело, и я невольно содрогнулась — Гаэр-аш был в ярости, и сложилось впечатление, что единственное его желание сейчас — убивать. Убивать много, долго и со вкусом. Но сдержавшись, глава Некроса повернулся, направил пристальный взгляд на меня и задал неожиданный вопрос:

— Как ты поняла, куда следует встать?!

Ничего не отвечая, я сняла куртку, затем оттянула рукав свитера, открывая браслет, находящийся на ярко-красном ожоге. В воздухе мгновенно завоняло паленой кожей, но я была очень, очень, очень благодарна своему артефакту, благодарна настолько, что на глаза навернулись слезы.

— Норт, справишься? — голос ректора прозвучал глухо.

— Да, — так же глухо и с заметной хрипотой прозвучал голос Дастела.

— Хорошо, в мой кабинет, — приказал Гаэр-аш.

Затем повернулся ко мне.

Секунду внимательно смотрел, а после...

Я как-то внезапно и совершенно неожиданно провалилась в вены Некроса. И это падение не замедлялось и не останавливалось — я летела, летела, летела, по белым полупрозрачным трубкам, мимо камней и стен, мимо тепла, источник которого так и не успела заметить, мимо пропасти, столь громадной, что казалось в ней скрывается сама Тьма, мимо стены и какого-то строения...

И неожиданно зависла, глядя на приведение, свесившееся с книжного стеллажа и внимательно наблюдающего за мной. И едва не вскрикнула, когда кто-то подхватил, прижимая к своему телу.

Не закричала лишь по одной причине — Гаэр-аш мрачно произнес:

— Тихо!

Я и молчала, пока он нес меня к креслу перед его столом, и когда, поставив на ноги, извлек нож и разрезал рукав моей куртки так, чтобы не задеть поврежденную кожу, и даже когда произнес:

— Кольцо Норта спасло бы тебя от первого удара молнии, мое — сдержало бы еще два, но четвертый разряд... — его голос внезапно осип.

Меня же в сказанном ректором откровенно поразило то, что:

— Ваши кольца несут защитную функцию? А как...

Я умолкла, натолкнувшись на его пристальный злой взгляд. Неимоверно злой, у меня дыхание перехватило и холод прошелся по спине, а лорд Гаэр-аш, прикоснувшись к моему подбородку костяшками пальцев и вынудив запрокинуть голову, тихо произнес:

— Ты грязная, на скуле ссадина, губа разбита, нос красный от мороза, волосы растрепаны и торчат в разные стороны, одежда забрызгана останками умертвий. В данный момент ты отвратительно выглядишь, Риаллин. Но все о чем я могу думать, это о том, что хочу зацеловать твое личико, благодаря небеса и всех богов за то, что сохранили тебе жизнь.

Попыталась отойти и чуть не рухнула в кресло, которое преграждало мне путь назад, но ректор придержал, подержал так несколько мгновений и устало спросил:

— За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?

Я осторожно высвободилась, села, придерживая больную руку, и задала вопрос, который терзал уже давно:

— А мне за что?!

Лорд Гаэр-аш посмотрел на меня, с заметным удивлением, и именно вот это его непонимание ситуации, побудило к продолжению разговора:

— Я не искала вашего внимания, — смотрю исключительно на свои запачканные и мокрые колени, — не подавала повода, не мечтала о вашей... страсти. Все, чего я хочу — закончить Некрос и получить лицензию и диплом, большего мне не нужно.

Ректор медленно нагнулся ко мне, схватил за подбородок, вынудил смотреть в его глаза, потемневшие от гнева, и пугающе тихо спросил:

— Что?

Сжавшись в кресле и испуганно глядя на лорда Гаэр-аша, я ничего больше не смогла сказать, понимая, что отчаянно боюсь этого человека. Действительно боюсь.

Распахнулась дверь и ректор так же медленно, неторопливо, нехотя отпустил меня, уступая место Дастелу. Норт, уже переодевшийся, подошел, опустился на корточки перед креслом, взял мою больную руку, снял браслет. И почти сразу боль исчезла, а затем и ожоги начали спадать, возвращая коже прежний цвет. Но проблема в том, что я и о состоянии некроманта знала.

— Норт, — осторожно прикоснулась к его руке, — тебе не тяжело?

— Нет, Риа, все в порядке, — не открывая глаз и продолжая лечить меня, ответил Дастел. — Просто...

Он умолк на полуслове. Злой, собранный, напряженный. Закончил с рукой, пристегнул браслет обратно, протянул ладонь коснулся моей поцарапанной скулы — саднить тоже мгновенно перестало.

— Еще нога, так?

Я кивнула, умоляюще глядя на Норта. Тот понял, что раздеваться здесь у меня лично никакого желания нет, понимающе улыбнулся, встал и протянул мне руку.

— Она не сможет идти, — хмуро произнес лорд Гаэр-аш, стоявший у окна и задумчиво всматривающийся куда-то вдаль.

— Знаю, — отозвался Норт, — понесу на руках.

— Используй вены Некроса. — Пауза и приказное: — Постоянно.

Дастел не стал ничего отвечать, подхватил меня на руки, шагнул к стене, и едва та растворилась, вошел в белую полупрозрачную трубку. Затем молча пронес меня через вену, и вышел в подсобке общежития. На нас, появившихся из места, где даже дверей не

наблюдалось, никто не обратил внимания — привыкли. Несколько человек кивнули Норту, приветствуя, Дастел едва заметно кивнул им в ответ, а затем взбежал по лестнице вверх, прошел по коридору, ударом открыл дверь и внес меня в свою комнату.

Нас уже ждали — Эдвин и Дан, умертвий не было. В связи с тем, что игры приближались, боевая нежить основное время содержалась в охраняемом ангаре, а мне приходилось таскать Гобби книги, чтобы не скучал.

И вот когда мы вошли, Эдвин хмуро посмотрел на меня и сказал одно единственное слово:

— Убью!

— Не сейчас, — осадил его Норт.

— Да, уступи место капитану, у него право убить первым, — хмыкнул Дан.

— Долечить для начала нужно, — хмуро ответил Дастел и потащил меня в ванную.

Там, пока я раздевалась и после заворачивалась в полотенце, Норт деликатно стоял ко мне спиной и изучал взглядом дверь.

Но едва сказала «Я все», стремительно повернулся, и вместо того, чтобы взять и вылечить, вперился мрачным взглядом в мои глаза. И он стоял и смотрел, молча и зло, а я...

— Норт, — растерянно позвала его, — Норт, я не могла иначе, правда.

Один шаг и некромант, оказавшись вплотную ко мне, вдруг обхватил мое лицо ладонями, судорожно выдохнул, и, склонившись к моим губам, поцеловал.

И я растерялась, замерла, не дыша и не зная, что делать. Оттолкнуть Норта? Наверное, стоило бы, но я ощущала, как подрагивают его ладони, и не могла забыть тот, полный страха за меня взгляд на полигоне, когда в меня целенаправленно били молнии, и не смогла... Просто не смогла. И закрыв глаза, я впервые в жизни безропотно отдалась чужому порыву нежности.

И, наверное, это стало моей самой страшной ошибкой в жизни, потому что то, что случилось дальше я никогда не смогу оправдать перед собственной совестью, но тело, среагировало само, и я не знаю в какой момент, руки скользнули по груди некроманта вверх, обвивая его шею, а сама я прильнула ближе. В тот момент это показалось таким правильным, и тихий стон Норта, сжавшего меня в объятиях только подтвердил правильность ситуации, и поцелуй, ставший совершенно иным — страстным, проникновенным, сводящим с ума. Сводящим настолько, что земля уходила из-под ног, вся ванная комната словно кружилась вокруг нас, и в какой-то момент застонала я, и этот стон отрезвил в миг.

Я вздрогнула, отстранилась, чувствуя, как бешено, колотится сердце, и испугавшись реакции собственного тела, и голоса, и себя...

— Прости, — Норт привлек мою голову к своей груди, погладил по волосам, — прости, маленькая, просто испугался. Дико испугался, и даже когда лечил, не мог отделаться от мысли, что тебя нет. Больше нет. Просто хотел ощутить, что ты живая, что со мной, что рядом, что дышишь... Прости.

А я поймала себя на мысли, что даже не разозлилась, не возмутилась, и толком не была против. Потому что не хотела обидеть Норта, потому что он стал близким, очень близким, слишком близким.

— Стоять можешь? — он выдохнул этот вопрос, осторожно целуя мои волосы.

Сделала вид, что не замечаю этого и кивнула.

В то же мгновение некромант соскользнул вниз, прикоснулся теплыми ладонями к моей

правой ноге, и магия заструилась по венам, убирая боль.

— Все, — Дастел поднялся, — воду тебе Салли подогрела, полежи, расслабься, постарайся забыть обо всем.

Он улыбнулся мне, погладил по щеке и вышел, плотно прикрыв дверь за собой.

Некоторое время я стояла растерянная, и думала о том, какие последствия будут у моего лишённого разума поступка, с ответом на поцелуй Норта. Мысли были самые безрадостные, и потому я решила, что с Дастелом нужно объясниться сейчас же, и сказать, что я не испытываю к нему ни каких чувств, и то, что я его обняла, ничего не значит.

Я много чего хотела сказать, и, приоткрыв дверь, собиралась позвать Норта, но тут услышала голос Дана:

— Культяпка чувствовал, он раза три пытался вывести ее из боя.

— Плохо, что ни один из нас не заметил измененную нежить, — зло произнес Дастел.

— Опять же удар Дана, — заговорил Эдвин, — бесконтактный бой вещь не простая, я мало что знаю об этом, но те боевики, с которыми сталкивался, наносили удар с расстояния пяти метров, не больше. Так вот — мы ничего не заметили.

— Я толком не почувствовал, — Данниас выругался, помянув Тьму. — И это я, на мне Эль-таим, плюс собственная защита, плюс мускулатура и кости крепкие, а Рийку снесло бы вмиг!

— Да, — подтвердил Эдвин, — бесконтактные удары щиты пропускают, а магическая защита не воспринимает как угрозу и так же пропускает. Риа не выжила бы.

— Я все никак не могу понять, — заговорил Норт, — почему ее так старательно пытаются убить? Кому она мешает?

Некроманты замолчали, и вдруг Эдвин сказал:

— Да всем она мешает, Норт.

Я прикусила губу и затаила дыхание, парни молчали.

Эдвин продолжил:

— Риаллин — одна сплошная неожиданность, никто не в курсе, чего от нее ждать.

— Мы в курсе, — тихо вставил Дан.

— Да брось, малышка меня сегодня в два счета обставила! — зло отрезал Эдвин.

— Она тебя спасала, Харн, — задумчиво произнес Норт.

— Это и бесит! — судя по скрипу отодвигаемого стула, воин клана Меча поднялся. — У меня четкое ощущение, что Риа погибнет из-за нас.

Тишина, затем едва слышный голос Дана:

— Я тоже постоянно об этом думаю. Риа никому не была нужна до того, как выиграла Мертвые игры. Но целенаправленно пытаться убить ее стали с тех пор, как она в нашей команде. Так что дело не в ней, дело в нас.

Снова стало тихо.

— Завтра бал, — произнес Норт.

— Нам тренироваться нужно, — напомнил Эдвин.

— Согласен, не до развлечений, — поддержал Дан.

Увы, я, после всех рассказов Рика мечтала о бале так сильно, что, не удержавшись, толкнула дверь, и когда та распахнулась, а некроманты разом повернулись ко мне, стеснительно сообщила:

— Я пойду на бал.

Переглянувшись, парни тихо выругались, а Эдвин еще и прошипел, обращаясь к Дану:

— Так говоришь, ты в курсе чего от нее ожидать?

Дан промолчал, внимательно меня рассматривая. Проследив за его взглядом, я ойкнула и торопливо закрыла двери, прикрывая оставленные на всеобщее обозрение полотенцем ноги, слышала смехок Норта. Но даже из ванной решительно повторила:

— Я точно пойду на бал!

Кто-то подошел и демонстративно плотно закрыл дверь, после по кромке пробежался огонек, и все, больше я ничего не слышала. Но было не слишком и интересно, так что я не расстроилась, и вскоре сидела в теплой ванной, блаженствуя и отогреваясь. И уже почти заснула, когда раздался стук в двери, а следом голос Норта:

— Можно я войду?

Взбив побольше пены, я ответила:

— Входи.

И сразу же пожалела об этом, вспомнив произошедшее. Я откровенно боялась, что Дастел станет вести теперь себя иначе, что из нашего общения вмиг исчезнет та теплая дружеская атмосфера, которая воцарилась в команде по Мертвым играм. Опасалась, что вновь придется вести себя, как и прежде, что...

— Ты не замерзла? — Норт остановился возле двери, движением головы откинул челку с глаз, улыбнулся.

Я же медленно погрузилась в воду по самый подбородок и промолчала.

Дастел медленно прошел ко мне, сел на край ванны, коснулся пальцем пены, поднес ее к губам, подул и несколько маленьких переливающихся пузырьков полетели в меня. Зажмурившись, дернула головой, затем вынула руку из воды, встряхнула, демонстративно вытерла лицо и хмуро спросила:

— Издеваться обязательно?!

— Я не издевался, — улыбнулся Норт. — Просто ты вся в пене, но при этом умудряешься выглядеть сердитой, напряженной и чем-то на маленького, готового дать отпор зверька, похожей.

Мрачно смотрю на Дастела.

— Прекрати, — мягко попросил он. — Я ведь тебя не трогаю.

С этим не поспоришь.

— И не собираюсь.

Уже радуется.

— Ты правда хочешь на бал? — Норт чуть наклонил голову к плечу и теперь внимательно смотрел на меня.

— Хочу, — честно призналась.

И тогда Дастел неожиданно наклонился, протянул руку, и коснулся моей груди. В первый миг я замерла, даже не зная как на это реагировать, но после поняла, что ни до чего интимного, некромант расположивший ладонь от шеи до собственно грудной клетки, не касается. Норт же, закрыв глаза, несколько секунд сидел, не двигаясь, затем мягко отстранился, встал, прошел к умывальнику взял полотенце и тщательно вытер руку.

Некоторое время стоял спиной ко мне, затем глухо произнес:

— У тебя магия на нулевом уровне, фактически на пределе, Риа, и восстанавливается очень медленно.

— Не медленно, — я невольно потерла то место, где касался Норт, — просто сегодня браслет, защищая меня, выпил все, что мог.

— Не столь важно, как то — что ты на нуле.

Дастел крутанулся, разворачиваясь, вновь подошел ко мне и присел опять на край ванной. И теперь он просто смотрел на меня, внимательно очень. Не могу понять, почему я занервничала и в итоге опустила глаза, глядя теперь исключительно на пену. Как не могла объяснить и самой себе внезапно покрасневших щек.

— Платье выбираю я, — неожиданно произнес Норт, — и собираешься ты у меня. И от меня переносишься на бал. И гарантируешь, что не отойдешь от меня ни на шаг!

Не знаю, для чего это Норт, потому как если Рик прав то на балу мы даже не узнаем друг друга, но я кивнула. Дастел тяжело вздохнул, и тихо сказал:

— Выходи, мы тебя ждем.

Нехотя покинув ванну, я вытерла волосы, надела халат и вышла. В комнате Дастела все было как обычно — ужин на столе, парни с учебниками, Пауль и Салли на окне, паучок ей показывал на звезды и пищал что-то романтическое.

— С завтрашнего утра займусь твоими тренировками, — не отрываясь от чтения, сообщил мне Эдвин.

Растерянно остановившись, я неуверенно произнесла:

— Так Норт же...

— Норт тренирует тебя как мага, я займусь физической формой, — раздраженно пояснил некромант.

— А я по теории прогоню, — добавил Дан.

И тут дверь в комнату распахнулась!

При виде ректора, я невольно стянула халат у шеи, Пауль радостно пискнул, Салли юркнула за занавеску, Эдвин вскинул бровь, Норт поднял взгляд на родственника, и собственно все застыли в ожидании слов главы Некроса.

Слов не было.

Лорд Гаэр-аш подошел к Эдвину, и молча швырнул в него стопкой газет.

Харн не издал ни звука, а вот я испуганно вскрикнула, и напрасно — ректор бросил на меня полный ярости взгляд, от которого я и вовсе опешила. Меж тем газеты, распадаясь из стопки соскользнули вниз и я увидела изображения на пол страницы, где...И заголовки.

— Ох ты ж Тьма! — выдохнул Дан.

Норт наклонился, поднял первое печатное издание, где крупным шрифтом было выведено: «Измена в команде Некроса!». А ниже, бросающаяся к Эдвину я и он радушно раскинувший руки для объятий, и Гобби неподалеку, с отвисшей челюстью...

Дастел молча скомкал газету и запустил... в недовольно простонавшего Харна.

— Норт, это не то, что ты думаешь, — прошипел он, получив бумагой в лицо.

Но Дастел поднимал уже вторую газету, и вот там: «Любовники не сумели сдержать страсть на тренировочном полигоне!», и снимок меня, лежащей навзничь на снегу, и Эдвина, нависшего сверху и держащего мои запястья... И выглядело все невероятно двусмысленно.

И остальные газетные заголовки были не лучше! «Риа Каро и Эдвин Харн, устроили любовные игры во время тренировки!». «Страсть на поле боя!». «Невеста наследника Армерии была замечена в страстных объятиях его друга!».

И ведь ни одного кадра, где я душу Эдвина! Или к примеру, где он устраивает прорыв нежити! Ничего! Только те снимки, которые выглядели более чем неприлично, и момент,

где я приподнимаюсь, а лицо Эдвина совсем рядом, или где он надо мной и смотрит мне в глаза, или где я практически в его объятиях, опрокидываю его на снег, или...

— Я просто хотела убить Эдвина! — мой голос дрожал от подобной несправедливости и вообще бесчестного подлога и...

Что обидно — газетчики ведь точно видели, и как нежить напала, и насколько я была зла, и что пыталась душиť некроманта, и...

— Я... — подбородок задрожал.

— Риа, речь вообще не о тебе сейчас, — попытался успокоить меня Дан, который даже отодвинулся от Эдвина и приготовился наблюдать чего сейчас с ним сделают.

Но не сдержалась:

— Это так подло! Это вообще подло! Это... Они же все видели! — меня просто трясло и от возмущения, и от обиды и от всей этой вопиющей несправедливости. — И я...

И тут лорд Гаэр-аш холодно произнес:

— Адептка Каро, позвольте поинтересоваться, а что вы вообще тут делаете в таком виде?!

У меня все возмущение по поводу газетчиков вмиг испарилось, Дан хмыкнул, Норт ответил:

— Моя невеста находится здесь, во-первых, потому что ей требовалось лечение, и, во-вторых, потому что она моя невеста.

В комнате повисло молчание, но прервал его ректор:

— Каро, немедленно в женское общежитие!

Я вздрогнула, но за меня вновь ответил Норт:

— При всем моем уважении, лорд Гаэр-аш, я вынужден повторно напомнить вам, что Риаллин является моей невестой, ко всему прочему — она только из ванной, и посему даже будучи я просто посторонним человеком для леди, как целитель воспрепятствовал бы подобному развитию событий!

Именно в этот миг мне и стало страшно. Стало действительно страшно, потому что темно-серые глаза ректора вдруг начали заполняться тьмой, причем столь стремительно и явственно, что испугалась не только я — подскочили Дан и Эдвин, причем оба мгновенно выставили щиты — Дан прикрыл себя, Эдвин нас обоих, встав передо мной.

И только Норт сохранил непостижимое спокойствие, более того, ровным тоном произнес:

— Леди кен Эриар официально моя невеста. И находится здесь по собственной воле.

Так как я стояла за спиной Эдвина, то видеть происходящее уже не могла, потому лишь затаила дыхание, едва услышала:

— Твою невесту, Дастел, весьма качественно скомпрометировали.

И ответ Норта:

— Разберемся.

Хлопнула дверь.

И почти сразу Норт прошипел:

— Риа, спать. Пауль, с нами. Это вечерние выпуски газеты, утренних быть не должно.

— Нам нужен Гобби, — сказал Дан.

И на этом и я, и учебники были забыты. Некроманты быстро перекусили, фактически на ходу, собрались, Норт на прощание подошел, обнял мое лицо ладонями, заставил посмотреть на себя и почти приказал:

— Поешь и спать. Не переживай, с газетчиками мы разберемся.

На это я попыталась было возразить и напомнить, что у меня своя комната есть в общежитии и...

— Риа! — перебил меня Дан. — Тебя сегодня убить пытались! Ложись спать, чудище неугомонное!

Эдвин ничего не сказал, просто молча собрал все газеты.

И через минуту я осталась с Салли и ужином.

Саламандрочка юркнула с окна, пробежалась по полу, и вскоре устроилась у меня на груди, забравшись под халат. Она тосковала по Рику, как впрочем и я. Наверное поэтому я становилась все ближе к парням, потому что... мне не хватало Рика. Он был теплым, своим, он ни на чем не настаивал и не командовал, а еще с ним я переставала ощущать себя маленькой и подконтрольной.

— Все будет хорошо, — прошептала я, погладив Салли, — все будет хорошо, вот увидишь.

Она тяжело вздохнула и прижалась ко мне сильнее.

Да, у Салли был Пауль, но ей как и мне не хватало лучшего друга, единственного, кто понимал с полуслова, и... Без Рика все было как-то не так.

Я подошла к столу, села, взяла хлеб, который Эдвин несмотря на спешку успел нарезать для меня, просто я единственная кто ел черный, намазала его маслом, налила себе чай, и взяв учебник, начала по привычке совмещать ужин с чтением боевой некромантии.

Бутерброд был съеден наполовину, а параграф об Энориусе, заклинании уничтожающем воплощение лича прочитан лишь на треть, когда открылась дверь.

Не поднимая головы, я дожевала откушенное и устало сказала:

— Норт, я дочитаю и ложусь, правда. Но я сегодня со всеми этими событиями, всего шесть заклинаний выучила, а нужно десять в день как минимум.

Он ничего не сказал, закрыл дверь, подошел, остановился рядом со мной. Я же вновь откусила от бутерброда, перевернула страничку, отложив хлеб, сделала глоток чаю, и еще один, внимательно вчитываясь в «Силовое плетение заклинания „Энориус“ имеет отличительные особенности». Как вдруг Дастел провел ладонью по моим еще влажным, и потому распущенным волосам. Провел осторожно, едва касаясь, так, будто боялся прикоснуться, но удержаться не смог.

И я поняла, что это не Норт!

— Где остальные? — прозвучал вопрос лорда Гаэр-аша, и он убрал руку от моих волос.

Дрожь прошла по телу, но я все же нашла в себе силы ответить:

— Ушли решать... проблему с газетчиками...

Вздох, и ладони ректора легли на мои плечи, а сам он произнес:

— Собирайся, я перенесу тебя в женское общежитие.

У меня на груди осторожно завозилась Салли, но демонстрировать свое присутствие не стала, впрочем, я ее понимаю — самой жутко, и отвечать тоже самой придется. Вот только что ответить? Ночевать у Норта мне все же было несколько не по себе, но парни вернутся, а меня нет, и переживать будут... Нет, не будут, напишу записку.

— Хорошо, — выдохнула я.

И попыталась подняться. Но меня усадили вновь, и Гаэр-аш сказал:

— Чай допей.

После чего обошел стол и сел напротив меня.

Сказать о том, что аппетит у меня напрочь пропал, я не решилась. Отложила недоеденный бутерброд, обеими руками взялась за чашку, стараясь не показать, как сильно дрожат ладони. И поняла, насколько меня трясет, более того — под халатом ничего, кроме Салли не было, и нагота сейчас ощущалась как-то особенно остро. И мне еще нужно было переодеться, не шагать же по венам Некроса в одном халате, причем мужском и...

— Хватит меня бояться, — мрачно произнес ректор.

И у меня зубы застучали о край чашки. Мгновенно поставила ее на стол. И поняла, что накрывает паника, а это плохо. Совсем плохо. Потому что паника не то состояние, в котором сохраняется адекватное мышление... Но паника накрывала. Я очень боялась, что лорд Гаэр-аш сорвется и попытается продолжить то, что едва не совершил в своей спальне, боялась, что начнет сейчас вновь оскорблять, впрочем нет, слов опасалась гораздо меньше, чем действий... И мне очень хотелось, чтобы вернулся Норт. Пришел прямо сейчас!

— Риаллин, — в голосе лорда Гаэр-аша послышалось раздражение, — прекращай. Да, ты сводишь меня с ума, но не до такой степени, чтобы я взвалил на себя трон и все ему сопутствующее. Прекрати дрожать, я не трону тебя исключительно по одной причине — кольцо, что сейчас на твоём пальце незримо для всех, обретет очертания, едва брак будет консуммирован.

Мой испуганный взгляд метнулся к правой руке — кольца там действительно не было видно, но я знала, что оно есть, и оно не снималось — попытки я предпринимала и не одну. И сказанное ректором сейчас меня напугало окончательно — я искренне надеялась, что его слова про брак были шуткой, попыткой поиздеваться, всем чем угодно, но только не правдой.

— Ваше кольцо мне снимается, — глядя исключительно на стол, с трудом выговорила я.

— Естественно, — холодно произнес ректор. — Это же не помолвочное кольцо, Риаллин, это обручальное. И снять его могу только я, и только в том случае, если не консуммирую наш брак.

Вздрогнув всем телом, я все же набралась смелости и попросила:

— Заберите ваше кольцо, пожалуйста.

В комнате Норта повисла мрачная, какая-то угрожающая тишина. Затем раздался тихий, издевательский вопрос:

— Риаллин, как у вас с сообразительностью и мышлением?

Я не ответила, Гаэр-ашу мой ответ и не потребовался, он жестко продолжил:

— Мое кольцо — ваша защита, практически единственная с тех пор, как собственный Эль-таим вы бездумно отдали Сердцу Некроса. Более того — мое кольцо и вовсе останется вашей единственной защитой, если команда Дастела проиграет Мертвые игры. Поразмыслите над этим прежде, чем вновь озвучивать идиотские просьбы!

И мне стало обидно, причем настолько, что слова вырвались сами:

— Вас никто не просил меня защищать, лорд Гаэр-аш!

Смотрела я при этом исключительно на стол перед собой, и никуда больше, но злость начала стремительно вытеснять страх.

— Неужели? — прозвучало ядовитое.

— Именно так! — я сжала руки, стараясь унять дрожь, и понимая, что следовало бы просто смолчать и не провоцировать конфликт. — Мне не требуется ни ваше кольцо, ни ваша защита, ни...

— Прекрати, — заставил меня оборвать себя на полуслове, тихий голос ректора.

И от его тона холод прошелся по спине, вынуждая вовсе замолкнуть.

И тогда Гаэр-аш продолжил:

— Я уже понял, эти чувства ни тебя, ни меня не радуют вовсе. Прискорбно. Мне гораздо проще и понятнее было видеть в тебе золотоискательницу, и я искренне сожалею, что ты еще слишком молода, чтобы здраво смотреть на жизнь и предоставляемые тебе возможности.

Несколько томительно-долгих мгновений ректор молчал, затем тихо и ровным голосом продолжил:

— С каждым днем, с каждой ситуацией, я понимаю, что все больше и больше восхищаюсь тобой... Выдержкой, благородством, готовностью отстаивать свои идеалы, умениями артефактора, честностью и способностью ставить жизнь других, выше собственной... В тебя невозможно не влюбиться, Риаллин, и как бы я не пытался перед самим собой оправдать все страстью — не выходит.

Я не хотела об этом слушать. Не хотела слышать. И знать мне так же не хотелось. Не глядя на лорда Гаэр-аша, я поднялась, торопливо начала собирать свои вещи — учебники и тетради, брошенные тут в обед, так как после первой пары я пришла к Норту, и занималась, пока он не вернулся. Из шкафа достала вешалку с платьем и мантией, с полочки сложенные чулки, и...

— Ты всегда стараешься игнорировать то, что не нравится? — прозвучал разгневанный вопрос.

Я швырнула вещи на кровать, развернулась и впервые за последние дни посмотрела в глаза ректору. Вообще посмотрела на ректора. И даже понимая, что нельзя, категорически нельзя подобное делать, прямо спросила:

— А какой реакции вы ожидаете, лорд Гаэр-аш?!

Он не ответил, лишь мгновенно зло сузились глаза, и губы превратились в две тонкие линии, придавая лицу главы Некроса неимоверно хищный вид, и мне бы умолкнуть, но сдержанность дала сбой.

— Вы — мерзавец! — я проговорила отчетливо каждый звук.

Гаэр-аш плавно поднялся, плавно, но угрожающе быстро, опрокинув стул, и тот с грохотом повалился на пол. Я содрогнулась, но лишь выше вздернув подбородок, выдохнула:

— Чем на этот раз обернется ваша ярость? Очередными оскорбительными высказываниями в мой адрес? Словами о ваших внезапно вспыхнувших чувствах, за которые вы ненавидите и себя, и меня? Обвинениями в черствости? Или попыткой вновь принудить меня к отношениям, которых я даже не то, что не желаю — боюсь до ужаса!

Лицо лорда Гаэр-аша окаменело от ярости. Но меня уже было не остановить.

— Только троньте! — отчеканила я. — Вот только попробуйте меня тронуть, и клянусь, я...

Договорить не успела! Каким-то неимоверным образом лорд Гаэр-аш оказался вплотную ко мне, одна его рука обвила мою талию, прижимая к телу некроманта, вторая демонстративно медленно провела по моей щеке, и ректор прошептал застывшей мне:

— Тронул.

В следующий миг в тишине комнаты отчетливо раздался звук пощечины.

Я не знаю, как у меня хватило на это смелости. Я даже до конца не осознала, что удар нанесла я, лишь боль в руке была тому прямым подтверждением. Я дышать перестала,

испуганно переводя взгляд с потемневших глаз Гаэр-аша, на едва заметный красноватый след от пощечины, на его лице... И вновь на его глаза, которые... и мне это наверное показалось, вдруг вспыхнули огнем!

Не сиянием, не темно-фиолетовой магией некромантии — а ярко-синим огнем!

И лорд Гаэр-аш отпустил, отшатнулся от меня, затем резко отвернулся, скрывая тот факт, что его глаза продолжали полыхать пламенем!

— За какой Тьмой?! — хрипло выругался он. — За каким гребанным умертвием?!

Я испуганно шагнула назад, и еще и снова, пока не натолкнулась на стену, с ужасом понимая, что отступать больше некуда.

А ректор стоял, едва не рыча и нервно дергая головой, снова и снова, словно пытался избавиться от наваждения. Но синее пламя разгоралось все сильнее — перед ним, вокруг, словно сам воздух загорался. И в какой-то момент я не удержала тихого испуганного вскрика.

— Не бойся, — хриплый лорда Гаэ-раша, — сейчас пройдет. Кровь темных иногда дает о себе знать... когда я в бешенстве!

И пламя словно подтверждая, загудело, становясь все ярче, зажигая сам воздух!

Перепугавшись окончательно, я сама не заметила, как сползла по стене вниз, зажимая рот ладонью и стараясь вообще не издавать и звука. А воздух горел! Загорался как сухие листья, и огонь висел в воздухе, расплзаясь по нему, захватывая новые пространства, и...

Из-под халата показалась мордочка перепуганной Салли. Саламандрочка выскользнула из ворота, пробежалась по мне, забираясь на подоконник, с него на кровать, по ней, затем прыгнула на спинку, и с возвышения протянув лапку, коснулась огня... Тут же одернула, потрясла обожженной конечностью, подула на пальчик, и испуганно посмотрела на меня. Я вообще перестала дышать. Ящерка же, вдруг указала на все еще стоящего спиной ко мне ректора, а затем лапками изобразила объятия.

Что?!

В ответ на мой изумленный взгляд, Салли спрыгнула на кровать, подбежала к ее краю, и повторно указав на лорда Гаэр-аша, вновь изобразила объятия.

Я затрясла головой, четко изображая несогласие с ее требованием, но саламандра указала на пламя, после на свою обожженную лапку, и обвела все вокруг взглядом, заставляя меня взглянуть на огонь, который становился все сильнее и распространялся быстрее зажигая воздух.

И я все поняла — либо переступлю через себя и постараюсь успокоить ректора, либо сейчас все загорится.

Сжав кулаки так, что ногти впились в кожу, стараясь говорить отчетливо, произнесла:

— Лорд Гаэр-аш, простите меня... пожалуйста.

Ректор замер, застыл просто, но одновременно и прекратилось гудение огня.

Невероятно!

Полными слез глазами я смотрела на происходящее и не могла поверить, никак. То что человек, именно человек способен призывать потусторонний огонь... Не могу в это поверить, и в то же время пламя более не распространялось, и именно после моих слов. Что ж, я наступила на горло собственной гордости и продолжила:

— Мне правда искренне жаль, простите...

Ректор промолчал, пламя так же не отреагировало совершенно Салли, топнув лапкой, укоризненно на меня посмотрела и вновь указала на лорда Гаэр-аша, изобразив объятие.

Я не хотела этого делать.

Наверное, я бы предпочла сгореть! Но медленно встала, бесшумно сделала первый шаг, сцепив зубы, еще четыре последующих, чувствуя тепло, а не жар от огня, окружившего некроманта. А затем, судорожно вздохнув, я подошла и обняла лорда Гаэр-аша, прижавшись к его спине и ощущая, как он вздрогнул всем телом. Затем, как теплые ладони некроманта накрыли мои...

В следующее мгновение огонь исчез.

Я тут же высвободила свои руки, отошла от некроманта, и не глядя на него, стремительно ко мне развернувшегося, взяла свои вещи, обувь и ушла в ванную. Там, закрыв двери и сжавшись, стояла перед зеркалом, осознавая, что меня всю трясет после пережитого, и дрожь была настолько сильной, что содрогалось даже мое отражение в зеркале. А еще я отчетливо осознавала, что не хочу выходить!

Но за дверью послышалось:

— Риа.

И сползая на пол, я постаралась ответить ровным голосом:

— Минутку, я одеваюсь.

Не одевалась, не могла, сидя на полу, я лишь пыталась встать, но раз соскользнула, второй раз и поняла, что нет сил... совершенно нет.

И как-то пусто в груди, и эта пустота словно расползалась по телу...

— Риаллин, — прозвучал голос ректора, — если ты действительно сильно испугалась, не стоит делать вид, что все нормально. Пойми, сильный эмоциональный срыв может привести к выгоранию.

Выгорание?!

Внутри меня все больше и больше становилась какая-то сосущая, давящая пустота, она разрасталась, словно пустыня, будто степной пожар, оставляющий после себя только черную выжженную землю... И будто росчерк молнии, вспыхнули в сознании слова Норта «У тебя магия на нулевом уровне, фактически на пределе».

— Нет... — в отчаянии простонала я, начиная осознавать, что происходит, — нет, Тьма, пожалуйста... нет...

Дрожащими пальцами я попыталась расстегнуть браслет, понимая, что он продолжает тянуть магию, восстанавливая свой резерв, и не смогла... Пальцы соскользнули, не сумев подцепить замочек, я не удержавшись, мягко легла на пол, чувствуя, как мгновенно закружилась голова, как горит все внутри.

Выгорание — очень точный термин, а я всегда думала, почему именно так называют потерю магии...

Тьма, за что?!

Грохот распахнутой двери...

Жалобный, какой-то обиженный звон выломанного замка...

Вбежавший ректор, ворвавшийся и остановившийся на пороге...

Одинокая, теплая, крупная слезинка, сорвавшаяся с моих ресниц и покотившаяся по лицу...

Тьма, словно желая дать мне ответ на вопрос, стремительно накатила, укутывая, убаюкивая, унося боль, что нестерпимо жгла в груди...

Глава третья: Магия крови

Мне казалось, что я сплю, и сон сменяет сон, и я плыву по уютной реке сновидений, то ныряя в нее, то оказываясь на поверхности. И выныривая в очередной раз, я видела лица — лицо ректора, бледное, с широко распахнутыми глазами, и его губы все шептали и шептали что-то, кажется мое имя... После лицо сумасшедшего старика, которого я точно знала, и, кажется, он был целителем...

А потом мне приснился луг, зеленый, залитый лучами жаркого летнего солнца, я, сидящая на валуне обняв колени руками, и дядя Тадор, устроившийся рядом. Он улыбается, и яркий свет словно проявил морщинки на его лице, которые лучами расходились от его глаз, суровыми складками пролегли между бровей, очертили рот так, словно дядя никогда не улыбался. Но это было не так, он улыбался почти всегда, когда смотрел на меня. И эта улыбка делала меня самой счастливой на свете. Вот и сейчас, я точно знаю, что сплю, и что случилось что-то очень и очень плохое, но все равно улыбаюсь. Мне хорошо. А дядя Тадор тихо говорит: «Ты особенная девочка, Риа, особенная, никогда не забывай об этом». И я перестаю улыбаться, почему-то сжимается сердце, к тому же в лесу слышится вой волчонка, такой тоскливый, и я не выдержав, говорю:

— Я не хочу быть особенной, дядя.

«А какой ты хочешь быть, девочка моя?» — у Тадора удивленно поднялась бровь.

И я, слыша тот далекий вой, искренне выдохнула:

— Я хочу быть счастливой.

Я знала, что это сон, всего лишь сон, что Тадора нет в живых уже много лет, что этого разговора не было, но... Но он был. Именно этот разговор, я именно так сидела на камне, мне было десять лет, и я смотрела на человека, который вдруг перестал улыбаться. Перестал, совершенно. А затем мне сказал:

«Я не знаю, сможешь ли ты быть счастлива у вечных, мой свет, но я точно знаю — там ты останешься жива, а здесь — нет».

«И мы уедем?» — этот вопрос задала не я, точнее я, но та, десятилетняя, которая помнила весь этот разговор, а я... я его только вспоминала.

«Мы должны, — дядя Тадор смотрел на меня серьезно, как на взрослую. — Мы должны, Риа, там мы будем в безопасности, ты и я. И будем вместе».

Мне, настоящей мне стало нестерпимо больно в груди, ведь я знала, что ничего этого не случится и скоро, совсем скоро дядя Тадор умрет, а та, другая, маленькая и еще ничего не знающая я, обиженно ответила:

«Не будем.»

«Риа, девочка моя, — дядя осторожно коснулся моих расцарапанных ног, ведь я была непоседа и вечно бегала по лесу не разбирая дороги. — Пойми, солнышко, свет мой, когда ты вырастешь, когда станешь девушкой, твоя кровь пробудится и древняя запрещенная магия побежит по венам. И тогда тебе лучше будет быть среди тех, кто не ощутит. Ты особенная, девочка моя, ты особенная, никогда не забывай об этом»...

Забыла. Совершенно забыла об этом разговоре, о его словах. Я ничего не помнила!

Сейчас вспомнила.

И открыла глаза.

Надо мной горели десятки маленьких синих огоньков. Они мерцали, вздрагивая в

воздухе, и давали яркий чуть рассеянный свет, который терялся в черном балдахине над постелью, словно растворялся в непроницаемо-темных складках ткани...

— Очнулась твоя бабочка, — раздался неприятный скрипучий голос. — Скажешь ей все сам. В конце концов сам сжег, сам и скажешь.

Я медленно повернула голову, и увидела лицо того самого старика-целителя, который являлся дедушкой лорда Гаэр-аша. Выглядел сейчас мужчина странно — домашний халат, совершенно черные и никак не седые волосы, изрезанное глубокими морщинами лицо, и серо-синие, абсолютно лишённые старческой мутности глаза. И эти глаза, взглянув на меня, старик мгновенно отвел, как-то виновато глядя в пол.

А затем тихо выругался, и все так же изучая пол под ногами, он грубовато произнес:

— Что ж ты смотришь, девочка? Не смотри, не могу я тебе помочь. Хотел бы, сам удивлен, что хотел бы... а не в силах.

И он развернулся, и как-то сторбленно ушел, хотя я точно помнила, что выправка у этого полусумасшедшего целителя была аристократической.

Дверь за ним закрылась и в следующее мгновение меня осторожно взяли за руку. И почему-то я сразу поняла кто, и даже не стала поворачивать голову, не хотела его видеть.

— Все будет хорошо, — голос лорда Гаэр-аша дрогнул, — все будет хорошо, Риаллин.

«Когда ты вырастешь, когда станешь девушкой, твоя кровь пробудится и древняя запрещенная магия побежит по венам» — вдруг вспомнила я. А потом поняла — эту фразу Тадор сказал иначе, на другом языке...

— У меня есть замок на берегу Эринейского моря. Там очень красиво, Риа, и всегда солнце.

Дядя тогда сказал «Эсса архаго деллар эйш дамикьере» — буквально магия потечет по устьям крови. Устья крови — вены! У меня магия в венах. В крови! Я не выгорела.

— Мне нужно к Норту, — вслух произнесла, и попыталась высвободить руку.

Мою ладонь сжали, затем я расслышала судорожный вздох, после чего услышала то, что для многих стало бы приговором:

— Ты выгорела, Риаллин, тебе больше нечего делать в Некросе.

Я резко выдернула руку из его ладони, затем стремительно повернулась и вздрогнула — передо мной был ректор, да, но говоря откровенно лицо Гаэр-аша сейчас узнать было бы сложно. Глава Некроса изменился, изменился как-то неуловимо, но все же... Потемнела кожа, глаза, прежде серые, теперь пугали неестественной синевой, заострился нос, приобрели хищное выражение черты лица. Нет, Гаэр-аш все так же был Гаэр-ашем, но сейчас каким-то другим. Опасным. Хищным. Станным. Сильным. Сильным настолько, что это ощущалась на каком-то подсознательном уровне, и я не задумываясь даже о своих действиях, осторожно отодвинулась, желая оказаться как можно дальше от такого Гаэр-аша.

— Вы... не человек, — слова вырвались сами.

Ректор молча поднялся с края постели, и не отрывая от меня взгляда, как хищник, обошел кровать, чтобы оказаться максимально близко ко мне, потому как я к этому краю от него и отодвинулась. Но сейчас я даже пошевелиться побоялась...

Гаэр-аш сел рядом со мной, вновь взял за руку, поднес мою безвольную ладонь к губам, прижался к ней поцелуем, закрыв глаза и с трудом сдержав стон. После я услышала:

— У тебя больше нет магии, Риаллин. Ты выгорела. Мне очень жаль, но... Ты выгорела. Полностью.

И он посмотрел мне в глаза.

Глядя на него, я прошептала, вероятно, одной мне и понятное:

— Мне нужно к Норту.

Хриплый рык откуда-то из груди ректора, и Гаэр-аш произнес раздраженное:

— Норт тебе не сможет помочь, Риа. Он сильный целитель, но дед сильнее. Дед ничего не смог сделать. Мне жаль, Риаллин, мне бесконечно жаль, но магии у тебя больше нет. Но я, — он взглянул на меня, — я не откажусь от тебя.

Слова прозвучали клятвой.

Очень весомо прозвучали, так, словно он произнес их не в тишине пустой спальни, а на площади, перед толпами собравшегося народа. Я содрогнулась, и недоверчиво спросила:

— Вы хотите жениться на мне?

Некромант несколько мгновений молчал, а затем, глядя мне в глаза, произнес:

— Я виноват перед тобой, Риаллин. И если мне придется возглавить Армерию, чтобы искупить свою вину, я это сделаю. Ты станешь королевой, и к твоим услугам будут сотни магов, готовых выполнить любое твоё желание. Клянусь, тебе не придется сожалеть о потерянной силе.

В первый момент я задохнулась от ужаса, но почти сразу, словно наяву услышала «Ты особенная, девочка моя, ты особенная»... И неестественно синие глаза лорда Гаэр-аша перестали вызывать ужас, страх ушел, словно его и не было, он больше не сковывал меня, я просто начала думать. Искать выход из ситуации с ректором, потому что в возвращении магии уже не видела проблемы. Я начала искать детали допустимого с точки зрения главы Некроса, то, что он считал приемлемым, и то что нет... Рик — нет, Эдвин — он его едва не убил из-за снимков в газетах, но Норт... Против Нортаэша Дастела лорд Гаэр-аш никогда ничего не говорил, и я решила быть хитрее.

— Не скрою, — слова подбирала осторожно, выверяя каждое так, словно собиралась изготовить артефакт, — меня посещала мысль о титуле королевы. — Стараясь не совершать резких движений, отняла руку у более чем внимательно слушающего меня ректора, и продолжила: — Но, дело в том, лорд Гаэр-аш, что в моих мечтах вы никогда не являлись моим... супругом.

Глаза некроманта вспыхнули огнем, и он хрипло спросил:

— Кем же я был в ваших мечтах, леди кен Эриар?

На каком-то интуитивном уровне я вдруг поняла, что если скажу это сама, он не поверит, не примет как правду, и потому я промолчала, давая возможность ректору самому делать выводы из услышанного.

И он их сделал:

— Вы королева, но я не король, — усмешка искривила четко очерченные губы. — Норт?!

И мне не оставалось ничего иного, кроме как прошептать:

— Да.

Гаэр-аш стремительно поднялся, прошел по комнате к окну, встал, повернувшись ко мне спиной, видимо, чтобы скрыть эмоции. Но я видела, как сжимаются его кулаки, судорожно пытаюсь сдержать ярость.

— Значит, вы сделали ставку на молодого и амбициозного? — холодно спросил ректор, все так же не оборачиваясь.

Прежде чем ответить, я осторожно сняла с себя браслет, и почти сразу ощутила, что жар внутри стал слабее. Значит — не совсем выгорела, это хорошо, а то я уже с ужасом

представляла себе, как буду пить собственную кровь. Потому как фраза «Эсса архаго деллар эйш дамикьере» являлась намеком на кровопийство. И только сняв браслет, и положив его в карман все того же халата Норта, я стараясь вкладывать искренность в каждое слово, ответила:

— Дело не в королевстве, статусе или титуле, лорд Гаэр-аш. Норт изменился, стал совершенно другим, он достоин уважения и любви.

Хриплый рык и вопрос:

— А я не достоин?

Я не ответила, понимая, что так все сказанное мной будет правдоподобнее, впрочем, сейчас я играла на чувстве вины, действительно виноватого мужчины, и искренне надеялась, что если осознание вины заставило его принять мысль о наследовании престола, то и с моими мнимыми чувствами к Норту он тоже смирится.

Так и вышло.

И следующая фраза, что произнес Гаэр-аш прозвучала зло:

— Норт отвергнет тебя, Риаллин. Сейчас, когда у тебя больше нет магии, ты не нужна ему.

Я боялась, что Дастел скажет нечто подобное в присутствии ректора, но надеялась на его сообразительность и свою находчивость, а потому ответила:

— Если так, пусть он сам сообщит мне об этом.

Гаэр-аш повернулся, его лицо вновь стало человеческим, разве что глаза оставались все такими же ярко-синими, и смотрел он на меня с грустной улыбкой.

— Я унес тебя из Некроса, чтобы ты могла этого избежать, Риа. Маги с брезгливостью относятся к тем, кто выгорел, и...

— Я хочу к Норту, — повторила, поднимаясь с кровати. — Пожалуйста, мне тяжело сейчас, я хочу пережить этот тяжелый момент с тем, кто мне дорог. Я хочу к Норту!

Вероятно, я не стала бы так решительно настаивать, если бы знала, чем все это обернется. Обернулось огнем, вспыхнувшим вокруг меня, и ректором, мрачно вступившим в кольцо пламени, и с иронией признавшимся:

— Мои новые способности, Риаллин. Не пугайся, ты сама их во мне пробудила.

Мне в этот миг стало до безумия обидно — лорд Гаэр-аш получил новые способности, а я едва напрочь не утратила свои. Вероятно, мысли отразились на лице, потому как саркастически улыбаться глава Некроса вмиг перестал, шагнул ко мне, обнял за плечи и хрипло выдохнул:

— Прости.

Меня буквально затрясло от негодования.

— Не бойся, — превратно понял меня лорд Гаэр-аш, — я буду рядом. В отличие от тебя, я понимаю, чем все закончится.

— И чем же? — испытывая невероятное желание вырваться из его объятий, поинтересовалась я.

Ладонь некроманта медленно провела от моего плеча вниз по спине, демонстрируя жест призванный успокоить и поддержать, и ректор произнес:

— Ты проснешься утром под шум волн и пение птиц, и забудешь вечную зиму Мертвых лесов, потерянную магию и Норта, отвергнувшего тебя.

Ну уж нет!

Огонь стал сильнее, загудел, взревел даже, и я ощутила, что мы куда-то падаем.

Вероятно, я и упала бы, не держи меня лорд Гаэр-аш.

А потом пламя утихло, и мы оказались в комнате Норта. Что ж, если я и удивилась, то не сильно — король обладал теми же способностями, пожалуй единственный среди всех королевских династий человеческих королевств, и нередко пользовался своим потусторонним огнем, чтобы появляться в самых неожиданных местах и в наиболее неожиданное время.

Поэтому, едва под моими ногами оказалась твердая почва, точнее пол, я выскользнула из объятий лорда Гаэр-аша и устремилась в ванную, дверь в которую висела косо и как-то жалко. Оделась быстро, волосы заплетала уже выходя из ванной. Пройдя мимо все так же стоящего посреди комнаты лорда Гаэр-аша, сняла с вешалки плащ, накинула на плечи, завязала, и направилась к двери.

— Просто скажи куда! — раздался гневный голос ректора.

Ничего не ответив, я открыла двери и... ослепла. Ночью в Некросе использовалось магическое освещение, и видеть его был способен лишь маг, а я в данный момент была без сил, потому и оказалась вмиг в крошечной мгле.

Взяв за руку, меня молча втянули обратно в комнату Норта, и ректор повторил вопрос:

— Куда?!

Испытывая некоторый шок после ощущения полнейшей слепоты, я, запинаясь, ответила:

— Столовая у полигонов.

Это было единственное место, где преподаватели почти не появлялись и потому имелся алкоголь, который, как я догадывалась, ребята и используют, для того чтобы договориться с газетчиками.

Гаэр-аш подошел к стене, что-то незримое на ней нарисовал. Этот символ лишь для меня был незримым, на самом деле я точно знала, что сейчас на стене вспыхнуло сиянием несколько магических знаков, открывая проход... Но я даже не увидела, что он открылся. Я ничего не увидела, и когда ректор подтолкнул меня к стене, у меня было ощущение, что я сейчас ударюсь лбом о непреодолимую преграду. Но нет, нога шагнула в пространство, словно я прошла сквозь стену, после вновь был мрак. Я не видела вен Некроса... Я не слышала биения сердца... Ничего. Я словно ослепла! И паника, которой я не допускала раньше, медленно но верно начала охватывать мое сознание, пугая мыслью — что, если я не смогу вернуть магию? Что тогда?! Впрочем, ответ я знала — тогда возвращение домой, отчим, возможно брак с кем-то кого он выберет, то есть — судьба хуже смерти, значительно хуже.

И мне стало очень страшно.

К счастью, путь закончился быстро — очередной глухой стеной, проход через которую мне было не дано увидеть. Зато едва прошла, зрение вмиг вернулось — газетчики же не маги, и в столовой ярко горели свечи, огненные шары, даже несколько факелов, освещая уютную далекую от трезвости компанию за тремя сдвинутыми в центре столами, моего Гобби, сидящего в углу и старательно что-то выписывающего, Яду, расположившуюся у двери и, по-видимому, удерживающую газетчиков внутри помещения, Когтя, умильно заглядывающего через окно, Культяпку, сидевшего неподалеку от Гобби, и Дана, декламирующего какие-то непристойные стихи. Точно непристойные, потому как стоило нам появиться, он запнулся и стал цитировать что-то другое, про ромашки, цветущие на умертвиях. Потом я увидела Эдвина, он сидел, приобнимая за плечи одного чрезмерно бледного из работников пера, увидев меня, весело подмигнул и вновь вернулся к

разъяснительной беседе.

Последним я обнаружила Норта. Он сидел вполоборота к нам, и тоже с кем-то беседовал, но заметив реакцию Дана обернулся, улыбнулся мне, вновь повернулся к своему собеседнику и... застыл. Даже в сумраке я четко увидела, как мгновенно побледнело его лицо. Дастел опустил голову, на секунду, словно пытался сдержаться, словно хотел скрыть свои эмоции, затем выпрямился, криво улыбнулся, извинился перед всеми за то, что вынужден их оставить, после перешагнул через скамью и направился к нам.

Вот только шел он не совсем ровно, один раз споткнулся о кружку, лежащую на полу. Потому что Норт не видел ее, он не отрывал взгляда от меня, и в его глазах я прочитала приговор, пожалуй самый страшный из всех приговоров, что может услышать маг.

Но когда он подошел, не произнес ни слова. Вгляделся в мои глаза, судорожно выдохнул, сжав зубы так, что казалось я, расслышала, их срежет. А затем, все так же молча подхватил на руки и вынес из столовой. О, как я была ему благодарна, потому что теперь, когда Гаэр-аш не мог нас услышать, у меня был шанс взмолиться:

— Только не отказывайся от меня при ректоре.

Норт споткнулся, вероятно, удивленно на меня посмотрел, но в темноте я не могла быть в этом уверена, как не могла быть уверена и в том, что могу еще сказать что-либо, не будучи услышана главой Некроса. Не могла и понять, куда меня несет некромант, впрочем, догадывалась — Норт свернул от входа вправо, значит направлялся к целительскому пункту, работающему при полигонах, потому как здесь чаще всего адепты и получали травмы. Так и оказалось — толкнув дверь, Дастел внес меня в помещение с белоснежными стенами и потолком, отнес к высокой кушетке, усадил, а после обнял. Крепко-крепко, словно хотел забрать часть моего страха себе, да и забрал — в его объятиях мне стало легче, и было так ровно до того момента, как следом за нами в целительскую вошел ректор. Его шаги Норт тоже слышал, отстранился от меня, заглянул в мои испуганные глаза, тяжело вздохнул и произнес:

— Есть такая фраза, Риа, которую мужчина говорит равнодушной к нему женщине — моей любви хватит на нас обоих. Так вот, малышка, моей магии хватит на нас двоих, слышишь?

Я слышала, но не верила. Не могла поверить. Конечно, я сама попросила его подыграть мне фактически, но то, что сказал Норт, это... я растерянно огляделась, словно пытаюсь понять, что все это действительно услышала, что не сон.

— Не веришь, вижу, — продолжил он. — Посмотри на меня. Мне в глаза посмотри, Риа.

Посмотрела и поняла, что они у него черные. Совершенно черные. Норт кивнул, и продолжил:

— Есть ритуалы, позволяющие передать часть своей магии, и поддерживать переданный уровень даже на расстоянии. Так что выгорание не приговор, слышишь? Я потом разберусь с тем, как это произошло, сейчас главное, чтобы ты поняла — это не приговор, и не конец, мы со всем справимся. Я справлюсь. К тому же шанс есть, маленькая, по статистике в трех случаях из... неважно! В трех известных целительству случаях, магия вернулась!

— Три случая из десяти тысяч, — прозвучал голос лорда Гаэр-аша, — и не менее чем через десять лет после выгорания.

Содрогнулась от перспективы, Норт же стремительно повернувшись, хрипло произнес:

— Уйди!

Глаза ректора зажглись огнем, но это ничуть не насторожило Дастела, напротив, он повторил:

— Уйди! И если ты к этому причастен, моли Тьму о спасении, Артан, потому что я забуду о родственной связи, и о клятве, и о том, что в наших жилах течет одна кровь!

Я не знаю, чем все это могло закончиться, но были опасения, что вспыхнувшим голубым огнем и магическим боем, а потому я решила на то, что делать точно не следовало бы, но и выхода особого не было.

И потянувшись к Норту, я обхватила его бледное лицо руками, повернула к себе, а едва некромант взглянул на меня, закрыв глаза, потянулась к его губам, вложив в поцелуй всю ту благодарность, что сейчас испытывала к Нортаэшу Дастел Веридан. И мне было, за что быть благодарной. И замерший на миг некромант, сжал меня в объятиях, привлекая ближе к себе, и страстно, неистово поцеловал в ответ так, что голова вдруг закружилась, руки ослабели и грохот моего собственного сердца, затмил все остальные звуки...

Кроме звука захлопнувшейся за ушедшим лордом Гаэр-ашем двери!

Но даже осознав, что мы остались одни, я почему-то не попыталась прервать это безумие, закрыв глаза и отдаваясь во власть Дастела, пусть этому и не было никаких оправданий. Быть может, мне не хотелось его обижать, возможно, я искала тепла прикосновений и мне хотелось ласки, но скорее всего дело в том, что каждым поцелуем, Норт словно забирал еще кусочек моего страха. И когда он остановился, тяжело дыша и глядя мне в глаза, я перестала бояться, что ничего не получится, потому что была точно уверена — не будет никакого возвращения к отчиму, и страшной судьбы у меня тоже не будет, потому что меня, кажется, в беде не бросят.

— Хороший ход, — хрипловато выдохнул Норт, — никогда не думал, что назревающий конфликт можно отсрочить поцелуем.

— Остановить? — уточнила я.

— Отсрочить, — рыкнул он.

Укоризненно покачала головой, чувствуя, что, несмотря на все произошедшее, улыбнулась.

— Рад, что ты не впадаешь в истерику, — произнес Норт. И став серьезным, продолжил: — Теперь слушай внимательно, что-то в тебе осталось, я это отчетливо ощутил во время поцелуя, а значит, есть нехилый шанс восстановить магию в кратчайшие сроки. Да, Мертвые игры отпадают, но вернуть минимальный уровень магии...

Я протянула руку и прикоснулась пальцем к его губам, недвусмысленно прося замолчать. Норт умолк, напряженно, пристально глядя на меня. Я же молча закатала рукав, обнажая запястье, и попросила:

— Дай нож.

Глухо прорывав, Дастел тихо попросил:

— Давай без попыток самоубийства, хорошо? Я сказал, что восстановлю магию, значит, я это сделаю.

Не могу перестать улыбаться. Смотрю на Норта, бледного, напряженного, готового бороться до последнего и улыбаюсь все шире.

— Что? — не выдержал некромант.

Чуть не ляпнула «люблю тебя», но зная, что меня поймут неправильно, просто попросила:

— Дай, пожалуйста, нож.

Некоторое время Норт молча смотрел на меня, затем одернул полы мантии, обнажая ремень с перевязью, вытащил нож из ножен, протянул мне. Осторожно взяв выполненную из кости рукоять, я попыталась вспомнить все, что знала о ресурсах крови. Знала до обидного мало, кроме разве что того, что ее полагалось пить. И вот с этим были трудности.

— Только бы меня не стошнило, — прошептала я.

— Собираешься пить кровь? — не поверил Норт.

— Всегда хотела попробовать, — съязвила я.

— Стакан принести? — подыграл он.

— Не выйдет, — я угрюмо смотрела на свое запястье, — она должна быть максимально свежей...

Некромант усмехнулся, затем произнес:

— Рвотный рефлекс я остановлю.

Я подняла глаза на него, и поняла, что догадался. Не просто догадался, но и решил помочь. А раз решил помочь, то нож я протянула ему, следом и запястье, и попросила:

— Сделай надрез, пожалуйста.

Норт взял нож, скептически посмотрел на лезвие, на обнаженную кожу запястья, после на меня, хмыкнул и съязвил:

— В такие эротические игры я еще с девушками не играл.

— Даже не знала, что ты настолько неопытный, — не осталась в долгу я. — Режь давай!

Усмехнувшись, Норт ответил:

— Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа. Могу встать на колени, если пожелаете.

— Жжжелаю, — начала я злиться, — вот как порежешь, так и встанешь. Не тни время, пожалуйста.

Черные глаза пристально взглянули на меня, и Дастел пояснил:

— Я и не теряю, Риа, я захватываю под контроль сейчас твоё тело, и почему-то должен признать, это стало сложнее, чем когда у тебя была магия, хотя должно быть наоборот.

Судорожно вздохнув, я прямо спросила:

— Захватил?

— Почти, — уклончиво ответил Норт, — но с контролем, кажется, будут проблемы. Готова?

Кивнула, с ужасом глядя на запястье. И вот как я буду пить кровь?! Стошнит, точно стошнит!

— Расслабься, — приказал некромант.

Плюнув на собственные принципы, последовала его совету. И почти сразу появилось странное ощущение легкости, невесомости, и не принадлежности к собственному телу.

— Сколько крови нужно выпить? — спросил Норт.

— Не знаю, — честно призналась я, — если все получится и уровень магии начнет расти, останови меня.

— Понял.

Сверкнул клинок, обжигая прикосновением кожу, и когда Норт убрал руку, какие-то доли секунды казалось, что пореза нет и крови не будет... Но затем алые тягучие капли заполнили ранку, собираясь в один поток и...

Кто-то другой, словно не я, поднес запястье к губам, и мой рот наполнился тягучей солоноватой жидкостью с металлическим привкусом. Глоток сделала тоже не я, но у меня по горлу побежала кровь...

И мир изменился!

Он засиял, наполнился звуками, шорохами, новыми гранями, светом, проницаемостью!

— Риа, все, я теряю контроль, — напряженно произнес Норт. — Тебе глотка хватит?

Я не смогла ответить, чувствуя, как рот вновь наполняется кровью, а меня начинает стремительно тошнить!

Оттолкнув Норта, схватила полотенце, лежавшее рядом, и старательно сплюнула все, что было во рту. Плевалась долго, даже когда некромант взял мою пораненную руку, и мгновенно залечил. И когда принес воды, я все еще не могла прекратить попыток избавиться от вкуса крови.

— Гадость жуткая, — принимая стакан с водой, пожаловалась я.

Норт задумчиво кивнул.

— Это ужасно, — продолжила я, сделав глоток. — Нет, правда, просто ужасно. Мне безумно жаль всех вампиров.

— Вряд ли они по достоинству оценят твой приступ сострадания, — улыбнулся Дастел.

— А мне кажется, оценили бы, — возразила я, схватив второе полотенце и принявшись оттирать кровь с лица.

Не став спорить, Норт забрал у меня полотенце, и взяв за подбородок, чтобы не отворачивалась, сам вытер все следы крови, старательно, нежно, осторожно. А затем, отбросив окровавленную ткань, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Магия вернулась.

— Да, чувствую, — радостно улыбнулась я, — сразу почувствовала, едва сделала глоток и...

И мне как-то вдруг сразу не понравился задумчивый взгляд Норта, пристально исследующий мои глаза. Очень пристально. Словно он видел то, что ему совершенно не нравилось.

— Не дергайся, — мрачно приказал Дастел.

И склонился к моим губам.

Поцелуй? Это сложно было бы назвать поцелуем, это было скорее исследование, сначала прикосновением, после дыханием, затем Норт отстранился.

— Слушай, тебе противно не было? — поинтересовалась я. — Между прочим, кое-кто только что пил собственную кровь.

Он улыбнулся, затем тихо произнес:

— Магия вернулась. Резерв полный, я бы даже сказал — переполненный, но это не магия некромантии, Риа...

И на скулах дернулись жгуты, выдав злость Дастела.

— А что? — тихо спросила я.

Ничего не ответив, Норт некоторое время стоял, продолжая смотреть на меня, затем медленно проговорил:

— Отклонение от нормы смогут определить всего несколько из ныне живущих магов, оно незначительное и даже сейчас стремительно маскируется под твою ауру, но поцелуй, а точнее смешанное дыхание, для тебя приговор.

— Ни с кем не целоваться? — попыталась пошутить я.

Несмотря ни на что, настроение было удивительно замечательным, я даже не могла перестать улыбаться.

— С одним целителем можно, — шуткой же ответил Норт, — и даже нужно.

— А с остальными нет? — кажется, я начала кокетничать с Дастелом, но даже это мне сейчас нравилось.

— С остальными нельзя, — улыбаясь, подтвердил он.

— Да? Это опасно для жизни? — поинтересовалась я.

— Смертельно опасно, — Норт склонился надо мной и прошептал, — для них...

— Ммм, — я оперлась спиной о кушетку, и, глядя в глаза некроманта, прошептала, — они могут заболеть?

— Сердечные приступы случаются даже у целителей, — так же шепотом ответил он.

И вот тогда я спросила:

— Все так серьезно?

Уперевшись руками в кушетку по обе стороны от меня, Норт тяжело вздохнул и ответил:

— Магия крови под запретом даже у отступников. Это магия темных, Риа, не то, чтобы она излишне опасна, хотя не иссякающий резерв, согласись, уже весомый плюс к любой силе, но тут дело в ином... — он умолк, несколько секунд размышлял над тем, стоит говорить или нет, затем все же произнес: — Эта магия способна влиять на окружающих. Это магия сродни той, которой обладает король, которая проснулась у меня... только сильнее. А таких магов не терпят, Риа, никто. Вас убивают, частично из-за страха, частично из-за того, что не могут контролировать, частично из зависти, в основном, потому что не в силах подчинить. Говоря откровенно, я надеялся, что у тебя просто измененная кровь, с этим я вполне мог бы справиться.

Испуганно сглотнув, я прошептала:

— А с магией крови?

— Нет, — он смотрел мне в глаза, — и контролировать я тебя больше не в состоянии, малышка, так что повторный фокус с глотанием крови уже не пройдет. И с лечением теперь у нас будут сложности, на руку глянь.

Я посмотрела на запястье — крови больше не было, а вот красный шрам имелся, и это притом, что раньше Норт излечивал полностью, даже когда кожу мне искромсал Кхелло.

— И... и как теперь? — растерялась я.

— Думаю, — Норт взял мою руку, поднес к губам, осторожно поцеловал шрам, — расслабься.

Расслабилась, даже глаза закрыла, и не стала открывать, когда почувствовала, как некромант осторожно целует мою кожу.

— Ну изменения есть, — прекратив, задумчиво проговорил Норт через время, — но есть и проблема.

— Какая? — я открыла глаза и глянула на запястье.

От шрама осталась тоненькая белая полосочка, но она была.

— Тебе придется научиться мне доверять, — Норт отпустил мою руку. — И мы начнем учиться этому вот прямо сейчас, — он пристально посмотрел на меня, и задал крайне неприятный вопрос: — К чему был этот страстный поцелуй на глазах у ректора?!

Признаваться мне не хотелось вовсе. Запрыгнув на кушетку, я некоторое время болтала ногами, подкидывая подол платья и откровенно размышляя на тему, как уйти от ответа, но в итоге решила сказать правду:

— Я солгала Гаэр-ашу, заверив его, что влюблена в тебя.

— Солгала, — эхом отозвался некромант.

Я же, не поднимая головы, так как смотреть на Норта стало откровенно стыдно, тихо

добавила:

— И я планирую дальше, демонстрировать влюбленность, чувства, страсть... да все что угодно, лишь бы более никогда не испытывать притязаний лорда Гаэр-аша. Прости...

Дастел некоторое время молчал, затем глухо произнес:

— Тебе не за что извиняться, Риа, это же был мой план — изображать жениха и невесту.

Кивнув, я осторожно посмотрела на Норта — некромант стоял, сжав губы и сложив руки на груди, и был... зол.

— Прости, — покаянно попросила я.

— Не извиняйся, ты правильно поступила, — отрезал Дастел. — Мне бы выпить... Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо, — и я не солгала ни словом.

Он кивнул, протянул руку, помогая спуститься с кушетки, затем собрал испачканные кровью полотенца, бросил на окровавленный пол и все вспыхнуло огнем, уничтожая все следы произошедшего. Но чтобы Норт не говорил по поводу правильности моего поступка, я поняла, что он старательно отводит глаза и вообще не хочет на меня смотреть. А почему?

И почему я вдруг ощутила себя столь виноватой перед ним?

— Идем, — завершив с уборкой, сказал Дастел, — догоняй.

И направился к выходу, я последовала за ним и вскоре мы вошли в столовую, где Дан уже что-то пел, причем что-то скабрезное, потому как осекся, едва меня увидел. Я же — я откровенно наслаждалась вернувшейся ко мне магией! Всем тем многообразием цветов, сияний, оттенков, что дает магическое восприятие мира, и в то же время...

Когда я остановилась на входе, решила что мне лишь показалось, но присмотревшись я отчетливо разглядела две тусклые силовые линии... Одна шла к Гобби, но не доходила до него. Как живая она ползла, по сантиметру в минуту, но ползла... Вторая уходила в сторону газетчиков, и двое из них сидели с петлей на шее. Магической петлей!

И теперь я все это видела!

— Гобби, — тихо позвала я, — пересядь на другое место.

Мое умертвие, взглянув на меня чуть фосфоресцирующими зеленоватыми провалами глаз, поднялся и пересел, обойдя стол. После подтащил к себе все бумаги, что расписывал и вновь погрузился в работу. Силовая линия как раз достигла стула, на котором Гобби прежде сидел. Мигнула, запульсировала, и начала стремительно исчезать так, словно кто-то потащил веревку на себя.

Ко мне подошел Эдвин, закрыл широкой спиной от газетчиков и тихо спросил:

— Что случилось?

Рассказать я не решилась. Одно дело Норт, но говорить еще кому-либо о появившихся способностях было бы глупо.

— Нничего, — выдохнула я, не глядя на некроманта.

— Тебя проводить в общежитие?

— Нет! — ответила я прежде, чем вообще осознала, чего опасаясь. Когда поняла, слабо улыбнулась Эдвину и добавила: — Я лучше тут, с вами посижу.

— Хорошо, мы уже почти закончили, — сообщил он, и приобняв за плечи повел к столу.

Эдвин посадил меня рядом с собой, и теперь я отчетливо видела Норта, сидящего во главе стола и... стремительно напивающегося, причем Дастел меня словно вовсе и не видел,

он смотрел в стол перед собой и... наливал себе очередной стакан вина. И я не могла понять, что с ним.

Но тревога за Норта оказалась не единственной, по правую руку от него сидели те самые двое газетчиков, на чьих шеях я сейчас отчетливо видела петли, словно у висельников. Но это оказалось не все, что я могла сейчас видеть, потому что вдруг отчетливо ощутила — они мертвые! И высокий худощавый мужчина с очками сползшими на кончик носа, жадно потянувшийся к стакану, который для него наполнил Дан, и полноватый румяный и сейчас икающий газетчик, с хрустом разламывающий очередную булочку.

Они были мертвы!

Как такое возможно?!

— Риа, вино будешь? — спросил Эдвин.

Я не ответила. Не могла оторвать взгляда от этих двоих, не могла понять... зачем они притворяются?! Они ведь не ощущают вкуса ни вина, ни еды! Им это попросту не дано более! Так зачем?! И как возможно, чтобы мертвые выглядели, ели, дышали как живые?! Что это за магия?!

В следующее мгновение мужчина с очками бросил быстрый взгляд, оглядывая всех присутствующих, и замер, едва наши глаза встретились.

Момент истины!

Я не сумела скрыть того, что все поняла, он понял, что я знаю. И мертвые глаза полыхнули темно-зеленым, словно теперь на меня смотрел не газетчик, а совершенно иное, древнее, страшное, могущественное существо.

И губы газетчика зашевелились, беззвучно проговаривая:

«Да кто ты такая?!»...

Я поняла сказанное, не услышав, как и ощутила всю ненависть, смертельную ненависть что испытывал ко мне, судя по всему лич. Потому что то, что я видела, не могли сотворить живые, это была магия Смерти.

А потом пришла страшная догадка — газетчики! Они пьют здесь, с парнями, но вот двое из них мертвы. Сейчас еще пока ими управляет лич и они выглядят вполне живыми, но что будет, если сейчас оба упадут замертво?! Кого обвинят в их смерти?! Парней?

Но нет, та, третья силовая линия тянулась к Гобби, а то что я сейчас вижу, свидетельствует о том, что лич способен управлять мертвыми как кукловод, а значит на них кинулся бы Гобби, и обвинили бы мое умертвие! А нет моего умертвия, нет меня на Мертвых играх!

На мгновение все внутри похолодело.

Лишь на мгновение, я не позволила себе большего, мне нужно было придумать, что делать сейчас. Что вообще можно сделать. Я оглянулась на Гобби — никаких линий к нему не тянулось... Лич изменил планы?

Глянула в глаза мужчины с очками и поняла — да, изменил. И сейчас у толстячка ладони медленно меняли форму, в то время как худой накапливал энергию для силовой атаки. И я видела это! Отчетливо, видела, понимала, и не сложно было догадаться, что сейчас эти двое будут убивать меня!

— Риа, ты вся дрожишь, в чем дело? Замерзла? — спросил Эдвин, укрывая мои плечи своим плащом.

И мне действительно было холодно. Очень холодно, словно я затылком ощущала дыхание Смерти.

Как ни странно, спасло меня именно это пугающее ощущение, могильного холода вокруг меня... и я вдохнула Смерть полной грудью, на миг задержала дыхание, привыкая к этой странной силе, а затем потянулась к нитям, не сдержав странной, словно и не своей улыбки.

Перехват контроля дался настолько легко, что я даже не поверила в первый миг, просто как-то неожиданно, силовые линии обрубались, и концы, словно змеи бросились ко мне, чтобы упасть прямо поверх стола, послушными, покорными, безвольными. Я прикоснулась к ним кончиками пальцев и он вздрогнули, став ярче, толще, сильнее...

То, что произошло в следующий момент я никогда не смогу оправдать перед своей совестью, просто... у меня не было выбора. Два трупа на застолье организованном командой Некроса по Мертвым играм? Обвинили бы Норта, Дана и Эдвина, я это понимала.

А потому, когда два газетчика подскочили, и со столовыми ножами бросились друг на друга, мне было неприятно, но и выхода иного не было. Худой высокий сразу потерял очки, полненький швырнул в него остатками булочки, и началась поножовщина. Удары наносили неловкие, но я надеялась, что все оправдают это степенью опьянения, а когда присутствующие повскакивали и закрыли от меня обзор, я заставила умертвия нанести друг другу последние, фатальные удары, и едва отпустила нити, газетчики рухнули на пол...

А в следующий миг я поняла, что Норт все видел!

Он единственный кто не вскочил и не бросился разнимать дерущихся, он сидел со стаканом вина в нервно сжимающейся ладони, и смотрел на меня так, что мне вдруг захотелось провалиться сквозь землю.

— Норт! — крик Дана. — Норт, да иди же сюда!

И Дастел поднялся, подошел к лежащим друг на друге трупам, простер ладонь... Закрыв на миг глаза и тихо выругался, затем произнес:

— Мертвы, и уже... — он осекся. Затем глухо добавил: — Мертвы. Дан, гони за дознавателями.

После чего обошел стол, сел рядом со мной, внимательно посмотрел, после накрыл своей широкой ладонью мои дрожащие руки, чуть сжал, и едва слышно выдохнул:

— Теперь понял.

Чуть не расплакалась, и тоже едва слышно сказала:

— Спасибо, у меня не было выбора.

— Я понял, — повторил Норт, — они уже два часа как мертвы...

И не знаю правильно это или нет, достойно или не достойно, вообще следует ли так поступать, но я просто обняла Дастела, пряча лицо у него на груди, прижалась и когда обнял он, у меня началась истерика.

— Тише-тише, — Норт начал гладить по волосам, — понимаю, испугалась, но все хорошо. Успокойся, все хорошо...

А хорошо не было!

В единый миг вдруг взвыл охранный периметр вокруг Некроса, загудел казалось сам воздух, полыхнуло зеленым небо, и с ревом, воем, рыком, свистом, из Мертвого леса на Академию некромантии ринулась толпа умертвий!

Это мы узнали утром, а тогда мы все выбежали из столовой при полигоне, и никто, совершенно никто не мог понять, что происходит.

Никто кроме меня, четко осознавшей, что это был приступ ярости лича, и, пожалуй, кроме ректора, ведь именно лорд Гаэр-аш удержал защиту, удержал легко, даже без

напряжения и, стараясь не причинить вред умертвиям. Их просто отбросило обратно в лес раз, и потом еще раз.

И все успокоилось.

Глава четвертая: Мертвая леди

Ночь. Сейчас было около трех-четырёх утра, все спали, кроме Гобби и Пауля, которые приволокли из столовой весь оставшийся ночной суп, и сидели с Салли, пересказывая ей события в столовой. Я же, осознав что не смогу уснуть, взяла бутылку воды, два стакана, и, спустившись в холл женского общежития, открыла путь в вены Некроса, искренне наслаждаясь тем, что мне теперь это вновь доступно.

Мертвая леди поднялась из гроба, едва я вошла, и, пожалуй, ее улыбка стала самым приятным, что сегодня произошло.

— Тьмы, — поздоровалась я.

Сойдя на пол, мертвая леди присела в реверансе, легкая, грациозная, и, подойдя к скамье села, затем похлопала по месту рядом, недвусмысленно приглашая присесть. Я подошла, почти упала на скамью — руки дрожали, ноги тоже, пережитое наваливалось все сильнее, вдребезги разбивая мое представление о себе, о мире, да обо всем!

И все же собравшись с силами, достала бутылку, налила нам воды, взяла свой стакан, и, согревая его в ладонях, тихо сказала:

— Я запуталась.

И после этих слов как-то разом навалилась усталость, и я не смогла больше ничего сказать.

Мы посидели в тишине склепа, а затем холодные пальцы прикоснулись к моей ладони, и едва я взглянула на привлекающую мое внимание мертвую леди, как увидела ее вопросительный встревоженный взгляд, и решила:

— У меня появилась новая магия.

Леди кивнула, и одними губами ответила: «Я чувствую».

Удивительно, обычно она молчит или рисует в ответ, сейчас ответила. Улыбнувшись, тихо продолжила:

— Это магия Смерти...

Мертвая леди странно посмотрела на меня, затем отрицательно покачала головой.

— Нет? — удивилась я.

Леди подтвердила кивком.

— А что тогда?!

Она молча развела руками, демонстрируя, что не знает. И я догадываюсь, что единственным кто действительно знал, был дядя Тадор, он и боюсь что только он один... Мне нужно попасть в убежище, войти туда могли только я и Тадор, и если информация о моей крови есть, она только там.

А потом я почему-то сказала:

— И Норт...

Мертвая леди закивав, мол «да-да», пододвинулась ближе, жадно ловя каждое мое слово, я же торопливо начала рассказывать про все. Про поведение ректора, и услышав об этом, давно мертвая женщина испуганно прикрыла рот, и о словах короля, и о том, что выгорела сегодня, но едва вновь произнесла имя Норта. Слова кончились. И я долго сидела, медленно делая глоток за глотком, прежде чем едва слышно призналась:

— Не хочу его обижать.

Леди прикоснулась к моей руке, и едва я взглянула на нее, сказала:

«Норт тебе нужен».

Я кивнула, признавая ее правоту. Мертвая леди улыбнулась и вновь одними губами произнесла:

«Норт — защита».

И тут я была полностью с ней согласна, понимая, что без Дастела и парней мне просто конец.

«Ты делаешь его лучше, — продолжила леди. А затем она выговорила: — Жизнь это свобода, борись за нее, Риа».

По моим щекам потекли слезы, женщина же продолжила:

«У тебя есть цель. Иди к ней. Иди не оглядываясь. Без страхов. Без сомнений. Без сожалений. Ты должна правильно распределять значимое, и взвешивать. Сейчас на весах с твоей стороны жизнь и свобода, со стороны Норта — лишь обида и чувства, со стороны Гаэр-аша желание и страсть. Жизнь важнее. Твоя жизнь и жизнь Гобби. Это важно, а чувства нет».

Несколько минут после ее слов я сидела, невидяще глядя в каменный пол склепа, а затем словно разом с души упал груз. Тяжелый и неподъемный для меня груз. Мне даже дышать сделалось легче, и все сомнения, все переживания разом отступили, потому что мертвая леди права — у меня есть цель, я должна вернуть жизнь Гобби. А жизнь — самое ценное. Все остальное в сравнении с ней просто не существенно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я леди.

Она улыбнулась мудрой понимающей улыбкой.

И мы еще посидели, в тишине и спокойствии, не знаю, о чем думала мертвая леди, я размышляла исключительно над тем, что нужно проверить свой уровень источника. У меня был второй, это слабый дар для некроманта, мизерный даже, но управлять умертвиями позволяет, потому меня в Некрос и зачислили, а что будет теперь? Проблема в том, что единственным кто определял уровень и соответственно зачислял в Академию Некромантии был лорд Гаэр-аш, но я предпочла бы вовсе не знать о своих силах, чем обратиться с просьбой к ректору.

И все же придется — на королевских Мертвых играх нас проверят, и если мой уровень будет меньше второго — вылетаем и я и Гобби. А потом я подумала, что просто расскажу все Норту, а он уже решит. Эта мысль пришла так легко и естественно, что я приняла ее даже к исполнению, и наметила, что утром поговорю с Дастелом, и...

И стоп.

Мертвая леди, заметив, как я вздрогнула всем телом, протянула хладную ладонь и коснулась моей руки. Но я даже не обратила внимания, потому что вдруг четко и ясно осознала — Норта Дастела я воспринимаю как родного, почти как дядю Тадора. Я даже со своими проблемами больше не разбираюсь сама, я иду к Норту.

Это не правильно. Так не должно быть. Он в моей жизни на неполный год, я не должна привязываться к тем, кто потом уйдет. Мне будет больно. Я столько лет просыпалась по ночам от того, что разом накатывало дикое ощущение тоски и одиночества. Так нельзя.

— Мне пора спать, — я поднялась.

Леди тоже. Оглядела меня долгим задумчивым взглядом и, кивнув, одними губами сказала:

«Будь осторожна, смерть все ближе».

Мне вспомнились силовые линии, двое мертвых газетчиков, чью смерть не распознал

даже Норт, и я тихо спросила:

— Это лич, да?

Мертвая леди развела руками, показывая, что не ведает. А затем добавила:

«Культияпка знает».

* * *

Возвращалась я по венам Некроса. Не знаю, была ли тому причиной моя новая магия, или просто нервное перенапряжение, но спать мне не хотелось. Какое-то странное чувство апатии ко всему, смешанное с усталостью и грустью. И ведь я вернула магию, более того — теперь точно знала, что выгорание мне больше не грозит, никогда не грозит, но радости не было.

Я остановилась у прозрачной стены, посмотрела вниз и затаила дыхание!

Сердце Некроса было красным!

Не синим с черными прожилками, не мертвым, нет — оно и билось как живое! Размеренно, четко, без задержек, и трубки вен, те, что были ближе к нему, тоже начинали менять цвет. Я глазам не поверила! Но затем я увидела того, кого видеть мне сейчас хотелось менее всего — ректор Гаэр-аш стоял рядом с бьющимся сердцем Некроса, и укутывал его сетью поддерживающих заклинаний, призрачной, зеленоватой сетью... И мне стало ясно, что оживление сердца Некроса не только моя заслуга, я дала толчок и Эль-таим, ректор, видимо, поддерживает его постоянно. Что из этого выйдет? Не знаю, но сложно передать то ощущение восторга и счастья, когда видишь, что оживленное сердце бьется...

Медленно отступив к стене, чтобы лорд Гаэр-аш меня не заметил, я еще несколько минут понаблюдала за его действиями, и поняла еще одну вещь — ректор питал сердце. Не знаю, каким образом — мы едва поддерживаем жизнь оживших участков кожи Гобби и на это уходит масса магической энергии, но чтобы сохранять столь огромное сердце нужна прорва магии. Мне сложно даже представить требуемое количество. И сложно понять, для чего Гаэр-аш это делает, это ведь вообще не в его характере.

А потом я поняла, что не хочу об этом думать.

Не хочу и не буду, мертвая леди права — у меня есть цель и я должна идти к ней, не оглядываясь и не останавливаясь.

Вот только на бал схожу и все, и больше никаких поблажек самой себе. Только цель. Моя цель. Жизнь Гобби и моя свобода. Остальное не существенно, просто не...

— При передаче магии объект должен постоянно находиться рядом с источником, — прозвучал внезапно низкий голос ректора.

Я остановилась, и поняла, что как бы это не было невежливо, поворачиваться я не буду.

— Но ты здесь, — продолжил Гаэр-аш, — совершенно спокойно передвигаешься по венам Некроса... Что ж, из всего этого я могу сделать лишь один вывод — вы стали любовниками.

Это хорошо, что я стояла спиной к ректору — удалось скрыть удивление, накрывшее после его слов. А потом я поняла — был и другой способ! Чтобы не пить кровь, можно же было и по-другому... Но естественно кровь лучше, значительно, и я готова выпить еще, лишь бы не... О чем я думаю?

— Адептка Каро, — холодно произнес лорд Гаэр-аш, — я клянусь более никогда не

досаждают вам, если вы сейчас повернетесь и позволите мне увидеть ваше лицо.

— А зачем вам мое лицо? — не удержалась я от удивленного вопроса.

Пауза, затем хриплое:

— Я должен быть уверен, что в твоих глазах нет слез. Что ты не жалеешь о случившемся. Что...

Стремительно повернувшись, я прямо посмотрела на Гаэр-аша. В моих глазах не было не то чтобы слез, но и даже намека на них. Хуже того — я едва сдерживала улыбку, и понять от чего улыбаюсь, откровенно говоря, не смогла.

— Кольцо, — я протянула руку, — полагаю теперь, когда вы все знаете, вам лучше его забрать.

Гаэр-аш не пошевелился. Он стоял, полускрытый сумраком, и только неестественно яркие глаза смотрели прямо на меня. Смотрели так, что невольно появилось желание отступить, развернуться, сбежать. Таким взглядом можно было бы убить, столь много ненависти и ярости было в глазах ректора.

Содрогнувшись всем телом, я перестала улыбаться и все же повторила:

— Кккольцо заберите.

Некромант не отреагировал. Он продолжал стоять и пристально смотреть на меня. И вдруг опасно сухим тоном произнес:

— Я ведь богаче, Риаллин.

Почему-то, несмотря на то, что угрозы в его словах не было, я отступила на шаг назад.

— И по положению выше Нортаэша, — продолжил ректор.

Еще один шаг назад, и я не могла объяснить себе, почему так испугалась.

— Я лучше во всем, — заключил лорд Гаэр-аш. И тут же вкрадчиво осведомился: — Так почему же ты выбрала его, Риаллин?!

Внезапно мне сделалось очень тяжело лгать. Я даже не могла понять почему, но солгать не вышло. Я начала было и не смогла произнести ни слова. Попыталась снова, и с трудом выговорила общеизвестную истину:

— Сердцу не прикажешь.

— Сердцу? — неожиданно зло усмехнулся ректор. — А ты всегда следуешь велению сердца, Риаллин?

— Дда, — неуверенно ответила я.

И некромант улыбнулся.

Я почему-то отчетливо разглядела его холодную странную улыбку, совершенно не подходящую к пылающим яростью глазам.

— Что ж, — отстраненно произнес лорд Гаэр-аш, — это твой выбор.

Мой выбор был до безумного прост — пылающий символ на стене, но... проход открылся прежде, чем я успела дорисовать знак, и вышла я не в кладовой в холле, а прямо в свою комнату.

И замерла, под удивленными взглядами своей нежити.

— А знаете что, — после секундного размышления, — это все не имеет значения. Вообще не имеет. Гобби, раздевайся!

Салли испугано пискнула и повалилась кверху лапками. Пауль воскликнул «Ии» и бросился приводить ее в чувства, Гобби молча написал на листке:

«Что случилось?»

— Если честно — я не хочу рассказывать, — призналась я умертвиям и поднявшей

мордочку саламандре. — Гобби, раздевайся.

Зомби покорно снял свитер, но не брюки. Впрочем, мне больше и не нужно было. Опустившись на колени, так чтобы артефакт Кхада находился на уровне моих глаз, я медленно проговорила заклинание восстановления, одновременно выплетая призрачную зеленоватую сеть и...

Не вышло ничего. Магии, даже этой странной магии крови мне не хватило. Промучив Гобби около часа я сдалась, и отправилась спать. Тем более до рассвета оставалось не так уж и много.

Глава пятая: Искушение

Утро выдалось мерзким — сырое, промозглое, серое. Из-под одеяла не хотелось вылезать и меня сначала долго будил Гобби, потом пришел Дан, понял, что я отказываюсь просыпаться, взял и стащил мое одеяло, затем вместе с ним ушагал в коридор и, несмотря на все просьбы вернуться — нагло отказался.

И вот шесть утра, холодно, все мы злые, не выспавшиеся, Норт вчера похоже напившийся основательно и сегодня взбешенный и невероятно до обидного бодрый, выспавшийся, сияющий довольной улыбкой лорд Гаэр-аш, по чьему приказу нас и подняли так рано.

Приказав построиться, глава Некроса встал перед нами, оглядел всех откровенно насмешливо, и произнес:

— Трупов, команда.

Мы все промолчали. Ректор продолжил:

— С сегодняшнего дня и до самых Мертвых игр тренировать вас буду я. И мы начнем с физической подготовки, которая у вас, как мы имели возможность вчера убедиться, заслуживает скорбного сочувствия. Пятнадцать кругов вокруг ангара. Каро, тебе десять. Вперед!

Я до последнего не верила, что все это происходит, но парни сорвались на забег, и я была вынуждена помчаться за ними, все еще недоумевая, по поводу происходящего.

Удивлена была не я одна.

— Норт, что за... — начал было Дан.

— Не знаю, — хрипло ответил Дастел, — вероятно связано со вчерашними событиями. Риа, ты как?

— Отлично, — ничуть не солгала я.

— Зарядка нам не повредит, — сказал Эдвин. — Риа, следи за дыханием.

К десятому кругу я едва не падала. Но завершила круг, и махнув некромантам, побрела обратно к полигону, едва не сбившись с шага, когда увидела предвкушающую улыбку Гаэр-аша, не сводившего с задыхающейся меня насмешливого взгляда.

— Поторопись, — приказал он, — у нас фехтование.

И снял свитер.

С шага я сбилась, едва не упала и мгновенно отвела взгляд от полуобнаженного главы Некроса, чувствуя как от смущения порозовели щеки.

— Я сказал — поторопись, — отрезал Гаэр-аш.

Подошла, сняла куртку и бросила на бочку, оставшись в теплом длинном свитере. Молча, и не поднимая взгляд на ректора, взяла протянутую рукоятью вперед катану и услышала издевательское:

— Каро, ты собираешься сражаться со снегом?

Снега, к слову, было мало — ночью выпало совсем чуть-чуть, а весь предыдущий вчера сжег сам Гаэр-аш.

— Взгляд на меня! — приказал глава Некроса.

Я нехотя подняла глаза, поражаясь тому, насколько прекрасно сложен Гаэр-аш. Никогда не обращала внимания на телосложение кого бы то ни было, но сейчас не могла не признать — у ректора очень красивое телосложение, широкие плечи, плиты мускул под смуглой

кожей, узкая талия...

— Лицо находится выше, — насмешливо сообщили мне.

— Знаю, — огрызнулась я.

Подняла глаза и покраснела основательней, потому что по проницательному взгляду ректора сразу догадалась — он все понял. Более того — откровенно потешался над моим смущением, и это... разозлило.

— Адептка Каро, вас что-то смущает? — вкрадчиво поинтересовался лорд Гаэр-аш.

— Нет, все прекрасно, — ответила я, напряженно сжимая рукоять катаны.

— Чудесно, — в тоне ректора больше не было издевательских ноток. — Боевая стойка девять.

Я мгновенно выпрямила спину, подняла катану вертикально, завела левую руку за спину и...

— Это что? — мрачно спросил лорд Гаэр-аш, и посмотрел на меня так, словно я тупейший адепт в Некросе.

Чувствуя, как правая нога медленно проваливается в грязь, я переступила на более сухой участок полигона, вновь встала в стойку и, бросив быстрый взгляд на ректора, уловила его медленно поднимающуюся левую бровь.

— Каро, еще раз, что это? — холодно спросил он.

— Стойка, — раздраженно ответила я. — Боевая. И не нужно мне говорить, что я ошиблась — мы с Гобби все выучили наизусть, и я точно знаю, что это...

Гаэр-аш спорить со мной не стал, мягко, как-то хищно-плавным движением он зашел мне за спину, одна его рука скользнула мне на талию, а затем резким движением, некромант прижал к себе, вынуждая чуть прогнуться. Но если бы дело было только в этом — моя заведенная за спину ладонь, в результате прижалась к обнаженному мускулистому животу ректора. И от этого покраснело уже все лицо, не только щеки.

— Боевая стойка, Каро, — вкрадчиво прошептал возле моего уха лорд Гаэр-аш, — это положение бойца, отражающее готовность к ведению поединка. Держа спину неестественно прямо, вы отражаете страх и неуверенность в своих силах. И это проигрыш, Каро, мгновенный. Теперь ноги, правую чуть вперед, стопу левой повернуть. И... прекрати поглаживать мой живот, раздражает.

— Я не... — дернувшись всем телом, попыталась вырваться.

— Сосредоточься на фехтовании, Каро, — отрезал Гаэр-аш.

И он отошел, а у меня осталось ощущение, что раскрытая ладонь все еще прикасается к мужской обнаженной коже и...

— Я не поглаживала ваш живот! — зло заявила я.

Гаэр-аш послал мне чарующе-издевательскую улыбку, коей я никак от главы Некроса не ожидала, после чего совершенно серьезно приказал:

— Атакуй. Остальные — пятьсот отжиманий.

Это была самая изматывающая тренировка в моей жизни, да и в жизни парней похоже тоже. Изнурительные физические нагрузки, а после бой с управляемой нежитью — и управлял ректор. А значит против каждого из нас выходил умный, осторожный, сильный и магически наделенный зомби. Я была условно «убита» на первой минуте боя, Дан на шестой, Эдвин на десятой, Норт продержался двадцать, но в итоге орк прижал клинок к его горлу и Гаэр-аш мрачно объявил:

— Смерть.

И вот после подобного позорного провала, когда все мы сидели кто на чем, и пытались прийти в себя, стоящий перед нами глава Некроса мрачно произнес:

— Танаэш и его команда несколько лет участвовали в боях против отступников. Я сегодня подогнал вашу тренировку под условия боя с контролируемой некромантом нежитью и вы провалились. Вы все. Слов нет, лорды и леди, одни эмоции. Безрадостные.

Я неуверенно взглянула на Норта, но Дастел сидел, мрачно глядя себе под ноги, и я поняла, что ректор сказал правду. Впрочем, как выяснилось не совсем.

— У Танаэша нет ни ваших способностей, ни силы, ни таланта к фехтованию, — начал Эдвин, — и...

— Вам вообще должно быть стыдно, Харн, — перебил его Гаэр-аш. — Глава дома мечей проиграл мне?!

И некромант умолк.

— Встали, — с нескрываемым презрением скомандовал ректор, — пять кругов вокруг ангара. Вперед!

Я никогда в жизни так не ждала обеда. Я мечтала о нем. Я представляла себе, как я войду в столовую, сяду на стул и облокочусь о стол. И даже есть не буду, просто посижу... Но беспокоила меня не только усталость, откровенно тревожил Норт. Некромант странно выглядел, несколько раз спотыкался во время бега, казалось ничего не замечал вокруг и ни на кого не смотрел. А Гаэр-аш дал нам получасовой перерыв на обед, Дастел едва вошел в столовую мгновенно сел, даже не сходяв за едой.

— Норт, — я подошла ближе, — тебе что принести?

В ответ раздался взбешенный рык:

— Уйди!

Отшатнулась не только я, Дан передумав садиться, резко сделал шаг назад, две компании некромантов, входящие в столовую при полигоне, резко развернулись и решили пойти поест в общей.

Странно, мне даже не обидно было, потому что отчетливо видела — Норту плохо. Его трясло, на висках бисеринки пота, дыхание тяжелое, взгляд был чистым, но при этом странным.

— Ты бы помягче с Рией, — напряженно произнес Эдвин.

Но вместо извинений, или хотя бы объяснения, Дастел хрипло приказал:

— Пусть Дан с ней поест в конце столовой. Подальше от меня!

Я просто остолбенела. Данниас подошел, мягко обнял за плечи и увел к стойке заказа.

Аппетита у меня не было вовсе. И когда мы сели у самой двери, я вместо того, чтобы есть, не сводила взгляда с Норта, который ел с жадностью. И вдруг остановился, затем рывком снял с себя куртку и свитер, оставшись в тонкой черной майке. Учитывая, что тепло здесь отнюдь не было, все же столовая при полигоне и о комфорте речи не шло, подобное выглядело странно.

— Понять не могу, он же вчера не так много выпил, — задумчиво произнес Дан.

И я вздрогнула!

Выпил!

Моя кровь! Нет, Норт ее не пил, но меня он поцеловал, когда во рту оставался привкус крови, и рану на руке целовал, и...

— Тьма... — простонала я.

— В чем дело? — напрягся Дан.

Я не ответила, вскочила с места, прошла через всю столовую, не обращая внимание на глухое рычание Дастела, казалось почуявшего мое приближение, властно взяла его за руку и потянула за собой. Норт не двинулся с места. А затем вдруг дернул меня к себе, схватил за волосы, и пригнув к своим губам, хрипло прошептал:

— Не знаю что со мной, не понимаю, не могу понять, но ты меня с ума сводишь, Риаллин. Тронешь еще раз, швырну на стол и... Не трогай меня, не подходи, не прикасайся. Я возьму себя под контроль, я сильный, но сейчас один твой запах сводит с ума!

Стоит ли говорить, что я отошла. Что мне еще оставалось. Вернулась к Дану, села, едва сдерживая слезы, и до конца обеда просидела, уложив голову на сложенные ладони.

Когда мы вернулись на полигон, застали невероятную картину — Гобби, Яда и Коготь сражались с фантомами мага-отступника, демона и горгуля. Причем моему зобми достался маг-отступник и сейчас Гобби нарезал зигзагообразные круги по полигону, уходя от обстрела. Уворачивался умертвие хорошо, а вот с атаками выходило вконец плохо.

Сам лорд Гаэр-аш обнаружился сидящим на бочонке, жуящим внушительный бутерброд который держал в одной руке, а во второй имелась бутылка красного вина, и он с интересом наблюдал за сражениями умертвий. К слову ректор уже оделся — в тонкую черную майку, что на фоне снега смотрелось все же странно. Заметив наше приближение, глава Некроса кивнул, а затем прекратил жевать, резко сузившимися глазами, глядя на Норта. Норта, которому тоже было очень жарко!

И пока мы подходили, ректор все так же продолжал пристально смотреть на Дастела, а едва подошли, усмехнулся и произнес:

— Добро пожаловать в мир темных.

Лицо Норта судорожно дернулось, а затем он задал один вопрос:

— Как долго?

— Неделя-полторы, — задумчиво произнес лорд Гаэр-аш, — я старше, мне было сложнее. У тебя организм более молодой, должно пройти менее... болезненно.

Хриплый гортанный рык и убитое:

— Сейчас как?

— Железный самоконтроль, — с какой-то горькой усмешкой ответил ректор.

Дастел запрокинул голову, глядя в небо и явно пытаясь сдержаться, затем спросил:

— Огонь — семейная легенда?

— Реальность, — усмехнулся Гаэр-аш и отхлебнул вина. — Каро, Шейн, Харн, чего встали?

Воздух перед нами замерцал и в следующее мгновение материализовались три темные фигуры.

— Предупреждаю, бьют не смертельно, но больно, — сообщил ректор. — К бою.

Однако прежде, чем мой противник атаковал меня арканом смерти, я услышала вопрос главы Некроса обращенный к Норту:

— Сомневаюсь, что толчок к пробуждению крови дала потеря магии Риаллин, или же смерть газетчиков. Слишком мелко для тебя. Тогда что?

Услышать что-либо еще я не успела — бег, одно из важных умений для любого некроманта, и мне пришлось бежать, потому что выставленный щит раскололся, под ударом фантома. И что обидно — зигзагообразно курсировали по полю только мы с Гобби, парни

сражались, а ректор и Норт сидели рядом, попеременно пили вино из одной бутылки, и о чем-то серьезно разговаривали. Еще через пару кругов и сшибки с фантомом, после которой я ползком преодолевала местность, увидела, как Гаэр-аш протянул руку, и вокруг них вспыхнул, а затем погас огонь, и все это в процессе того, как ректор продолжал что-то объяснять Дастелу.

А потом я упала и больше не могла встать. Потому что у Дана и Эдвина была лучше физическая подготовка, плюс ко всему Эль-таймы, а у меня не было ничего. И когда настигла боль от удара дыханием смерти, я просто свалилась...

Перепрыгнув через меня умчался прочь Гобби, по воздуху за ним пролетел маг-отступник, формируя в правой когтистой руке шар Ойсцвейга — фактически маленькую магическую бомбу, разрывающую тело умертвия на частички...

В небе сражались дракон Коготь и горгул. Коготь побеждал — его удары были увереннее, точнее, да и быстрее раза в два точно.

А еще там, в небе, высоко-высоко летели птицы...

— Мне доводилось слышать о столь любопытной тактике, как имитация смерти, — прозвучал надо мной насмешливый голос лорда Гаэр-аша. — Но должен сообщить, Риаллин, она не срабатывает даже с хищниками, что уж говорить о нежити. Встать можешь?

Хотелось сказать, что нет. Вот просто нет и все, но я ответила:

— Да, уже встаю.

Мне молча протянули руку. Но гордо проигнорировав помощь, я перевернулась, встала на четвереньки, затем с трудом, опираясь на колени, поднялась. Пошатнулась. Мышцы дрожали от перенапряжения, ноги от усталости, голова от магического истощения, сердце вообще по непонятной причине. Вдалеке, у решетки, Гобби сражался с умертвием отступника, используя подручные средства. Подручных средств было много — зомби тянули конечности к нам, Гобби этим и пользовался. Отступник пытался увернуться от очередной оторванной когтистой лапы...

— Да, находчивый, — задумчиво признал ректор.

Я едва удержалась, чтобы не попросить некроманта укрыть защитной сетью Гобби так же, как ректор укрывал сердце Некроса, но удержалась. И на ногах тоже удержалась, хотя хотелось рухнуть ничком и не вставать больше.

— Харн и Шейн стали выносливее, — внезапно произнес лорд Гаэр-аш, — не заметил бы, не следи я за их тренировками раньше. И то, что я наблюдаю сегодня, меня откровенно удивляет. Они стали значительно сильнее как некроманты, магический резерв восполняется молниеносно, Данниас значительно лучше контролирует свой поток, Эдвин управляет магией как оружием, такое мне вообще впервые довелось увидеть. Норт... Норту сегодня не по себе, но и у него появилась масса новых возможностей. Успокаивает, что для остальных разница не будет очевидна, мне же отчетливо ясно — дело в артефактах, так, Риаллин?!

А я пожалала плечами и с неожиданной легкостью солгала:

— Не знаю.

Я заметила, как медленно сузились глаза ректора. Не обратив на это внимания, оглядела полигон, увидела, что Дастел продолжает сидеть все там же и потому спросила:

— А что именно происходит с Нортом?

Менее всего ожидала услышать насмешливое:

— Понятия не имею.

Возмущенно взглянула на Гаэр-аша и получила снисходительно-наглую усмешку в

ответ. И можно было бы промолчать, однако я не стала и спросила прямо:

— Что вы делаете?

— Риаллин, — кривая ухмылка, — что я вижу, вы готовы к взрослому диалогу? — в глазах Гаэр-аша внезапно словно заискрился лед.

Мимо нас пронесся донельзя счастливый Гобби, за ним, с разъяренным воем оскорбленного достоинства лич-отступник, у которого из носа, волос, да и пришитые к мантии, торчали шевелящиеся конечности умертвий. И дурной пример моего зобми оказался заразительным — метнулся с небес Коготь, схватил шангарру, у которой было не менее четырех метров в длину и соцветие щупалец, взмыл снова к горгулле, и стал дубасить его собственнo схваченным умертвием.

— Знаете, что меня удивляет, Риаллин? — задумчиво следя за боем в небе, произнес ректор. — Вот вы крайне положительно влияете на парней, но ваше умертвие почему-то скорее отрицательно...

— Каждый выживает, как умеет, — довольно резко ответила я, так как за Гобби стало обидно.

— Я рад, что вы это понимаете, — Гаэр-аш вновь направил взгляд глаз, в которых словно танцевало ледяное пламя, на меня. Улыбнулся и значительно тише, как-то вкрадчиво добавил: — В таком случае, милая, не стоит более спрашивать, что я делаю, ведь ты только что великолепно продемонстрировала, что все отлично понимаешь.

Кровь прилила к щекам, и мне даже стало жарко на мгновение, и возможно уязвленная я повела себя не слишком хорошо, но и молчать смысла не видела:

— Лорд Гаэр-аш, — голос сорвался, я сглотнула, сложила руки на груди, защищаясь от порывов внезапно налетевшего холодного ветра, — я понимаю, что вчера на полигоне вы спасли мою жизнь и, безусловно, благодарна вам. Но...

Договорить не смогла, заметив внимательный изучающий взгляд главы Некроса. Умолкла, и слышала невероятное:

— Сегодня после тренировки спать, Риаллин. Никакого бала.

— Лорд Гаэр-аш! — мгновенно вспыхнула я.

Мимо нас вновь промчался Гобби.

— Пас огневиком пятый уровень, — скомандовал мне ректор.

Не задумываясь, создала огненный шар, перебросила его умертвию, мой умненький гоблин схватил, перекувыркнулся по грязи, подскочил и швырнул в настигающего его мага-отступника.

— И пас вверх, огневик двенадцатого уровня, — дал вторую команду глава Некроса.

На эмоциях создала шар, метнула отвесно вверх... И только после запрокинула голову, осознав что только что сделала и желая узнать куда помчался мой огонь... Как выяснилось — к Когтю. Тот ухватил огневик одной лапой, и швырнул его с силой в отступника, который уже навис над упавшим Гобби... Взрыв. От фантома не осталось ничего! Яда и Коготь почти мгновенно завершили свои схватки.

— Сражаться, Риаллин, требуется в команде не только вам, но и вашим умертвиям. В первую очередь — вашим умертвиям, — наставительно произнес Гаэр-аш.

И не говоря мне более ни слова, он обернулся и позвал:

— Харн, Шейн, сюда оба! Норт, ты отлеживаться!

Дастел, до той минуты сидевший на бочонке, с трудом поднялся, пошатнулся и ответил:

— Нет, я остаюсь и...

Ректор раздраженно выдохнул и очень спокойно сказал:

— Ты можешь отлежаться и завтра будешь в приемлемом физическом состоянии. Можешь поступить как я, перенести все на ногах, и испытывать прелести неадекватности восемь дней. Решай сам, ты уже взрослый.

Норт пошатнулся, сказал что-то, что я не расслышала, но прекрасно понял Гаэр-аш — взмах рукой и Норта утянуло в вены Некроса, видимо, чтобы сократить адепту путь в комнату. Откровенно говоря, с трудом подавила желание побежать следом — меня пугало состояние Дастела.

Но ректор заставил вмиг забыть обо всем, кроме тренировки.

— Игра «Свой-чужой», — произнес он. — Я работаю с умертвиями, у вас три минуты на то, чтобы вспомнить основные особенности друг друга: движения, походку, характерные жесты. Поехали!

И все вокруг заволокло темным клубящимся туманом.

— Дааан, — перепугано позвала я, — Эдвин.

Ответом мне была тишина.

«У вас три минуты на то, чтобы вспомнить основные особенности друг друга» — вспомнила я, и поняла, что только три минуты у меня и есть. Сжала кулаки, постаралась не дрожать и...

— Харн и Шейн уже знают правила, тебе объясню подробнее, — меня со спины обняли за плечи, прижимая к сильному торсу лорда Гаэр-аша. — Сейчас в тумане будут появляться фантомы, в среднем у тебя пятнадцать секунд на то, чтобы определить — реальные ли это Дан и Эдвин, или же фальшивые. Задание завершено, когда вы все трое соберетесь вместе. Подумай, что ты знаешь о них такое, что отличает их от кого бы то ни было. Вопросы?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Вопрос был только один:

— Можно ко мне не прижиматься?!

Усмешка и я осталась совершенно одна среди черного клубящегося тумана и... и хоть и было стыдно, вдруг подумала, что лучше бы ректор продолжал стоять рядом. Сейчас же стало совсем жутко.

И я боялась того, что произойдет дальше.

Как оказалось — не зря.

— Время! — раздался голос главы Некроса.

И часть тумана истаяла, открывая мне растерянно оглядывающегося Дана.

— Дан, — закричала я и бросилась к нему.

Поскользнулась, чуть не упала, с трудом удержала равновесие, добежала до парня, схватила за руку и в ужасе отпрянула — это был не Дан. Это было неестественно осклизшее жуткое умертвие.

— Риаллин, — раздался где-то рядом, но я не смогла бы определить, где именно голос ректора. — На первый раз очевидный фантом, и без последствий. Будь внимательнее!

Умертвие рассыпалось жуткими склизкими кусками, я едва могла дышать, в ужасе понимая, что мне предстоит.

Дым рассеялся слева и я увидела Эдвина с мечом в руках, отбивающегося сразу от трех Данов, которые нашим веселым другом совершенно не были. Совершенно не задумываясь, создала три боевых плетения и бросилась на помощь. Одно умертвие уничтожила с расстояния в пять шагов, второе спеленала едва подбежала к Эдвину, третье... Третье хищно

оскалилось мне и указало пальцем на Эдвина. Потрясенная я повернулась и получила удар мечом в живот... Сталь прошла насквозь...

Сквозь дикую сжигающую боль я услышал гневное:

— Плохо, Риаллин. Очень плохо. Ошибки свои назовешь сама, или мне их тебе перечислить?

Падая на колени и уже понимая, что это фантомный меч и соответственно фантомная боль, я взглянула на осыпающееся умертвие, так коварно обманувшее меня, вспомнила момент боя, который увидела, перед тем как броситься к лженекроманту на помощь, и с трудом проговаривая каждое слово, сказала очевидное:

— Эдвин бы не стал сражаться, держа меч двумя руками... вторую он использовал бы для плетения боевых заклинаний.

— Молодец, правильно. На будущее — включай мозг!

Не знаю, как я удержала слезы. Исчез проткнувший меня меч, исчезли фантомы умертвий, вновь за клубился черный туман.

Поднялась, отряхнула грязь с колен, смахнула все же побежавшую по щеке слезу и услышала совсем рядом:

— Иллюзии запрещены на Мертвых играх, но учитывая, что проводиться все будет на полигоне, декорированном сплошными иллюзиями, я могу тебе гарантировать — подлые приемы с подменой облика будут использовать почти все команды. Отключай чувства, прекрати бросаться на помощь сломя голову, думай. Ты сама влезла в мужскую игру, где играют по мужским правилам. Здесь нет эмоций, Риаллин, здесь им не место. Здесь думают, анализируют, просчитывают и наносят четко выверенный удар. Начинай думать!

Я сжала кулаки, готовясь к очередной проверке.

Туман на сей раз рассеялся слева и увидела Дана и Эдвина, слаженно сражающихся с Гратаханской нежитью. Монстр в два человеческих роста, издали напоминавший сороконожку со змеиной головой, вблизи откровенно ужасал цепью из шести клыкастых пастей, расположенных на животе, ядовитыми клыкастыми лапками, хитиновой сине-фиолетовой чешуей.

Слово «ужас» было сильным преуменьшением по отношению к данной твари! Но Дан и Эдвин сражались уверенно и слаженно — Дан бил магией, воин разил магическим мечом, лишая нежить конечности за конечностью, но им явно не хватало третьего в связке. Меня или Норта, и помощь им нужна была прямо сейчас. В этот конкретный момент.

Но я осталась стоять на месте, следя за некромантами, потому что вовсе не хотелось не то, чтобы испытать очередную фантомную боль, а просто услышать поучающий голос лорда Гаэр-аша. И я смотрела на парней, пытаюсь понять они или нет и...

И неожиданно я вспомнила слова ректора «подлые приемы с подменой облика будут использовать почти все команды». Подлые приемы! Мы с Гобби выиграли Мертвые игры Некроса благодаря уловке моего зомби, который очень хотел жить. Но, что мне мешает сейчас попытаться использовать не совсем честный прием?! В конце концов, я не некромант, я артефактор, так что...

И закрыв глаза, я мысленно потянулась к Эль-таймам Дана и Эдвина, четко зная, что на подобное способна только я — их создательница. И артефакты отозвались — один справа, недалеко, другой метрах в ста левее. А значит те двое, что сражались передо мной вовсе не моя команда!

Ага!

Я осталась на месте, пристально разглядывая фантомов и пытаюсь понять, почему они не мои некроманты. Отличия вскоре стали очевидны — Эдвин вот так не откидывал руку перед ударом, Дан не так сдувал косую рыжую челку... И все же я поняла, что с этого дня к парням буду приглядываться и приглядываться внимательно — свою команду я должна знать лучше.

Но сейчас я собиралась показать некоторым, что тоже чего-то стою!

Шаг назад и я погрузилась в туман.

— Риаллин, — тут же раздался недовольный голос.

Не обращая внимания, выстроила линию к артефакту Эдвина. Энергетический ручеек начал подрагивать, а значит, на пути были препятствия. Перестроила изгибистой линией, так, чтобы ощущение Эль-таима стало четким и едва завершила расчет пути, довольно извилистого, помчалась к некроманту. Бежала быстро, фактически не обращая внимания на взрыки фантомов, мимо которых пробегала, потому как знала точно — была бы опасность, энергетическая линия начала бы дрожать, а так... А так я миновала метров сорок и выбежала из тумана на пригорок, где Эдвин сражался с десятком моих фантомов. И самое удивительное — меня парень узнал сразу. Вот с первого взгляда узнал!

— Риа, ко мне за спину, — приказал он.

Я весело кивнула и бросилась к нему, по пути уничтожив трех фантомов, с остальными Эдвин разобрался сам, и фактически поймал меня в крепкие объятия. Я даже не сопротивлялась. Обняв могучую шею воина, радостно сообщила:

— А я тебя нашла!

— Сокровище ты мое, — с нескрываемым восхищением произнес Эдвин.

И на миг такое потрясающее ощущение появилось, что да — я сокровище.

— Теперь к Дану, — сказала я, — отпусти.

Некромант позволил встать на ноги, но стоял рядом и вообще обнимал. Я его могу понять — боялся отпустить и потерять, а учитывая повсюду валяющиеся куски фантомов с моим обликом, и вовсе даже одобряла его осторожность. Но сейчас не это было главным — я выстраивала путь к Дану. Бежать тут надо было подальше, и поизвилистее, но тоже ничего сложного.

— За мной, четко за мной, никуда не сворачивать, если не сверну я, — предупредила Эдвина.

Тот молча и крепко взял меня за руку, во второй он держал меч. Я же вдруг впервые посмотрела на некроманта пристально, разглядывая и вообще стараясь запомнить все до мельчайших подробностей. И его довольно крупный видимо когда-то сломанный и потому немного кривой нос, и внимательные темно-синие, почти черные глаза, и кривую ухмылку, в которой он обычно кривит губы, и квадратный подбородок, и тоненький шрам у виска.

— Да-да, — кивнул Эдвин, — мы после подобных тренировок тоже сидели и друг к другу приглядывались.

— А я у тебя раньше шрама не замечала, — глубокомысленно сообщила ему.

— Зато обзывала — носатым, — насмешливо напомнил он.

— Нуууу, — я коварно улыбнулась, — именовала по самому выдающемуся месту...

— Риа! — прошипел некромант.

Хихикнув, схватила его за руку и потащила за собой, четко следуя по контуру силовой линии. Пробежка вышла с заминкой — в какой-то момент на пути появилась опасность, но я выстроила новую линию и мы весело оббежали зарывавших от такой наглости фантомов,

чтобы выбежав на свободный от черного тумана участок, увидеть Дана, старательно отбивающегося и от фантомов меня и от фантомов Эдвина.

И вот что вообще здорово, Дан нас тоже с первого взгляда узнал.

— О, Риа, ты светишься! — крикнул он мне, снося мне фантомной голову ударом Экордаша. — Эд, меня тут убивать пытаются.

— Сам справишься, — нахально ответил ему некромант.

Рыжий хмыкнул, закрыл на миг глаза, воздел руки к небу. Вспышка, и фантомов снесло силовой волной, вторая разорвала их на куски. Дан же, развернувшись ко мне, раскинул руки для объятий и пропел:

— И кто меня нашел?

— Я тебя нашла! — радостно воскликнула я, и бросилась к нему.

В момент, когда Дан меня кружил, туман весь начал рассеиваться.

— Неплохо, — Гаэр-аш, почему-то тоже улыбаясь, выступил из тающего черного тумана, — я бы даже сказал — изумительно, если бы не одно но...

И на меня внимательно посмотрели. Сползя по Дану на землю, я поправила волосы, пытаюсь сделать вид, словно я вообще не понимаю о чем речь, но после, вскинув подбородок я прямо взглянула в серо-синие глаза ректора и нахально поинтересовалась:

— А вы о чем?

И глава Некроса расхохотался. Этот смех, веселый и от души, словно уничтожил последние остатки тумана, а отсмеявшись ректор сказал:

— Прекрасно, Каро. Ты права — я ничего не засек. Магию артефакторов вообще засечь сложно, а уж если артефактор выстраивает связь с артефактом, что создал сам, то и вовсе нереально. Умничка, отличный ход.

Мне было так безумно приятно, что я, наверное, действительно стояла и светилась, улыбалась точно.

— Хорошо, — Гаэр-аш кивнул мне, и перевел взгляд на Эдвина, — как ты определил?

Воин повел плечом, видимо не желая говорить, но все же сознался:

— Запах. Риа пахнет... — он бросил хитрый взгляд на меня и добавил, — вкусно.

— Ты что? — искренне возмутилась я. — Я сегодня и в грязи валялась, и...

— Закружили тему, — урезонил меня ректор. — Харн, я понял, хороший способ, почти безошибочный. Шейн?

Дан обнял меня за плечи, и ответил:

— Это же Риа, как ее можно не узнать? Тут такая тьма обаяния, что ошибиться нереально. А что касается Эдвина, все просто — мы проходили подобные тренировки, Норт научил сигналу, который позволяет безошибочно отделить своих от чужих.

Улыбнувшись, ректор кивнул и произнес:

— Отлично. Два момента, Харн, Шейн, вы оба излишне быстро восстанавливаетесь. Да я догадываюсь об артефактах, но остальные догадываться не должны, учитесь скрывать свои сверх возможности. Каро, учти, это ты бродишь в тумане и ничего не видишь, для наблюдающих тот факт, что ты двигаешься четко по определенной траектории очевиден.

Мы пристыжено посмотрели в землю, но все равно было здорово, потому что мы победили.

— Да-да, я заметил — остатки совести еще с вами, — усмехнулся Гаэр-аш, — теперь слушаем внимательно.

Мы тут же перерастали изучать грязную почву под ногами и посмотрели на ректора. Он

обвел нас всех пронизательным взглядом и произнес:

— Вам очень важно усвоить один базовый принцип предстоящих королевских Мертвых игр. Я мог бы сообщить его сам, но в силу юношеского максимализма одних из вас, — взгляд на Дана и Эдвина, — и подросткового идеализма других, — теперь выразительный взгляд достался мне, — вы не поймете, не оцените, не воспримите эту информацию. Для вас, причем всех троих, почему-то крайне важно набивать шишки самостоятельно. Итак, сейчас четыре часа вечера, по общежитиям не разойдетесь до тех пор, пока не усвоите принцип. Начали!

И мы не успели ничего произнести, как вдруг вырос лес!

Мрачный, древний, с почерневшими от времени ссохшимися деревьями, с жутким синеватым туманом, желтыми глазами филинов, следящими за нами сверху, воем где-то вдали и диким ощущением паники... это у меня.

— Главное, что мы вместе, — Дан обнял, — дрожать прекращай.

— Да жутко же! — не согласилась я с его полным спокойствием.

Эдвин покрутил меч в руке, затем вогнал его острием в землю, используя как подставку, оперся на него локтем и задумчиво произнес:

— Я понял, о чем Гаэр-аш...

— И о чем же? — мгновенно поинтересовался Дан.

— Норт говорил, — некромант поморщился, — о том, что на королевском турнире играть будут жестко и бесчестно. И о том, — он как-то виновато глянул на меня, — что иной раз лучший способ убрать нежить — вывести из строя ее владельца.

Лично я ничего не поняла, а вот Дан протянул:

— Эээ...

— Еще раз, — Эдвин покачал головой, — нежить контролируется!

Он вскинул руку, стянул чуть рукав, и я увидела то, что у них у всех было — синие браслеты, позволяющие управлять подчиненными умертвиями.

Одна маленькая деталь — у меня такого браслета не было... Нет, в идеале он был, только я не помнила где и вообще им не пользовалась, а выходит надо бы. Но в то же время, я вдруг подумала — это преимущество! Если «выведут из строя» меня, Гобби сможет продолжать, так что...

— То есть Гаэр-аш хочет натаскать нас, выводить из строя некромантов? — взбешенно уточнил Дан.

Эдвин кивнул.

— Как-то это все подло, — протянул Дан.

Пожав плечами, Эдвин усмехнулся, и произнес:

— Именно предвидя подобную реакцию, Гаэр-аш и предоставил нам возможность самим прийти к такой мысли. Умный ход, я бы даже сказал — педагогически верный...

И они оба замолчали, раздумывая о своем, а я, не выдержав, сказала:

— А давайте мы их быстренько всех из строя выведем и победим, и уже по общежитиям разбежимся, а?

— Устала? — заботливо спросил Дан, обнимая крепче.

— Нннет, — на самом деле немного, но это мелочи, — просто за Норта переживаю, он там же совсем один.

Парни переглянулись и кивнули.

— К тому же это не живые же некроманты будут, а фантомы, — добавила я.

Эдвин хмыкнул, Дан рассмеялся и мы пошли «выводить всех из строя».

Но едва вышли из-за дерева, поняли — легко не будет. Перед нами стояла команда по Мертвым играм, в темно-фиолетовых мантиях с золотой окантовкой по рукавам и воротникам и с рычащей боевой нежитью — демон, горгульи и боевой гоблин, это такой гоблин, который больше моего Гобби в шесть раз! Впрочем, сами некроманты и Дану и Эдвину сильно уступали, как в росте так и в ширине плеч.

— Шестое королевство, — всматриваясь в некромантов, произнес Эдвин, — не знал, что они так же будут участвовать.

И тут внезапно раздался голос ректора:

— От шестого королевства три команды, одна из Академии Некромантии, достаточно сильная, две из Академии Практической магии, как вы помните факультеты некромантии несколько лет назад, к моему глубочайшему сожалению, получили распространение. Сейчас перед вами команда выпускников непрофильного учебного заведения. Из ваших плюсов — знание нюансов и деталей некромантии, которые преподаются лишь в узкоспециализированных академиях, из плюсов, которые есть у них — знания бытовой, боевой, стихийной магии и умение искать нестандартные решения. На данном этапе я убрал умертвия, попробуйте победить.

На все это Дан хмыкнул насмешливо:

— Мы точно победим!

— Поменьше самоуверенности, побольше мозгов, — отрезал Гаэр-аш. — К бою!

Но мы стояли, потрясенно глядя на команду напротив. В результате Эдвин произнес:

— Лорд Гаэр-аш, я уже сейчас могу сказать — они слабее по всем параметрам, как физическим, так и магическим.

Смешок, и почти издевательское:

— Риаллин тоже, а кто победил в Мертвых Играх?

Эдвин бросил взгляд на меня, и, сдерживая глухое раздражение, спросил:

— Нам ожидать пренеприятных...эм...

— Неожиданностей, — помог ему с подбором слова ректор. — К бою.

А я внезапно поняла, о чем говорил ректор: «Из ваших плюсов — знание нюансов и деталей некромантии, которые преподаются лишь в узкоспециализированных академиях, из плюсов, которые есть у них — знания бытовой, боевой, стихийной магии и умение искать нестандартные решения».

Все дело в том, что в Некросе не было принято подшучивать над своими сокурсниками, да и вообще над кем-либо. Здесь этой составляющей части ученической жизни просто не было — статус не тот. А в академиях общепрофильного направления издевательство над ближним своим являлось культовой частью жизни, такие случаи обсуждались, ими восхищались и их вытворяли! И сейчас, глядя на трех адептов из Шестого королевства, я мучительно вспоминала, а что я вообще знаю об их академии?! Да практически ничего, кроме разве что того, что располагалась она в столице, собственно столица в трех днях пути от эльфийской границы, и да — в этой академии славился факультет земли...

— Растения! — выдохнула я прежде, чем даже оформилась до конца мысль.

— Что? — переспросил Дан.

— Ждите подлянок от растений, — предупредила я.

Парни переглянулись, кивнули, Эдвин достал меч, Дан заготовил шесть плетений и призвал силу. Я пожалела, что у меня с собой ни одного из пакостных артефактов нет, и

подумала, что обязательно нужно будет их сделать...

Мое предупреждение оказалось не лишним — когда подошли, настороженно остались стоять на черной покрытой изморозью земле, остановившись в шаге от поляны, на которой имелаась трава — чахлая, побитая морозом, с небольшими зелеными прогалинами, но трава.

Фантомы были не разговорчивыми, и начали сражение с заклинания сожжения по методу Каслера, против которого мы выставили щиты даже не задумываясь и я поняла, что мы действительно в некромантии смыслим гораздо больше. Даже я, которая совсем мало успела проучиться. Затем ударил Дан — не в некромантов, в пожухлую траву синим огнем по Дакелону, и от этого вдруг взвыл худой светловолосый парнишка.

— Идиот, замкнул контур на себе, — совершенно без сочувствия произнес Дан.

Эдвин не ответил — одним махом перерубая лианы, старые, засохшие, что обвивали ближайшее к нам дерево, и второй из наших противников так же упал, а из обрубков потекла самая настоящая кровь.

— Риа, ты сокровище, — хрипло произнес Эдвин.

Не ответила, напряженно глядя на третьего члена вражеской команды. Высокий, светловолосый, с черными, что не свойственно для блондинов, глазами, и обещанием смерти в этих самых глазах. И по идее, разобраться с ним следовало именно мне — Дан и Эдвин вывели двух участников команды, значит третий на мне. Но Дан ударил магией, Эдвин добавил заклинание утраты ориентации по Симлеру, и некромант упал на одно колено, пытаясь выдержать натиск...

— Плохо, — раздался за моей спиной голос Гаэр-аша, — ударить должна была ты.

Я осталась стоять на месте, Дан и Эдвин вернулись, встали рядом — учитывая, что они не обернулись, я поняла, что от ректора вновь лишь один голос, самого его видно не было. Посмотрела на последнего некроманта — несмотря, на то, что и парни продолжали уничтожать фантома магически, а он все еще держался, я догадалась, что пока не нанесу удар, испытание не закончится.

Вскинув руку, я направила импульс в сторону удерживаемого некромантами противника, слабенький импульс, способный толкнуть, но никак не убить. И наш противник упал, повалившись на траву...

И в этот момент что-то коснулось моей ноги. Что-то мертвое, наполненное смертью, пугающее.

Резко повернувшись, я увидела слабую, дрожащую силовую линию, едва ли способную нанести вред, и старательно пытающуюся привлечь мое внимание.

— Риаллин, — раздался голос лорда Гаэр-аша.

Я не ответила, глядя на силовую линию. Со мной хотели поговорить, это было ясно каким-то внутренним интуитивным чувством, но я побоялась. Побоялась вот так, без поддержки, прикрытия или страховки ответить личу, а к диалогу призывал, несомненно, он.

И в то же время — с каких пор я перестала рассчитывать только на себя?! Но все же, не смотря на всколыхнувшуюся злость, пересилила желание нагнуться и прикоснуться к линии. Наверное потому, что с некоторых пор я и отвечала не только за себя, но еще и за Гобби, и даже за парней. А потому рисковать было глупо. И мне бы к Норту, он бы понял и подстраховал, но Дастела нет. Эдвин и Дан заняты продолжающимся сражением, к тому же у них не хватит силы в случае нападения лича. И мне оставался неприятный выбор — рискнуть самой, или довериться ректору.

Я выпрямилась, огляделась, и едва слышно позвала:

— Лорд Гаэр-аш, вы можете уделить мне несколько минут?

И как-то совершенно неожиданно лес исчез! Я осталась стоять на продуваемом всеми ветрами полигоне, среди серости серой зимы, а ректор оказался стоящим рядом со мной. Вот только линия силовая не исчезла.

— В чем дело? — спросил глава Некроса.

На самом деле мне уже доводилось общаться с мертвыми. Только тогда я расположила руку на лбу мертвеца и смогла увидеть последние минуты его жизни, а дядя Тадор крепко держал меня за руку, готовый выдернуть из контакта, если что-то пойдет не так.

Вот и сейчас, содрогаясь от холодного налетающего ветра, я молча протянула левую ладонь ректору. Гаэр-аш без слов взял мою руку, сжал в своей широкой ладони и спросил:

— Что дальше?

А дальше я, медленно присела на корточки, потянулась и кончиками пальцев прикоснулась к силовой линии...

Контакт!

Яркая вспышка в сознании, всегда отчетливо представляющаяся грозowymi вспыхивающими сотнями разрядов сетчатых молний темными тучами, медленно, нехотя расходящимися, чтобы открыть того, кто там, по ту сторону...

И я вздрогнула, увидев своего собеседника — он был в черной рваной и треплемой ветром одежде, черные же руки перебиты жгутами мускулов, капюшон, скрывает лицо и плечи, на поясе кинжал, мощный торс, запястья сложенных на груди рук покрыты темно-зеленой чешуей. Лич! Не просто лич, а поднятый из небытия скаэн.

«Забавно, — потусторонний голос был едва слышен сквозь грохот недовольных туч и треск электрических разрядов, — ты знаешь кто я».

«Я вижу, кем ты был, — ответила мысленно».

Но лич услышал.

И произнес странное:

«Ты из приспешников вечных, девочка».

Никогда не думала о том, что скаэны как вид известны лишь отступникам. Но рассказывал мне о них дядя Тадор и больше никто. Малочисленны, опасны, служат свету и только свету. Презирают тьму. Но то, что я видела сейчас... Разве это слугитель света?

Загудели, загрохотали тучи, грозясь вновь сомкнуться и прервать контакт, и понимая, что времени мало, я вновь взгляделась в просвет между облаками, но спросить не успела, лич заговорил первым:

«Откажись от Мертвых Игр. Ты мешаешь. Мне мешаешь. Вечным мешаешь».

Я ответила:

«Нет».

И вдруг чудовище подалось вперед и прорычало:

«Ты же своя! Ты своя, никто иной не способен управлять магией Смерти! Отступи, не мешай мне выполнять приказ!»

Грохот, тучи сомкнулись, сотни, тысячи ударов молний иглами впились в сознание, изгоняя из потустороннего мира.

Открыв глаза, я медленно поднялась, пошатнулась и если бы не лорд Гаэр-аш, несомненно, упала бы. Но после я сделала то, чего делать совсем не следовало — шагнула к ректору, прижалась к нему, уткнулась лбом в грудь и начала прислушиваться к биению

сердца. Мне сейчас нужно было слышать именно это — удары сердца, биение жизни, пульсацию крови... Потому что мое собственное сердце не билось! Мое собственное оказавшись на грани перехода биться перестало, и сейчас мне нужно было убедиться самой и убедить себя, что я живу. Что это жизнь!

Удар первый, неуверенный, второй и сердце отчаянно затрепетало, в то время как сознание все еще плыло, дыхание было затрудненным, а кончики пальцев будто покалывало настолько сильным холодом, что зимний морозный ветер, ласково трепавший выбившиеся из под шапки волосы, показался неожиданно теплым... живым. Как живой, но обжигающе-горячей была ладонь лорда Гаэр-аша, медленно поглаживающая меня по спине.

Запоздало осознаю, как двусмысленно выглядит все происходящее, в особенности мое спрятанное на его груди лицо. Вздвогнув, попыталась отпрянуть, но ректор удержал, властно и уверенно, вновь привлек к себе, и погладил пальцы моей руки, которая все еще оставалась в его ладони.

Повторно попытавшись вырваться, я вскинула голову и замерла, заметив крайне задумчивое выражение лица Гаэр-аша. Но впору самой было впасть в задумчивость, когда ректор произнес:

— Лич... забавно. Правда не совсем понял к какому жреческому культу принадлежит. Так значит отступники. Что ж, нечто подобное я и предполагал с момента появления измененной нежити.

Из всего этого я сделала невероятный, но логичный вывод:

— Вы все слышали?!

Гаэр-аш изогнул бровь, насмешливо глядя на меня, затем задал неожиданный вопрос:

— Скажите, Риаллин, кто обучил вас страховать при общении с потусторонним миром?

Дядя Тадор, естественно, но говорить об этом ректору я не собиралась. Откровенно говоря, и вопрос его был риторическим.

— Так вот вспомните, — мое молчание его ничуть не расстроило, скорее чем-то позабавило, — видел ли Тадор то, что доводилось видеть вам, при снятии воспоминаний с мертвого человека? И да, — он поднял мою руку, которую все еще крепко держал, продемонстрировал мне же, и продолжил, — держали ли вы его ладонь при этом?

Молча вырвала руку, и, растирая пальцы, тихо ответила:

— Я... не предполагала даже, что вы что-либо...

— Я понял, — неожиданно серьезно произнес лорд Гаэр-аш.

В следующее мгновение словно изгнанный ветром исчез черный туман, обнажая Эдвина и Дана, сцепившихся с какой-то водянистой нежитью, Гобби, оседлавшего фантом мага-отступника и старательно дубасившего его конечностью демона, нервно стоявшего рядом и терпеливо ожидающего, когда ему эту самую ногу вернут, Яду и Когтя, разрывающего на части горгулла...

— Тренировка закончена, — объявил Гаэр-аш и все фантомы разом исчезли.

Поднялись с земли Яда и Коготь, Гобби с поклоном броском вернул ногу демону, стоящему за оградой и радостно поймавшему свою конечность, Дан и Эдвин прихрамывая направились к нам.

Когда они подошли, ректор мрачно оглядел каждого из некромантов, и тихо, и от того словно угрожающе, спросил:

— Чья нежить пострадала и была восстановлена?!

Парни переглянулись, потом разом посмотрели на меня, я пожалала плечами, показывая, что вообще тут не причем.

— Не смей даже пытаться мне лгать! — зло произнес глава Некроса. — Я задал конкретный вопрос и требую конкретный ответ!

Сказано было так, что возникло ощущение, будто на полигоне стало ощутимо холоднее, и вот-вот с неба начнут бить молнии.

— Пострадал мой орк, — глухо произнес Эдвин.

В какой-то миг мне показалось, что лорд Гаэр-аш его убьет. Прямо сейчас одним ударом, или потоком той ярости, что вспыхнула в серо-синих глазах ректора. Но потянулась тягучая, как капля застывающей крови, минута, за ней вторая... Я содрогнулась, от пронизывающего ветра, Дан попросту нервничал, и сейчас сжимал и разжимал кулаки, Эдвин, не выдержав взгляда главы Некроса, отвел взгляд и теперь смотрел себе под ноги.

— Через четверть часа на моем полигоне вместе с нежитью! Всем! А сейчас вон с моих глаз!

Дан взял меня за руку и торопливо потащил за собой, Эдвин шел за нами, напряженный, с неестественно прямой спиной, словно на негнущихся ногах. И я, вырвав ладонь у Дана, дождалась Эдвина, с тревогой заглядывая ему в глаза.

— Мы нарушили правила, — сухо пояснил для меня некромант, едва я приноровилась идти рядом, — я нарушил... Гаэр-аш в бешенстве.

* * *

В общежитие я прибежала одна, без Гобби, он остался с Ядой, которая ему что-то на хвосте и когтях разъясняла, так что промчавшись по коридорам в одиночестве, я не могла не услышать гул голосов, смех, восторженные вздохи и вообще... У нас на втором этаже перед поворотом к душевым были зеркала, так вот сейчас там оказалось невероятно многолюдно! И я, замызганная, в грязной одежде, слизи, земле и болоте, с растрепанными волосами, грязными ногтями, под которыми тоже земля была, застыла, глядя на фей в роскошных бальных платьях. Потому что сейчас это были не некромантки, это были феи... ну или эльфийки... правда темные. И все они были восхитительно, изумительно, невероятно красивы!

И я им позавидовала.

Нет, правда позавидовала, всем сердцем. Потому что я никогда не была на балах — на артефакторском факультете их попросту не устраивали, но так как жила я в западном корпусе с окнами выходящими на стихийные факультеты, то не раз и даже не два, мне доводилось сидеть на подоконнике и с тоской смотреть на прекрасных леди в удивительных платьях, которых вели танцевать галантные лорды... И вот снова бал, а я опять, всего лишь могу смотреть со стороны. Обидно!

Но тут я подумала про Норта и все мысли по поводу несправедливости жизни улетучились сами. Хотя нет, вру, когда я, с полотенцем протискивалась мимо толпящихся перед громадным зеркалом, где адепки могли видеть себя в полный рост, и некромантки, напуганные тем, что я могу испачкать их наряды ругались на меня не особо приличными словами, я снова размышляла о несправедливости. В душевой и вовсе хотелось расплакаться, пока никто не видит.

Нет, ну почему?! Ну вот если бы не эти Мертвые игры, я бы сейчас тоже готовилась к балу, бегала к куратору делать прическу, разукрашивала ноготки тончайшей росписью... Эти самые ногти я как раз в данный момент пыталась вымыть — падала я много и часто, грязь под мои коротко стриженные коготки набилась изрядно, руки шершавые, обветренные, черные как у... нежити, Тьма!

Наверное, я все-таки разревелась с досады, но помня о сказанном Гаэр-ашем про пятнадцать минут, торопливо домылась, правда руки так и остались в отвратительном состоянии, им бы ванночку и крем, но на подобное времени не было. Кое-как высушив волосы, я завернулась в полотенце, грязные вещи кинула в свой ящик в душевой, намереваясь постирать, когда вернусь, и направилась в свою комнату.

— Тьма, ты еще и мокрая!

Эйна Вен, моя бывшая одноклассница, стояла в изумительном изумрудно-зеленом платье, обмахивалась изящным веером и презрительно смотрела на меня. Странно что тут нет Унны Вейлар, их вечной заводицы.

— То есть тебе мало было того, что ты нас едва не испачкала, теперь еще и обмочить пытаешься! — воскликнула ее подруга, Тана Элит.

А с меня, между прочим, даже не капало! Обидно до слез, причем именно из-за несправедливости.

«У тебя есть цель. Иди к ней. Иди не оглядываясь. Без страхов. Без сомнений. Без сожалений. Ты должна правильно распределять значимое» — я вспомнила слова мертвой леди и стало легче. Нет, не все равно, потому что мне семнадцать, я столько лет мечтала пойти на бал, меня только что унизили и сейчас все эти «феи» стоят и подленько хихикая потешаются, но стало легче. Я даже смогла, гордо подняв подбородок пройти мимо, и нашла один положительный момент — после слов Уны все передо мной расступились, так что не пришлось протискиваться вдоль стеночки.

В комнату я тоже вошла гордо, а вот уже там, за закрытой дверью забегала, торопливо одеваясь. Кстати, тренировочный костюм у меня остался всего один, так что ночью ждала стирка. Грандиозная. Потому как грязь отмыть еще можно, а вот останки нежити — уже очень сложно. А бал... про бал придется забыть. Сжать зубы и забыть, потому что я уже едва на ногах стою, а Гаэр-аш сейчас устроит разбирательства, потом явно опять гонять будет, и Норт...

Норт сейчас был важнее даже бала. И я подумала, что если ректор приказал собираться и ему, то в каком сейчас Дастел состоянии будет? В итоге время, оставленное на то, чтобы высушить волосы я потратила на бег в столовую, там набрала ночной суп, уже выставленный на столике в углу, налила крепкий сладкий чай в высокую глиняную кружку, и с подносом вернулась обратно в фойе женского общежития.

Очень напрасно — вереница прекрасных некромантских фей как раз спускалась по лестнице, а тут я — растрепанная, с шапкой под мышкой, и подносом в руках.

— Да, у всех свои ценности, — пропела одна из адепток.

Молча свернула в кладовую, услышав брошенное в спину:

— Идешь рыдать в тишине и одиночестве, Каро?

А я взяла и дверь закрыла, чувствуя, что еще немного и кого-то ждет сожжение по методу Крайслера! Но сдержалась, подошла к стене и нарисовала знак вен Некроса.

Проход открылся моментально, шагнув, я поторопилась миновать вены, бросив мимолетный взгляд на сердце — оно оказалось красным! Насыщенного красного цвета, без

каких-либо темных мертвых пятен. И билось оно как живое.

— Привет, сердце, — прошептала я.

Конечно, мне никто не ответил, но я все равно после этого шла и улыбалась, понимая, что живу не зря — вон сердце оживила.

Дойдя до конца упершейся в стены вены, я вновь вывела символ, старательно и, пытаюсь вспомнить, где сейчас окажусь.

Оказалась в кладовой, вышла из нее и попала в толпу некромантов в парадных черных костюмах, с гладкими прилизанным прическами, черными розами, начищенных до блеска туфлях и... удивленными взглядами на меня.

— Трупов, — поздоровалась со всеми.

— Э, нет, нам сегодня желательно тел, причем женских, — хмыкнул кто-то.

— Ладно, тел вам, — изменила я форму приветствия.

Адепты рассмеялись.

— И по нежнее, — вставил еще один некромант.

— Тел вам и по нежнее, — миролюбиво согласилась я.

— И по красивее, — добавил кто-то из задних рядов.

— И по сговорчивее, — еще какой-то адепт справа.

— Ну у вас и запросы, — я и сама улыбалась уже.

Адепты расступились передо мной, а кто-то и спросил:

— Помочь с подносом?

— Спасибо, он не тяжелый, — отмахнулась я, направившись к лестнице.

И вдруг позади как-то стало сумрачно. И тишина повисла. И затем я услышала напряженный вопрос:

— Риа, а ты куда?!

Вопрос был странным. Нет, ну действительно странным — мне казалось, что все здесь знали, что я почти постоянно хожу к Нурту, это ни для кого секретом не являлось.

Именно поэтому вопрос и насторожил.

Медленно повернувшись, я отыскала взглядом спросившего — это было не сложно, все остальные как-то отводили глаза, а он прямо смотрел. И я его узнала — парень с шестого курса адепт Аргус, у которого нежитью был горгуль Гархш и который защищал меня в день моего рождения. И парень на меня так виновато смотрел, и было видно, что он мне сочувствует, а, возможно, даже и жалеет. Скорее жалеет... С чего бы, да? Сердце от чего-то сжалось.

— Он не один? — почему-то догадалась я.

Аргус отвел взгляд.

К сожалению, об этой стороне жизни я знала. Отчим после смерти мамы позволял себе многое. И женщин в тот период было немало. И несколько раз я застала крайне неприличные сцены и... И я вдруг поняла, что там, на кровати, где я так часто спала, сейчас... Почему-то стало больно. Больно настолько, что удержать на лице улыбку мне не удалось.

«У тебя есть цель. Иди к ней. Иди не оглядываясь. Без страхов. Без сомнений. Без сожалений. Ты должна правильно распределять значимое» — повторила я про себя.

Но даже эти слова не помогли. Мне не стало ни легче, ни спокойнее, ни менее больно.

— Аргус, — упавшим голосом позвала я.

— Нейл, — представился парень.

— Нейл, — неимоверным образом каждое слово давалось очень тяжело, — ты не мог бы...

— Конечно.

Он подошел, забрал у меня поднос.

— Спасибо, — я больше ни на кого не смотрела, опустив взгляд.

И так же глядя исключительно себе под ноги, прошла через холл, и передо мной расступились все адепты, несмотря на то, что я не была ни грязная, ни мокрая. Все так же в абсолютном молчании покинула второе мужское общежитие и вышла в объятия мороза.

Холодно стало мгновенно.

Меня словно пронизывало холодными иглами и шапку я надела сразу, пожалев, что не высушила волосы... Сердце колотилось в груди так быстро и столь сильно, что отдавалось болью во всем теле. Глаза жгли слезы, а еще я злилась. Отчаянно злилась на себя. Потому что нельзя было привязываться. Нельзя! Мало мне было боли после того как умерла мама?! Не хватило того, что пришлось перенести, когда на моих руках умирал дядя Тадор?! Значит я дура!

А перед глазами проносится утро моего дня рождения... Поцелуй в ванной... Глаза Норта...

— Риа, он тебе ничем, абсолютно ничем не обязан! Даже помолвка фиктивная! — прошипела я самой себе, и, смахнув капельки с ресниц, решительно направилась к ректору, стараясь не думать ни о чем более, кроме возвращения домой, в свою комнату и сна.

Да, приду и лягу спать!

Нет, приду, повторю боевые заклинания, проверю артефакт Гобби, и у меня была мысль на счет плетения. А если не было — появится. Ко всему прочему сейчас, когда у меня есть Магия крови, следует проверить ее возможности, а то я со всеми этими событиями напрочь забыла о важном.

* * *

Личный тренировочный полигон ректора находился на холме, рядом с домом Гаэр-аша, и отсюда открывался вид на Некрос, его старые башни, новые жилые строения, руины некогда громадного замка, и я старалась рассматривать пейзаж, поднимаясь все выше по тропинке, лишь бы не думать ни о чем ином. Потом заметила, что следом за мной бежит Дан, остановилась, подождала некроманта.

— Нежить уже там, — добравшись до меня сообщил он. — А я за тобой ходил.

— А я уже тут, — сказала, криво улыбнувшись.

— Сильно устала? — встревоженно спросил парень.

Неопределенно кивнув, я ускорила шаг.

Едва мы вошли, увидели Эдвина, и ректора, который глянул на нас, затем на собственные наручные часы, снова на нас. Опоздали, да.

— Норт где? — спросил Гаэр-аш у Дана.

— Спит, — ответил Дан, а я не нашла в себе сил взглянуть в этот момент на парня.

Молча прошла к Гобби, стоявшему рядом с Ядой, гештъяра тут же сунулась ко мне, чтобы ее погладили. Механически потрепала нежить по холке, прислушиваясь к разговору.

— В смысле «спит»?! — гневно переспросил ректор.

Пауза, затем несколько натянутое от Дана:

— Лорд Гаэр-аш, Норту сейчас не очень хорошо и он не в состоянии прийти, он... спит. Ему отдохнуть не помешает, кстати, а то напряженный весь.

Я была очень рада, что в этот момент ко мне за порцией ласки сунулся и Коготь, не пришлось делать вид, что я ничего не понимаю, или вообще слышу разговор, так как дракон, пользуясь возможностью, закрыл мне весь обзор и подставил ухо на почесать. С удовольствием удовлетворила наглую просьбу умертвия, и вздрогнула, услышав:

— Кстати, Риа, я тебе там от Норта бальное платье принес, и мы с Эдвином с тобой идем, так что не переживай, попадешь ты на этот бал.

Рука дрогнула.

Постаравшись совладать с голосом, я ответила:

— Спасибо, Дан, но я никуда не хочу сегодня. Устала.

Дракон ткнул в плечо, требуя, чтобы продолжила почесывать, и я продолжила. Мне не жалко порадовать умертвие, оно и так мертвое и ему ласки не достает.

Не знаю, что происходило в этот момент на полигоне, но молчание показалось мне каким-то затянувшимся. Выглянув из-за дракона, заметила отчаянно жестикулирующего Дана, который заметив мой взгляд мгновенно спрятал руки за спину и чарующе улыбнулся, просто сама невинность. Взглянула на Эдвина, тот стоял молча, глядя себе под ноги и сложив руки на груди, Гаэр-аш смотрел на Некрос, на его скулах танцевали желваки, и все молчали.

Внезапно раздался удар в ворота полигона и появился никем не ожидаемый Норт.

Я принялась старательно гладить дракона и больше на Дастела вообще не смотрела, Дан протянул что-то вроде «эээм», Эдвин промолчал, Гаэр-аш мрачно произнес:

— Рад, что у тебя проснулась сознательность.

И вновь повисла пауза. Наверное мне нужно было сказать хоть что-то, спросить как он себя чувствует, сделать вид, что ничего не произошло и я ничего не поняла, но... Не смогла. И даже осознавая, что я не права, что не смею вообще какие либо требования Норту выдвигать и что-либо от него ожидать, просто... не смогла. Отчетливо слышала его тяжелое дыхание, видимо некромант мчался и мчался сюда очень быстро, но...

— Так, рад, что мы все здесь собрались, — несколько напряженно продолжил Гаэр-аш.

Но далее заговорил решительно и зло:

— И раз уж все участники заговора соизволили явиться, я требую объяснений по поводу нежити Харна!

А все молчали. И я, продолжая гладить дракона, почему-то была уверена, что Норт глаз с меня не сводит. Я этот взгляд кожей ощущала, но посмотреть в ответ... не смогла. И разумом я отчетливо понимала, что веду себя сейчас неправильно, и вообще не права, но эмоций оказалось слишком много. Эмоций, с которыми я никак не могла совладать.

— Норт! — рыкнул лорд Гаэр-аш.

Дастел как-то глухо, севшим голосом отчитался:

— Да, я виноват. Было предположение, что Культяпка одержим, потому и искалечил себя, но вы знаете правила — на игры идет связка некромант-нежить только в том виде, в котором она прошла отборочный тур. Не прими мы меры, Эдвин был бы исключен. Я, как капитан принял решение.

Мгновение угрожающей тишины и ректор тихо, но чеканя каждое слово, произнес:

— Я так понимаю, то заполненное нежитью ущелье ваших рук дело? И нападение на

орков так же? Что вы вживили в Культяпку?!

На этот раз ответил Эдвин:

— Глаза и руку.

— Та-а-ак, — тон у ректора стал вконец нехорошим, — то есть иная сущность взяла под контроль глаза, после часть тела, и зомби осознав это, сам нанес себе вред, а вы...

Норт перебил его тихим:

— Я контролирую Культяпку. Я и Эдвин. Да, мы сознаем опасность, но выхода не было, лорд Гаэр-аш.

Перестав разглядывать исключительно шрам на морде дракона, я подняла голову, посмотрела на ректора — выражение лица главы Некроса говорило о том, что кое-кому тут явно не достаёт мозгов. Явно. Причем, судя по всему всем нам, ну кроме ректора.

А затем Гаэр-аш, сложив руки на груди, обманчиво ласково, и даже издевательски ласково, произнес:

— Норт, мальчик мой с завышенной самоуверенностью, я скажу, а ты, будь добр, постарайся осознать — вы, все четверо, собирались протащить неподчиненную нежить на Королевские Мертвые игры, в которых будет участвовать Танаэш Рханэ. Более того — одержимую нежить. Так?

Норт дернув щекой, зло ответил:

— Нет, Культяпка не участвовал бы, у нас Эдвин идет как замена, и он будет сражаться в связке с Гобби в финале. В финале, по правилам, допускается смена игрока, но не нежити.

И тут Гаэр-аш сказал:

— Стоп.

Норт умолк. Мы все, естественно, тоже молчали. Ректор повернулся и посмотрел на застывшего у ограды Культяпку.

Почему-то отчетливо слышалось как завывает холодный зимний ветер, как скрипят деревья, растущие на склоне холма, как где-то вдали рычит нежить... И еще это давящее ощущение опускающихся сумерек...

— Что ж, — задумчиво произнес ректор, — теперь мне ясно, кто и зачем так отчаянно пытался убить Риаллин. Она действительно помешала.

Странное дело — у меня внутри ничего не шевельнулось даже. Мне было все равно. Мне оказалось все равно. Я стояла, прислушивалась к завыванию надвигающейся метели и... гладила дракона.

— В смысле? — хрипло спросил Норт.

— Я не понял, — сказал Эдвин.

— Кому помешала? — добавил Дан.

Лорд Гаэр-аш молчал, и не выдержав этой тишины, я искоса взглянула на него. Вздрогнула, не выдержав тяжелого мрачного взгляда, мгновенно опустила глаза, с трудом сдерживая слезы. Потому что ощущение такое, словно все мои чувства для ректора открыты, он все видит, а я не привыкла быть открытой для посторонних.

— Так, — медленно проговорил Дастел, — еще раз: Кто-то, а точнее лич, сумел вселиться в сознание Культяпки, подчинить его частично, и на Королевских Мертвых играх планировал устранить Танаэша, так?

— Приятно осознавать, что ты не совсем разум растерял, — ядовито подтвердил предположение лорд Гаэр-аш.

Не знаю, с каким выражением лица Норт продолжил, я услышала лишь сказанное им:

— Убийство наследника Седьмого королевства членом команды приближенного к трону герцога Четвертого, привело бы к войне, так?

Усмешка и издевательское:

— Слишком глобально мыслишь, но направление верное.

Мне хотелось взглянуть на Дастела, но я все равно продолжала гладить дракона, не поднимая головы и стараясь выглядеть равнодушной. Впрочем — предмет разговора мне был совершенно не интересен, ведь своего убийцу я уже имела сомнительное удовольствие видеть, и... Жрец-скаэн, ставший личем и находящийся на службе у отступников, которых ненавидел всей душой, уже достоин жалости. Мне и было его жаль... Искренне жаль... Дс того момента, как я вспомнила Гербину Истон, старшекурсницу, переносившую мои сообщения Норту и парням! И жалость мгновенно куда-то испарилась. Причем вся. Он убил девушку. Планировал меня, а убил девушку, и если я правильно помню все, что рассказывал дядя Тадор, жрецы-скаэны способны четко направлять удар, он же не попытался даже, избежать жертв. Затем мне вспомнились те двое газетчиков. Я не люблю газетчиков, и есть за что, но скаэны идейные уничтожители нечисти, вроде как ратуют за сохранение человеческих жизней. Этот — убил. Убил в попытке подставить команду Некроса... Лича нужно остановить! Еще не знаю как, но учитывая появившиеся у меня возможности и тот факт, что умертвие вышло на контакт, шанс есть. Не было бы, скаэн не предпринял бы попытку переговоров.

— Маг-отступник, которого Танаэш сделал своим личем, — проговорил Норт.

Я посмотрела на ректора, желая услышать его ответ, или хотя бы прочесть по выражению лица. Выражения не было, никакого, абсолютная бесстрастная маска, и внимательный взгляд на меня.

— Не понимаю, почему вы на меня смотрите, — не выдержала я. — Вы, как и я, слышали все сказанное скаэном, и отчетливо осознаете — я не причем.

Ректор странно улыбнулся, и протянул:

— Ревность неприятная штука, не правда ли, Каро?

И я испытала крайне несвойственное мне бешенство. Просто ярость. Ничем иным не могу объяснить свой язвительный вопрос:

— Полагаете, есть смысл ревновать вас к личу, лорд Гаэр-аш? — и точно зная, что следует заткнуться, добавила: — Что вы, я совершенно лояльна в данном отношении. Более того, буду искренне рада, если он восплает к вам самой пламенной страстью, забыв про свое желание отправить меня за Грань!

Ректор медленно растянул губы в кривой усмешке, и невероятно мягко, обманчиво мягко, произнес:

— Ты забываешься.

И прозвучало это крайне угрожающе.

Не знаю, что на меня нашло, не помог даже дернувший за рукав Гобби, я все равно отчетливо проговорила:

— О своих обещаниях постоянно забываю вовсе не я!

Воздух вспыхнул огнем. Мгновенно, весь, погрузив нас в синий пылающий костер, который был мгновенно погашен титаническим усилием воли ректора. Но пламя ярости осталось между нами, и мне казалось, что весь мир продолжает полыхать огнем, как и мое лицо.

Секунда, вторая... третья...

Я сдалась первой.

— Сожалею, но боюсь я не в состоянии более продолжать тренировку. До завтра, лорды, — срывающимся от злости голосом, с трудом проговорила я, после чего схватив Гобби за руку, потянула его за собой к выходу.

А едва оказавшись за воротами, резко свернула в сторону, и через кусты, по сугробам, стуча зубами от холода, сбегала вниз, с холма. Гобби не отставал. О том, чтобы идти в комнату не могло быть и речи, я понимала, что меня там найдут очень быстро, и догадывалась, что искать будут.

Не хочу!

Никого не хочу видеть! Вообще никого. Нет, когда Гобби подошел и встревоженно взглянул на меня своими зеленоватыми фосфоресцирующими глазами, я поняла, что он к «никого» не относится, но вот все остальные... Не хочу видеть!

И совершенно не думая о том, что замерзла, да и после тяжелого дня стоит поспать, я потащила Гобби к запрещенной библиотеке, кривой башней возвышающейся над полуразрушенными стенами некогда величественного замка.

— Ыы? — встревоженно спросил Гобби, едва мы подошли к охране библиотеки, в составе шести скелетов и одного горгуллы.

— Есть идеи? — поинтересовалась я, остановившись и понимая, что охрану тут не зря усилили.

Зомби подумал, кивнул, отпустил мою руку, вальяжно подошел к горгулле и... пнул его по коленке. Нежить взвыл. Заинтересованным скелетам важно продемонстрировали неприличный жест. Синхронно отпавшие челюсти и разъяренный рев. Треснув повторно горгулла по тому же месту, Гобби махнул мне, мол, не тормози, и ринулся на утек. Все умертвия кинулись за ним.

Остолбеневшая я даже не знала, что делать.

Нет, проблему Гобби конечно решил, но как?!

— Ыы! — завыл мой зомби, делая неожиданный рывок в сторону, после чего столь же неожиданно помчался ко мне.

Нежить за ним!

На размышления времени не оставалось — я бросилась к двери, с натугой открыла, а закрывали мы уже вместе, и закрыли! И Гобби деловито задвинул засов, отрезая от нас взбесившихся умертвий, которые начали ломиться в двери.

— Ааа... выходить как будем? — потрясенно спросила я.

Пожав плечами, мое умертвие продемонстрировало, что понятия не имеет. Я вот тоже не имела ни малейшего понятия, была правда мысль про вены Некроса, но не знаю получится ли, все же я не Норт и не Гаэр-аш, это они везде проходы открывать умеют.

— Ыы? — спросил Гобби, указывая на вторые двери.

— Ну, пошли, — согласилась я.

В любом случае это было лучше, чем открывать двери, а после улепетывать от разъяренной нашей наглостью нежити.

Но не успели мы сделать и шагу, как вдруг в стене появилось свечение, а после и вовсе открылся проход. Точнее я отчетливо увидела, что он открылся, Гобби видеть не мог, но ощутил что-то, потому что напряженно замер. Я тоже ожидала появления кого-то, кто проход открыл, но никого не было.

Простояв несколько минут, я подошла к стене, приложила ладонь и вздрогнула,

услышав отдаленное мерное биение сердца...

— Это сердце Некроса, Гобби, — тихо сообщила мертвию.

— Ыы? — удивился он.

Да, я тоже была удивлена, но проход открыл не маг, но от приглашения я решила не отказываться. Обернувшись, жестом подозвала Гобби, и едва мертвие подошел, взяв его за руку, уверенно шагнула в проход, увлекая нежить за собой.

Я ожидала привычного сумрака полупрозрачных вен Некроса, тьмы подземелий, всего чего угодно, но только не парка, золотого из-за осыпающихся листьев, которые ветер закружил бросил мне в лицо. И сразу стало ясно, что эта окружающая действительность вовсе не сон, а реальность!

Где-то среди ветвей закричала птица. Я резко обернулась на крик, еще до того, как осознала, что птица — мертвие, но когда нежить кинулась на меня, расправив крылья и раскрыв клюв, ветер вдруг закружил ее, а после мягко вернул обратно на ветку, словно погрузив в сон, потому как больше птица не пошевелилась...

— Ыыы, — испуганно произнес Гобби.

— Бояться нечего, — попыталась я успокоить зомби, хотя и самой стало жутко, — это не лич, нас сюда перенесло сердце Некроса, а значит...

Ветер ласково закружил вокруг нас, а затем вдруг унесся вперед, расчищая от опавших листьев дорожку, и словно указывая путь. И мы пошли по тропинке, среди золотого дождя из опадающих листьев, прислушиваясь к тишине, какой-то мягкой и умиротворенной вокруг. Это был очень красивый парк — с высокими деревьями, чья могучая крона летом, вероятно, создавала сумрак даже в самый солнечный день, это был волшебный парк — казалось он весь состоит из золотых и красных тонов, это был страшный парк — потому что здесь не осталось ничего живого! Ничего. По деревьям медленно и сонно перемещались белки, но их глаза светились тусклым зеленоватым сиянием, выдавая давнюю смерть, над парком летали птицы, но и в них не осталось жизни, несколько раз путь нам переходили величественные лесные олени. Мертвые, как и все здесь.

Но чем дальше мы шли, тем все отчетливее слышался смех, музыка и звуки разговоров. Гобби сжал мою ладонь, привлекая внимание, и едва я взглянула на него, он указал на холм... Он просто указал на холм, показавшийся впереди, а я мгновенно узнала это место — Некрос! Мы находились в Некросе! Вот только сейчас на том самом холме не возвышался дом ректора, не было нигде заграждений и силовых щитов, да и зима — вечной, присущей только Мертвому лесу здесь не было!

А затем накатило понимание — пока не было! Мы в прошлом! Мы в тех временах, когда вечная зима еще не воцарилась на этих территориях, но смерть... смерть уже властвовала.

Внезапно я услышала шорох листьев, слишком громкий, для того чтобы так могла шагать нежить. Сюда кто-то шел, кто-то живой!

Ветер вдруг налетел, закружил, скрывая в вихре золотых листьев, и схлынул, оставляя... я едва не закричала! Оставляя вместо Гобби эльфа! Невысокого, но эльфа! В светло-синем камзоле, украшенном вышивкой, в белых брюках и высоких, выше колена, белых сапогах. И я бы искренне поверила, что это эльф, если бы он не произнес:

— Ыыы, — указывая на меня.

Я в изумлении посмотрела на свои брюки и... не увидела их. Брюк не было — на мне оказалось темно-зеленое платье, ажурные черные до локтей перчатки, а волосы... перекинув волосы, я с изумлением уставилась на их золотой цвет!

— О, трупов, — произнес вышедший из-за деревьев... эльф.

Высокий, широкоплечий, с косой челкой и серьгой в ухе.

— А я думал, я один люблю побродить здесь, — продолжил этот... эльф.

Мы с Гобби потрясенно смотрели то на себя, то на него.

— О, простите, видимо я помешал свиданию, — улыбнулся незнакомец. — Прошу извинить, я уже ухожу и гарантирую больше сюда не приходить и даже не гулять в эту сторону. Только, должен предупредить, там, — он указал на место, откуда мы пришли, — одна из ворон не поддается заклятию и может напасть. Будьте осторожнее.

И развернувшись, этот эльф с забавным хвостом небрежно собранных волос, заложив руки за спину, двинулся вниз по тропинке, насвистывая что-то веселое. Несколько секунд я смотрела ему вслед, и только потом сообразила, что теряю единственного собеседника. Гобби не в счет, он сейчас только «Ыыы» говорить способен.

— Пойдите, — крикнула я, бросаясь вслед за незнакомцем.

Эльф остановился, обернулся и едва сдержал улыбку, глядя, как я, одной рукой придерживая непомерно пышные юбки, а второй продолжая держать за руку Гобби, бросаюсь к нему. Но он терпеливо дождался пока я добегу, а после осведомился:

— Опасаетесь вороны?

Остановившись, я оправила платье, поправила волосы и торопливо ответила:

— Нет, ее уже успокоили.

— Вот как? — эльф, вскинув бровь, посмотрел на наши с Гобби, все еще сцепленные руки. — Тогда, чем могу быть полезен?

Всем своим видом незнакомец выражал искреннее непонимание ситуации. Я невольно взглянула на свое умертвие, и вынуждена была признать — Гобби красавчик. Нет, он даже как мертвый гоблин очень харизматичен, но сейчас в облике эльфа и вовсе был очень и очень яркой личностью, особенно этот прищур в глазах, и улыбочка такая загадочная. В общем эльф явно недоумевал по поводу моего желания продолжить общение, я же не могла упустить шанс пообщаться хоть с кем-то живым.

— Простите, а вы кто? — тяжело дыша после пробежки, поинтересовалась у эльфа.

Тот хмыкнул, сдул с глаз челку, и поинтересовался:

— А вы?

Да, вопрос мне не понравился, и я попыталась ответить максимально размыто:

— Девушка.

— Правда? — рассмеявшись изумился эльф. — А я парень. Очень приятно познакомиться, девушка.

И вот тут я поняла, что он точно не эльф. Никак не эльф. Потому что ни один эльф про себя не сказал бы «я парень».

— Вы не эльф, — констатировала я.

Незнакомец, развернувшись к нам полностью, несколько мгновений изумленно смотрел на меня, затем расхохотался. Искренне и от души. А отсмеявшись, галантно поклонился и произнес:

— Некромант, выпускник. Остальное открыть конспирация и законы Зимнего Бала Некроса запрещают.

Он выпрямился, еще раз посмотрел на нас, и неожиданно уточнил:

— Первокурсники, да? Первый раз на балу?

Уточнять про то, что у меня все же второй курс, а Гобби и вовсе нежить мне не

хотелось, и потому я просто с улыбкой кивнула.

— Ааа, — понимающе протянул эльф, который вовсе даже и не эльф, а совсем некромант, — так это вы за руки от страха держитесь?

Мы с Гобби переглянулись.

— Нет, — ответила я, — это осознанное действие, просто мне так... — чуть не сказала «спокойнее», вместо этого проговорила, — больше нравится.

Эльф покивал с самым умным видом, так что сразу стало ясно — издевается.

— А вы почему... один? — поинтересовалась я.

Он невесело усмехнулся, посмотрел на лес и ответил с явным нежеланием:

— Моя невеста... не смогла прийти. Так что, бал мне не в радость.

Мне его мгновенно очень жаль стало.

— Простите, — я попыталась извиниться за бестактность. И улыбнувшись, добавила, — Зато мне повезло — я вас встретила, и вы мне сейчас расскажете, где тут бал.

Эльф искоса взглянул на меня, хотел что-то спросить, но не стал, и мотнув головой, словно избавлялся от мрачных мыслей, весело сказал:

— И что же именно вы желаете узнать, прекрасная незнакомка?

Я хотела знать все! Вообще все, но особенно интересовало:

— Почему бал происходит в прошлом?!

Заметно удивившись, эльф спросил:

— Ты догадалась?

Развела руками, и свободной, и той, которой в ладонь Гобби вцепилась, и спросила:

— Так... видно же.

— Хм, надо же, — эльф посмотрел на меня с одобрением, — а все убеждены, что это просто декорации.

Нет, я бы в такое не поверила бы. Возможно из-за того что мы прошли по лесу, возможно из-за вороны, возможно из-за ветра, а скорее потому что остро ощущала — жизни здесь нет, это царство смерти...

— Не декорации точно, — озвучила свои мысли.

Эльф кивнул, затем поманил за собой, шагнув в сторону от тропинки, и я послушно пошла за ним, не смотря на то, что Гобби вдруг уперся, и попытался привлечь меня встревоженным «Ыы». Не обратив внимания, я прошла вслед за незнакомцем через кусты, вздрогнула, увидев сидящего в кустах волка, который тоже был нежитью, приняла руку помощи, вскарабкиваясь на пригорок, из-за чего вынуждена была отпустить ладонь зомби.

— Он, полагаю, сам заберется, мужчина все же, — произнес эльф, увлекая за собой вверх.

Я была вынуждена согласиться, но все равно раз пятнадцать обернулась, оглядываясь на то, как нас нехотя догоняет Гобби. А потом незнакомец вывел вверх пригорка, подвел к самому краю и взмахнул рукой. С тоненьких, стоящих впереди деревьев разом упала вся листва, открывая невероятный, захватывающий вид, на громадный сверкающий в огнях замок!

Некрос!

Тот, каким он был когда-то! Без жилых корпусов, полигонов, ангаров для нежити, заборов и силовых ограждений, без древней покосившейся башни, в которой содержалась запрещенная библиотека, без разрушенных ныне стен. Он был еще не тронутым разрушениями великолепным замком эльфийской постройки.

— Тьма, как же красиво, — восторженно выдохнула я.

Эльф пожал плечами, а затем вдруг спросил:

— Ты из Некроса?

Хотела было ответить, но вспомнила им сказанное «Остальное открыть конспирация и законы Зимнего Бала Некроса запрещают».

И потому протянула:

— Законы Зимнего бала, как вы понимаете...

— Понимаю, — он рассмеялся. А затем неожиданно серьезно сказал: — Не знаю, кто вы, но в вас есть что-то особенное. Рядом с вами, хочется стать лучше, чем ты есть на самом деле. Вы случаем не ведьмочка?

— Нет, — я улыбнулась. — И спасибо, за комплимент.

— Это не было комплиментом, — эльф оставался все так же серьезен и сейчас с самым серьезным видом изучал мое лицо, — и у вас изумительная улыбка, очень светлая, искренняя.

— Ага, а вот это уже был комплимент? — предположила я.

Незнакомец хмыкнул.

— Видимо, — он посмотрел на подошедшего Гобби, — вам очень мало говорят комплиментов, а значит вы точно из Некроса, только здесь девушек ни во что не ставят.

Не став вступать в дискуссию по данному поводу, я улыбнулась моему ныне очень представительному умертвию, и спросила у незнакомца:

— А почему бал проводят в прошлом?

— О, — он как и я посмотрел на замок, — ну, потому что только в прошлом сохранились великолепные бальные залы данного замка. Впоследствии, во времена, когда данными территориями владели отступники, замок был почти полностью разрушен ими. Отступники совершенно не ценят шедевры архитектуры.

Мне стало не по себе. Не знаю, может от того, что последнее замечание совершенно не вязалось в моем сознании с дядей Тадором, который рассказывал, как бережно собирают и хранят вечные статуи и скульптуры времен Хешисаи, а может от пренебрежения, промелькнувшего в голосе моего собеседника.

— В корне неверное утверждение, — прозвучал вдруг чей-то голос.

Мы повернулись синхронно, и увидели эльфа, высокого, выше моего первого встречного, в черном камзоле, с собранными в хвост волосами, причем одна прядь повисла, словно перечеркивая правую сторону лица, а еще у этого жителя лесов был странный оттенок глаз — синий с серым.

— Почему же? — насмешливо осведомился «первый» эльф.

«Второй» странно усмехнулся, и ответил:

— Замок был разрушен магами Седьмого королевства.

Лицо «первого» эльфа окаменело, и он сухо отчеканил:

— Надеюсь, вы понимаете, что подобные обвинения...

«Второй» эльф усмехнулся, и издевательски протянул:

— Обвинения? Законы Зимнего Бала Некроса запрещают любые обвинения, ведь здесь невозможно разгадать, кто скрывается под подаренным замком обликом. Не так ли... — пауза, и с откровенной насмешкой, — ваше высочество?

«Первый» эльф остолбенел. Затем его глаза сузились и парень потребовал ответа на вопрос:

— Кто вы?!

Очередная издевательская усмешка и прописное:

— Законы Зимнего Бала Некроса запрещают открывать имена.

Между этими двумя эльфами как-то стремительно нарастало напряжения, и мне казалось, что «второй» явно знает «первого», а может и не казалось. В любом случае, стараясь предотвратить ссору, я спросила у «второго»:

— Вы тоже любите побродить по лесу в одиночестве?

Эльф очень странно посмотрел на меня. Затем усмехнулся и загадочно произнес:

— Да. Очень. Люблю... побродить. Составите компанию?

— О, нет, простите, — я вновь вцепилась в ладонь Гобби, — у меня уже есть... компания.

После чего я посмотрела на «первого» эльфа и спросила:

— На чем мы остановились?

— На балу, — незнакомец продолжал пристально изучать взглядом эльфа номер два, все еще подпирающего плечом дерево в нескольких метрах от нас.

«Второй» со спокойной насмешкой выдержал взгляд.

Кстати вопрос — а как он так бесшумно подкрался? Нет, правда, как? Бесшумно передвигаться в условиях, когда весь лес покрыт опавшими листьями невозможно.

— Бал, — повторил первый эльф. И неожиданно обратился ко мне с вопросом: — Прекрасная незнакомка, а вы не подарите мне танец?

Я уже было собиралась ответить, что в принципе согласна, после того как он мне еще расскажет о бале, но тут эльф номер два насмешливо произнес:

— Ваше высочество, а вам не говорили, что заводить знакомства с прекрасными незнакомками, в условиях наличия официальной невесты, несколько... неэтично?

И первый эльф вспыхнул:

— Да что вы себе позволяете?!

Тихий смех и издевательское:

— Всего лишь вопрос, ваше высочество.

И взгляд. Пристальный, четко отслеживающий малейшее изменение в мимике, словно впитывающий реакцию «первого» эльфа.

В общем, я себя прямо в Некросе и почувствовала. И все волшебство этого леса растворилось, словно его и не было.

— Я, пожалуй, пойду, — виновато улыбнулась «первому» эльфу.

— Постараюсь догнать, — мрачно глядя на «второго», пообещал он.

— Кстати, — «второй» эльф, оттолкнувшись от дерева подошел к нам... точнее даже ко мне, указал на одну из самых стройных башен замкового комплекса и произнес: — По легенде, проклятие было произнесено именно там.

— Проклятие? — удивилась я.

— Да, — эльф с улыбкой глянул на меня, — проклятие, уничтожившее всю жизнь на данной территории, сделавшее этот лес Мертвым и погруженным в вечную зиму.

Все, на этом с решимостью уйти прямо сейчас и немедленно было покончено.

— Так это все, — я обвела окружающее руками, — действие проклятия.

— Именно так, — эльф номер два продолжал смотреть на меня, — и то, что сейчас вы видите — закат, недолгая осень, после которой наступила вечная зима.

Эльф номер один хмыкнул, и, обращаясь ко мне, сказал:

— Это лишь легенда, на самом деле территории были подвержены заклинанию одного из последних магов Смерти.

— Да? — я едва ли не пришла в ужас.

— Нет, — спокойно произнес эльф номер два. — Этим проклятием был убит один из последних магов Смерти.

— Какая... противоречивая информация, — заметила я.

Второй эльф тихо рассмеялся и заметил:

— Истину собирают по крупицам, и только ложь льется потоком.

Мне в этом выражении послышался намек. Явный намек на что-то... Сжав ладони Гобби, я кивком указала ему на замок, мой эльф кивнул поддержав предложение.

— И мы вас оставим, — сообщила я обоим эльфам. — Трупов.

С помощью Гобби я, придерживая платье, спустилась с пригорка, затем мы, петляя между деревьями, вышли на дорожку, и вот там... да, мы остановились. Не потому, что не знали куда идти, дорожка виднелась впереди, а исключительно по той причине, что позади послышались голоса.

— Кто вы?! — потребовал ответа эльф номер один.

— Ваше высочество, какой смысл задавать вопрос, если мы с вами оба прекрасно понимаем — ответа на него вы не услышите.

— Дело в том, — усмехнулся эльф номер один, — что если вам известно кто я, вы так же понимаете, что я в состоянии настоять на своем.

— Угрожаете? — в голосе эльфа номер два слышалась не прикрытая даже налетом вежливости насмешка.

— Предупреждаю, — холодно ответил эльф номер один.

«Сейчас подернутся!» — поняла я.

Дальше действия произошли в отрыве от осознанности — я подхватила палку, со всех сил швырнула ее так, чтобы пролетая через ветви кустов и деревьев, она произвела максимальное количество шума, и заорала:

— Птица! Она нападааааа...

Умолкла заметив потрясенный взгляд Гобби. Пожала плечами, и прошептала ему:

— Так передерутся же сейчас, не можем же мы их так оставить.

Умертвие был со мной явно не согласен, но тоже подхватил палку, и ка-а-ак зашвырнет — второе дальше моей летела, а шуму было...

— Ыы, — сказал мне Гобби.

— Орать, да? — догадалась я. — Сейчас.

И во весь голос:

— Птииииииица!

Где-то на пригорке послышался шум устремившихся меня спасти эльфов. Но едва я повернулась, как поняла — не эльфов, а эльфа, причем первого, потому что второй стоял прямо позади нас, сложив руки на груди и мрачно изучая меня взглядом.

— И к чему были эти вопли? — холодно спросил он.

Так стыдно стало.

И не знаю, чтобы я делала дальше, но тут второй эльф резко посмотрел поверх меня, я повернувшись, проследила за его взглядом и увидела... птицу. Огромную мертвую птицу, которая тяжело летела над тропинкой, кого-то разыскивая. Летела, к слову, бесшумно, а у Гобби в руке очередная палка, но это уже не имело значения.

— Я же говорю — птица, — шепотом сообщила второму эльфу.

— Я вижу, — спокойно согласился он, — как и то, что первые две «птицы» в полете наломали ветвей.

Гобби как можно незаметнее отшвырнул корягу. Я сделала вид, что вообще не понимаю, о чем речь. Жуткая птица тяжело опустилась на тропинку, и начала принюхиваться, прямо как охотничий пес. Первый эльф, наконец, добежал до нас. Точнее дошел — еще на подбеге эльф номер два подал ему знак, и потому первый остановился и уже почти бесшумно передвигаясь, подошел к нам. Теперь на птицу смотрели мы все.

А вокруг, с тихим шуршанием падали, почти как снег, яркие красновато-золотые листья, и тишина такая, и...

Птица подняла голову, глядя прямо на меня, и вдруг зарычала. Совсем не как птица. Гобби нагнулся и молча взял корягу, готовясь к бою.

— Мне тоже, дай одну, — попросила я.

Зомби нагнулся, пошарил в ворохе листьев, нашел, выпрямился, протянул мне палку. Нервно взяла ее, сжала.

— Девушка, — раздался удивленный голос эльфа номер один, — вы с вашим другом точно некроманты?

Мы с Гобби переглянулись, а затем я задала не менее удивленный вопрос:

— А почему вы спрашиваете?

Сдвигая челку с лица, эльф произнес:

— Ни один некромант не пойдет с палкой против нежити.

Гобби невозмутимо пожал плечами, и пошел на птицу. Та зарычала громче, Гобби подумал и побежал. Мне кажется, или это ему сегодняшняя тренировка уверенности в себе придала? Лупил же он отступника конечностью, одолженной у демона...

Вот и птицу начал лупить с разбега! Первый удар пришелся прямо по оскаленному клюву, второй был ногой под крыло, третий палкой по клюву, четвертый ногой под хвост. Птица взвыла!

— Эмम्म... — только и протянул эльф номер один.

— Неплохо, — спокойно заметил эльф номер два, — прогресс налицо.

А умертвие продолжало выть, прикрывая крыльями одно место, и пытаясь одновременно, цапнуть Гобби за ногу. Но у зомби была палка — удар, затем контрольный удар, и монстр затих, раскинувшись на тропинке.

Эльф номер два хмыкнув, направился к Гобби, подошел, одобрительно потрепал его по светлым волосам, присел на корточки перед поверженной птицей, простер руку... Когда его пальцы засияли зеленоватым светом, умертвие дрогнуло, морок пошел рябью, и показались длинные крючковатые лапы, полусгнивший хвост, огромная пасть...

— Измененная нежить, — потрясенно проговорил стоящий рядом со мной эльф номер один.

И устремился к тропинке, заслонив мне весь обзор. Ни оставалось ничего иного, кроме как поспешить следом. К тому моменту как я подбежала, второй эльф полностью закончил с мороком, и теперь дрогнул даже Гобби, узрев против кого пошел с палкой!

— Не важно, что у него два метра в холке, победил же ты, — уверенно сказала я своему зомби.

Умертвие взглянул на меня с благодарностью, кивнул отшвырнул палку и вообще подошел ко мне и взял за руку.

А от замка, по тропинке к нам уже бежали эльфы. Штук двенадцать, все высокие, с острыми ушами и в национальной эльфийской одежде светлых тонов. В общем, не прошло и нескольких минут, как нам тут стало совершенно нечего делать — все осматривали нежить, замеряли что-то, переговаривались, строили предположения по проникновению в закрытую зону и обсуждали, кто вообще мог протащить это на Бал.

Ничего удивительного, что потоптавшись немного, мы с Гобби решили идти на бал, и не мешать эльфам играть в некромантов. Нет, умом я понимала, что все это некроманты, просто... эльфы с серьезным видом обсуждающие консистенцию слизи на пасти зомби, это как-то не очень со стороны выглядело.

Так что мы ушли. Держась за руки, спустились с холма, обнаружили тощего эльфа с косичкой, скрывающегося за деревом, в надежде, что мы его не увидим, и глянувшего на нас так, что... Что я лишь к концу тропинки, вспомнила, что я уже где-то видела вот такой злобный обещающий неприятности взгляд. Остановилась, задумчиво оглянулась — тощего эльфа с косичкой уже не было видно.

— Напомни мне ночью подумать о взгляде из-за дерева, — попросила я Гобби.

— Ыы? — удивился он.

— Что-то не так, — я снова пошла вперед, увлекая умертвие за собой, — с этим взглядом что-то не так... Я его уже видела, нужно просто вспомнить где.

Гобби задумчиво кивнул.

И мы оба, разом, посмотрели на замок.

И было на что посмотреть — над замком, летали, танцуя, тринадцать призрачных огромных зеленых скелетов. Причем, не просто танцуя — скелеты то водили хоровод, то расположив руки на плечах друг у друга, выбрасывали вперед ноги, то двигались впрыскадку, то...

Остановились, вытянулись в линию, повернувшись ко всем спиной, и в такт, подергивая поясницей, начали устраивать нечто невообразимое, но мало приличное. Настолько мало приличное, что я, смутившись, опустила взгляд, и увидела двух эльфов, угорающих со смеху за кустами, в то время как из замка выбежало еще шестеро разъяренных, и начали озираться в поисках того, кто это сделал.

И тут Гобби, мой Гобби, ухватив меня за ладонь покрепче, потащил в кусты к этим самым эльфам-потешникам. Бегом потащил, так

что когда мы добежали, шурша опавшими листьями, я едва не свалилась — благодарение Тьме поддржал один из эльфов, более

низенький, он же и спросил:

— Вы чего, а?

— Ух, — только и сказала я, пытаюсь восстановить дыхание.

— Ы! — поприветствовал их Гобби, указывая на чертей, которые теперь менуют выплясывали.

— Ааа, — догадался второй эльф-потешник, — ты, — он указал на меня, — наверное, ведьма, вот и отследила от кого поток поддерживающий иллюзию идет.

— Нет, я не ведьма, — выпрямляясь, ответила эльфу.

Эти двое переглянулись. И тут Гобби, указав на скелетов, торопливо начал объяснять что-то жестами. Лично я ничего не поняла. Но оба эльфа заинтересованно следили за объяснениями Гобби, а в итоге...

В итоге музыка заиграла громче, и шестеро скелетов разом ринулись вниз, к шести разъяренным эльфам-преподавателям, которые искали шутников, а в итоге... В итоге оказались подхвачены скелетами, утащены в небо над замком и вовлечены в самый настоящий

Вальс смерти, где вели в танце отнюдь не они, а их! И взбешенные данным фактом эльфы, попытались вырваться, но... вот за что некроманты не любят скелетов, так это за цепкость, вот и эти вцепились, и вели, грациозно выплясывая.

И эльфы и Гобби загоготали, один их эльфов так вообще на листья грохнулся, а бал над замком набирал обороты, и вальс тановился все быстрее, а скелеты кружились все стремительнее. Честно — мне стало жаль тех эльфов, которых сейчас так утанцовывали, но вообще выглядело очень даже забавно. И я не сразу поняла, что музыка раздававшаяся над замком, это мелодия, играющая внутри, просто усиленная. Поняла, едва песня сменилась, и заиграло нечто совершенно волшебное, заставившее вспомнить о том, как же сильно я хотела попасть на бал...

Собиралась было позвать Гобби, но обернувшись, узрела разработку новой пакости в разгаре — эльфы очень даже отлично понимали язык жестов, мое умертвие ловил момент, приглашенные на празднество еще не знали, что их всех ждет. Мне же стало ясно, что на бал я пойду одна.

В этот момент музыка заиграла громче, запел глубокий мужской голос, и я сама не заметила, как касаясь ветвей и листьев кустарников кончиками пальцев, с тихим шуршанием упавших листьев под ногами, под беззвучный из-за громкий мелодии шелест золотого дождя, медленно двинулась ко входу в замок.

И я шла по дороге, усеянной желтыми листьями, как зачарованная приближаясь к огромным резным воротам, громадным, с сотней фигурок и картин, покрытых потемневшей от времени позолотой. И едва подойдя, я осторожно прикоснулась пальцами к виртуозно вырезанному дереву, на котором даже листочки были тщательно изображены... Пальцы медленно заскользили по изразцам, а в голове зашумело!

Это был артефакт!

И вырезал фигурки и деревья здесь не мастер-резчик, а артефактор! Именно артефактор...

— Эти двери выполняла на заказ гильдия магов, — послышался голос надо мной, и пальцы накрыла мужская рука. — Не стоит прикасаться, ныне входных ворот не существует, их уничтожили при нападении, но мы в прошлом, кто знает, как отреагирует защита...

— Артефакт, — поправила я, — как отреагирует артефакт.

И развернулась к своему собеседнику, попутно и отнимая у него свою ладонь. Собеседником оказался эльф номер два — высоченный, с глазами сине-дымчатого цвета, и странной, полунасмешливой улыбкой.

— Уже разобрались с измененной нежитью? — поинтересовалась я.

— Уже потеряли спутника? — в свою очередь спросил он.

Отвечать на риторические вопросы не желали мы оба.

— Так значит, дверь выполняли человеческие маги? — вернулась я к теме распахнутых ворот.

— И, похоже, даже артефакторы, — улыбнулся эльф. — Вы ведь определили в данном произведении именно артефакт?

— Доверяете моему мнению? — удивилась я.

— Почему бы и нет, — его глаза продолжали внимательно изучать меня. Иногда полезно довериться мнению совершенно незнакомых... — улыбка стала чуть шире, — эльфиек.

Улыбнувшись в ответ, я заметила:

— Забавно видеть столь доверчивых... эльфов.

— Забавно ощущать себя доверчивым. Не обычно, но вполне... мм... увлекательно, — и эльф галантно подал мне руку. — Вы позволите сопроводить вас?

Я отошла на шаг, поискала взглядом Гобби — моего умертвия в золотом медленно осыпающемся парке не было, зато скелеты в небе начали устраивать цирковые представления, то есть прыгали через огненные кольца, ходили на руках, устраивали скачки друг на друге и пародировали размещенных на крыше тех самых эльфов, которых недавно утанцовывали... И я поняла, что Гобби сейчас и без меня весело.

— Да-да, остался только я, — сообщил очевидное эльф.

Пожав плечами, протянула ему руку, которую тут же разместили на локте, после чего мой собеседник, повел меня в замок.

Я задохнулась от восторга, едва войдя!

Потому что сквозь зеленые расписные витражи, в первый зал лился искрящийся серебристый свет, и это означало...

— Да, второй уровень защиты замка, на этот раз работа эльфов, — сообщил мой кавалер.

В бальном зале вновь запел все тот же мужской голос, и задрожал, заискрился серебристый свет, рассыпались искры по каменным стенам, отполированному до блеска золотому полу с черными витиеватыми рунами, огромным в пол стены старинным часам, осветив темное лакированное дерево, по стягам эльфийских родов, украшающим вторую стену...

— А вот это уже любопытно, — задумчиво заметил эльф.

Я, восторженно озираясь, прошептала:

— Что именно?

И получила неожиданное:

— Защита замка реагирует на вас.

Вздрогнув, удивленно посмотрела на своего собеседника, но затем... Взмах руки, и серебристая пыль, словно поземкой, придвинулась ко мне. Вскинув руку, я позволила свету упасть на пальцы, и серебристое сияние окутало ладонь, освещая всю ее мерцающим светом... И в то же мгновение, мужчина сжал мою руку и сияние угасло.

— Вы странный, — не скрыв разочарованного вздоха, произнесла я.

— А вы излишне неосторожны, — достаточно резко произнес он. — Еще раз — это прошлое, магия замка усмирена, но ничуть не уничтожена. Не стоит пробуждать то, что не способны контролировать!

Даже не знаю, почему я психанула и заметила:

— Что ж, вы излишне доверчивы, я излишне безрассудна!

И у эльфа мгновенно яростно сузились глаза.

Опустив мою руку, он глухо произнес:

— Один-один.

После чего повернулся и повел меня в бальный зал. Мне же вовсе не хотелось куда-либо идти с этим человеком, который вот точно не эльф.

Но едва мы вошли в затемненное, освещенное лишь факелами и тысячей зеленоватых огоньков помещение, как мелодия опьянила, вытесняя все грустные мысли, оставляя лишь магию бала, покров неизвестности и желание впервые потанцевать. Впервые, за всю мою жизнь, оказаться в центре праздника, а не сидящей на подоконнике и с тоской глядящей на чужое веселье.

— Я просто испугался за вас, — неожиданно произнес мой спутник. — Прошу прощения, если был излишне резок.

Улыбнувшись, и продолжая разглядывать укутанный полумраком огромный зал, танцующие пары, волшебный декор этого удивительного места, я тихо ответила:

— Вероятно, у вас сложный характер.

— Не буду спорить, — отозвался он. — Вы позволите?

И его рука легла на мою талию, в то время как вторая обхватила левую ладонь.

— Конечно, — улыбнулась смущенно.

И подумала, что очень хотела бы свой первый бал провести с Риком. Его руки были гораздо нежнее, не столь сильными, как у моего нынешнего спутника, и с ним можно было говорить обо всем и смеяться по поводу и без... Но усилием воли я отбросила эти мысли, кивнула эльфу и расположила ладонь на его плече. Мужчина был высок, весьма высок и я почувствовала себя совсем маленькой и хрупкой в его объятиях, хрупкой и невесомой, почти как в детстве, когда дядя Тадор учил меня танцам. Которые всегда заканчивались одинаково — дядя подкидывал вверх, кружил, и в итоге мы начинали играть в догонялки по залу, вместо того, чтобы заниматься необходимым для леди образовательным минимумом. Так что я не леди, если откровенно,

я даже ни на одном музыкальном инструменте играть не умею, не говоря о пении и вышивании. И еще один маленький нюанс я знала всего несколько первых па данного танца...

И потому осторожно поинтересовалась:

— А вы хорошо танцуете?

Мой спутник загадочно улыбнулся, и произнес:

— Доверьтесь мне.

Лукаво взглянув на него, я вдохнула поглубже и кивнула, решив отдаться безумию этого бала, и забыть хоть ненадолго, что завтра вновь тренировка, а совсем скоро Королевские Мертвые игры, и...

— Выдохните, иначе голова закружится, — мягко посоветовал мой партнер.

И закружил в танце.

Именно закружил, поддерживая, придерживая, ведя и направляя, удерживая практически на весу, в моменты, когда я сбивалась с ритма, и, не замечая, как ужасно, словно деревянная, я двигаюсь, и не обращая внимания на то, сколько раз я наступила ему на ноги.

Но едва мы миновали весь бальный зал, эльф остановился, и, продолжая обнимать меня за талию, решительно подвел к столу с напитками. А затем, виртуозно открыв бутылку с игристым вином, наполнил для меня бокал доверху, и протянул со словами:

— Вам стоит расслабиться. Правда. Вы превосходно двигаетесь, нужно лишь отвлечься от собственных переживаний, так как сейчас после каждой незначительной ошибки, вы каменеете, сжимаетесь и... Вам никто никогда не говорил, что женщины созданы для того, чтобы

совершать ошибки?

— Нет, — улыбнулась я, и взяв протягиваемый бокал, сделала маленький глоток.

— Теперь знаете, — мой спутник налил и себе. — Женщины обязаны совершать ошибки, чтобы мужчины, расхлебывая их последствия, становились сильнее.

— Занятная теория, — еще глоток.

— Скорее истина, — он соприкоснул наши бокалы, и, несмотря на музыку, легкий звон я расслышала. — За вас, прекрасная незнакомка. До дна.

До дна пить, вероятно не следовало, но глядя на то, как все танцующие, поделившись на четыре колонны синхронно совершают каждое движение, я с завистью вздохнула и да — выпила все до дна. Танец который сейчас танцевали, назывался синор, он состоял из плавных, грациозных движений, и партнеры соприкасались лишь кончиками пальцев, но как же красиво и романтично все это выглядело. Вот девушки, отступают и приседают в реверансе, мужчины, заложив левую руку за спину, и не отпуская пальчиков партнерш, чуть склоняют головы, и после опускаются на одно колено, позволяя партнершам обойти их по кругу... Название танца я знала, как танцевать — нет. Точнее в теории что-то про отсчет тактов помнила, но что именно, и последовательность всех па...

— Пять, семь, двенадцать, — словно прочитав мои мысли, произнес эльф. — Ничего сложного. Идемте?

Отрицательно покачав головой, вернула ему бокал и произнесла:

— Не этот танец.

Забрав у меня бокал, мой партнер чуть склонил голову набок и спросил:

— Чего вы опасаетесь? Совершить неверное движение? Опозориться? Выглядеть не лучшим образом? Это смешно. Вы под личиной, моя прекрасная незнакомка. Вас здесь не знает и не узнает никто. И в подобных условиях, поверьте, стеснение совершенно излишне. Ну же?!

И мне протянули руку.

Сказанное мужчиной, по идее, имело смысл, вот только...

— Я не умею танцевать синор, — устало призналась я. — А портить общую картину танцующих не хочу, правда.

Укоризненный взгляд, и схватив меня за руку, мой спутник увлек меня к ближайшей двери, за которой оказался... бальный зал. Совершенно пустой, увешанный зеркалами, темный и не освещенный зал. Но движение руки эльфа и повсюду — по рамам зеркал, стенам, потолку, гардинам и полу, словно рассыпалось звездное небо из мириадом ярких пылающих искорок.

И пройдя в центр зала, высокий светловолосый эльф остановился, протянул мне ладонь и сказал:

— Иди ко мне.

Тьма! Я взяла и подошла, вероятно только потому, что во всех зеркалах отражалась вовсе не я, а хрупкая, затянутая в зеленое платье зеленоглазая эльфийка со светлой, почти прозрачной кожей. Удивительно красивая, тоненькая, какая-то неземная... Просто обычно эльфийки все же повыше, и плечи пошире, эта же выглядела удивительно миниатюрной. Особенно в сравнении с высоким

широкоплечим эльфом, который нежно сжал пальцами мою ладонь. От чего-то закружилась голова. Точнее и от вина, и от нереальности происходящего...

И от этого контраста между нами, и вообще от ситуации...

— На пять — реверанс, на семь — поднимаешься, на двенадцать круговое движение. Ничего сложного, просто слушай мелодию и плыви по ее волнам, — улыбнулся мой партнер.

И к моему искреннему изумлению, в этом зале заиграли первые аккорды синора — тихая, медленная мелодия клавесина. Прикусив губу, я нерешительно взглянула на эльфа, серьезно и без тени насмешки наблюдающего за мной, затаила дыхание и начала отсчитывать.

Рас, два, три, четыре, пять — медленный, плавный реверанс, а мужчина крепко держит меня за руку.

Шесть, семь, — столь же медленно поднимаюсь.

Восемь, девять, — он грациозно склоняется передо мной.

Десять, одиннадцать, двенадцать — мой партнер опускается на одно колено, и я иду по кругу, обходя его и завершив круг, вновь начинаю отсчитывать...

Раз, два, три...

В какой-то момент времени счет тактов перестает быть актуальным, и я вижу во всех зеркалах танцующую пару эльфов, для которых среди мириад свержающих звезд существуют лишь они и мелодия синора, лишь дыхание и соприкосновение рук, которое не разрывается весь танец...

И когда танец завершился, я стояла совершенно счастливая напротив эльфа, и не могла сдержать благодарной улыбки.

— Вы превосходно танцуете, — он склонился и прикоснулся к моим задрожавшим пальцам губами.

— Это вы превосходный учитель, — искренне выдохнула я.

Мужчина тяжело вздохнул, как-то невесело усмехнулся и спросил:

— Как на счет эльсиэна?

Я улыбнулась, и повернулась к нему спиной, глядя в зеркало на то, как эльф делает шаг, приблизившись ко мне вплотную, и пальцы его левой руки переплетаются с моими. Теперь он держал обе мои ладони, потому что одной рукой, я практически обнимала себя за талию, вторая была поднята вверх, и собственно на этом мои познания об этом традиционном бальном танце заканчивались.

— На счет четыре — шаг вперед, — прошептал мужчина, склонившись к моему уху и шевеля дыханием волосы у виска, — на восемь шаг назад, десять — поворот, а после просто довериться мне.

Эльфийка в зеркале улыбнулась, ее глаза сверкали счастьем и предвкушением, а еще она, то есть я, вовсе не хотела ни о чем думать. Вот совсем ни о чем, мне хотелось просто наслаждаться заигравшей мелодией, ее плавными переливами, и ощущением того, что это ведь не совсем я...

— Четыре, — отвлек меня от размышлений голос мужчины.

Я шагнула вперед, и он вместе со мной, заставляя ощутить и тепло его тела, и твердость мышц.

Пять, шесть, семь, восемь — отступаю назад, увлекаемая партнером.

Девять, десять — он разворачивает меня, и отпустив ладонь, сжимает талию, вовлекая в новый поворот, и еще один, и снова...

В какой момент у меня окончательно закружилась голова, и я полностью перестала ассоциировать себя с прекрасной эльфийкой в отражении, даже не знаю, но пришла в себя,

лишь вновь ощутив жар мужского тела за спиной и услышав его тяжелое дыхание.

Только тогда осознала, что танец уже завершился... а жаль.

— Еще? — хрипло спросил эльф, пристально глядя в отражении в мои глаза.

А я поняла, что готова танцевать с ним до самого рассвета, не останавливаясь ни на миг, не размыкая рук, не...

— Нет, боюсь, мне уже пора, — прошептала едва слышно.

И слышала крики!

Более того, из соседнего зала послышался отчаянный женский визг! После звон разбитой посуды, и снова крики. Эльф нахмурился, отпустил меня и коротко приказав «Оставайтесь здесь», стремительно вышел. Я же, ничуть не усомнившись в правильности своих действий, поторопилась следом и...

И пожалела об этом, едва открыла дверь!

Потому что в бальном зале танцевали джигу скелеты! Причем никакие не иллюзии, ибо вонь стояла убийственная и с ног сбивающая, от чего у всех эльфиек лица приобрели зеленый цвет, а у эльфов стремительно побледнели. И посреди этого хаоса, семеро скелетов радостно вальсировали семерых вопящих и пытающихся вырваться эльфиек! Последних несколько эльфов активно

стремились спасти, но каждый раз гогочущие и скачущие в танце скелеты, преграждали им путь, а то и вовсе лезли целоваться, что было совершенно несвойственно для нежити, и соответственно полностью обескураживало некромантов! А еще парочка скелетов, активно пыталась напиться, для чего заливала себе в глотки вино, которое благополучно текло по костям, и стекало на пол, образуя лужи!

И посреди этой какофонии криков, визгов, заклинаний и льющегося вина, как гром небесный прозвучал голос моего недавнего партнера по танцу:

— Кто поднял склеп?!

И порази меня Тьма, но я вдруг подумала «Гобби»!

Один из скелетов вдруг взял, повернулся спиной к эльфу, нагнулся и покрутил тазобедренными костями...

Совершенно напрасно — взмах руки и все, абсолютно все скелеты разом осыпались на пол грудой костей. Даже те, кто просто переводил вино. И в следующее мгновение в бальном зале царили абсолютная тишина, зеленые лица, убийственная вонь и груди подергивающихся костей...

— Меня сейчас стошнит, — прошептала одна из эльфиек.

— Прекратить, некромантки должны быть привычны к подобным ароматам, — отрезал один из суровых эльфов, ворвавшихся только сейчас в зал.

— Я не некромантка! — взвыла эльфийка. — Я со стихийного факультета! Меня просто на бал пригласили! Я...

— А я вообще даже не магичка! — зарыдала другая.

Я вообще ничего говорить не стала, просто метнулась к выходу, спровоцировав целую лавину таких же, желающих немедленно покинуть помещение. Вот только выбежав из замка, я не стала мчаться к кустам, как остальные эльфийки, и в массовый обморок, на руки эльфов тоже не ударилась, нет, остановившись, я принялась разглядывать окрестности. И дождалась — из-за стены высунулась эльфийская длань, и поманила меня. Раздраженно топнув ногой, я подобрала юбки и бросилась к Гобби, намереваясь устроить распоясавшейся нежити самый настоящий скандал!

Но помчавшись за стену, совершенно не заметила идущего навстречу эльфа, едва не врезалась в него, с трудом удержалась, и пробормотав 'Извините', уже хотела было продолжить путь, как мужчина схватил меня за руки, притянул к себе и потрясенно выдохнул:

— Риа?!

Я перестала дышать, изумленно глядя на эльфа с необычно синеватым отливом светлых волос, в его глаза, чей взгляд показался смутно знакомым, на лицо, с тонкими, аристократическими чертами, и...

— Риа, — он улыбнулся, уже не спрашивая, скорее утверждая, — а я боялся, что не смогу тебя найти.

И не веря собственному предположению, я ошеломленно выдохнула:

— Рик?!

В глазах эльфа отразилось что-то странное, какое-то сомнение, но лишь на миг, а затем он кивнул, и широко улыбнулся, как-то чуть виновато глядя мне в глаза.

— Рик! — я поверить не могла. — Рик, это правда ты?!

Он кивнул, а затем протянул руку, заправил мне выбившуюся прядь за ухо, совсем как это делал Рик, и я поверила. Нет, сомнения оставались, ведь перед моими глазами стоял эльф, но так захотелось верить в лучшее!

— Ты... давно здесь? — глухо спросил он, прикасаясь ладонью к моей щеке.

Выглядел он как-то виновато. И даже синий отлив золотых волос казался грустным.

— Не очень, — постаралась улыбнуться. — А ты как? Где? Как новое место учебы?

— Все... хорошо, — он убрал руку, и вновь сжал мою ладонь. — Как парни? Дан, Эдвин?

— Все хорошо, — вот теперь моя улыбка была искренней.

— Как... Норт? — прозвучал следующий вопрос.

И улыбаться я перестала.

Затем огляделась, в поисках Гобби, и увидела невероятную картину — скелеты, держа руки на плечах впередиидущих, танцуя продвигались куда-то за замок, подгоняемые злыми эльфами. Причем нежить радостно и синхронно двигала ногами, скача то на правой, то на левой, в такт приседала, и вообще продолжала веселье. Причем когда вся колонна вышла из замка, оказалось, что в свои ряды скелеты затесали одну подвывающую эльфийку, которую тут же, спасли злые эльфы, а скелеты, ничуть не расстроившись, продолжили идти вприсядку, да еще и напевая что-то неслышное, но очень веселое.

— Риа, — тихо позвал Рик.

Я повернулась к нему, улыбнулась и сказала:

— Все хорошо. Видишь, я даже на бал попала. И потанцевать тоже удалось. А куда скелеты направляются?

Парень повернулся, чтобы проследить направление.

И в этот момент меня похитили!

Нагло очень, перекинув через плечо и бросившись наутек совершенно бесшумно. Но Рик все равно заметил, обернулся и с изумлением посмотрел на это дело.

— Все хорошо! — крикнула я Рику, узнав камзол Гобби. — Я сейчас вернусь!

С обещанием, как выяснилось, поторопилась и сильно. Потому как едва мой зомби принес меня за стену, и поставил на ноги, я узрела две посеревшие рожицы эльфов, которые, нервно усмехнувшись, сказали:

— Привет.

— Трупов, — напряженно ответила я.

Эльфы переглянулись, затем посмотрели на Гобби, стоящего рядом, снова на меня, и тот что пониже, тяжело вздохнув, нехотя произнес:

— В общем мы тут немного разошлись и это...

Где-то в желтом осыпающемся лесу вдруг раздался вой. Громкий, протяжный... голодный.

— И это, — вступил в разговор второй эльф, — нам сейчас либо экстренно вызывать ректора Некроса, а там мужик такой что бррр, врагу не пожелаешь.

— Это точно, — угрюмо подтвердил более низенький.

— А твой немой, — высокий эльф указал на Гобби, — промычал, что ты помочь сможешь.

В лесу вновь раздался вой.

Очень медленно я повернулась к Гобби. Умертвие, виновато улыбнувшись, развел руками — мол он вообще не виноват и оно так само получилось.

— Ггг... Гарри, — прошипела я.

Улыбнулся шире.

Слов нет, одни восклицания.

— Гарри, — я с трудом сдержала упоминание о Тьме, — а вы кого подняли, помимо скелетов со склепа?!

Гобби скромно потупился, и ковырнул носком листья. Ответил мне эльф, что повыше:

— Мы скелетов вообще не поднимали, это бы ммм... побочный эффект.

— Ага, — подтвердил второй эльф. — Просто эти как из склепов выбрались, увидели иллюзию танцующих скелетов, и решили тоже повеселиться немного...

Ну и... эльфы.

— Тьма, — да, начинаю ругаться, — а подняли вы кого?

Эльфы переглянулись и... тоже начали ковырять носками листья, с самым невинным видом.

А над лесом прогремело рев! Натуральный драконий рев! Разве что драконы определенно являлись нежитью, так как в конце рыка отчетливо слышалось подвывание.

— Мы одного поднять хотели, — виновато признался эльф, что пониже, — чтобы полетать над замком, но...

— Второй сам как-то поднялся, и не упокоился, — высокий эльф почему-то смотрел на меня с надеждой.

Я на него с откровенным ужасом!

С более чем откровенным ужасом! Я просто понять не могла — поднимали одного дракона, а поднялся другой и весь склеп заодно! Что это за некромантия такая?! Нет, я не все знаю про данное направление магии, но я впервые слышу, чтобы воздействовали на одно, а поднялось вообще другое! Я...

— Ддракон где? — обреченно спросила у этих трех... эльфов!

— Ээ, — они переглянулись и высокий сообщил, — один ушел в лес, второй там в склепе скелеты ковыряет, а третий...

— Еще и третий?! — взвизгнула я.

— Ну да, — эльфы мне мило так заулыбались, — у сынов Вечных лесов склепы традиционно три дракона охраняют же, ты что, не знала?

— Ты вообще с некроманского факультета? — заинтересовался второй. — Просто особенности погребений у разных народов, изучают же с первого курса. Или ты училась плохо?

— Ага, на одних неуды, — прошипела злая я. — А вы, наверное, просто отличники?

— Ага, — разом заулыбались оба. — В тройке лидеров всего факультета.

— Ну так идите, и разбирайтесь с драконами сами! — психанула я окончательно.

Парни умолкли, насупились, и оба посмотрели на Гобби. Умертвие дернул меня за рукав, а едва я на него взглянула, соорудил такую жалобную рожицу, что я, тяжело вздохнув, сказала:

— Веди в склеп.

Эльфы, оба в темно-голубых сюртуках, переглянулись и высокий протянул:

— Так... драконы в лесу...

Но Гобби взял за руку и молча повел вдоль стены. Только я вспомнила:

— Там же Рик!

Зомби остановился, с сомнением посмотрел на меня, потом куда-то за меня. Обернувшись, я увидела, что эльф с синим отливом золотых волос, то тесть Рик, стоит в десяти шагах, и мрачно переводит взгляд с меня на эльфов.

Отпустив Гобби, я, подхватив юбки подбежала к нему, шурша листьями под ногами, не удержавшись обняла, а после, схватив за руку, потащила за собой, приказав нежити:

— Веди.

Рик последовал за мной как-то нехотя, а едва я споткнулась, подхватил на руки и спросил:

— Рррри... эм... Рррита, а куда мы идем?

Оба следовавших за нами эльфа с некоторым недоумением поинтересовались:

— Слушайте, ребята, а у вас тут у всех имена такие? — это более низкий.

— Забавно звучит Ггггари, Рррита, — подтвердил высокий.

Рик не ответил, а я лежала у него на руках, обвив шею, беззаботно болтая ногами, и не могла оторвать взгляда. Рик здесь, Рик нашел меня, Рик со мной... Счастье определенно есть! И пользуясь тем, что не дождавшиеся эльфы обогнали нас и теперь шли рядом с Гобби, прошептала:

— Я скучала...

Улыбнулся, как-то грустно, словно с затаенной грустью, и сказал:

— Я тоже.

Прижалась щекой к его груди, зажмурилась и едва слышно призналась:

— Думала мы никогда больше не встретимся, старалась даже не думать о тебе.

— Получилось? — вопрос прозвучал напряженно.

Распахнув ресницы с удивлением посмотрела на эльфы, такого утонченного, с темно-синими глазами, заостренными прижатыми к голове ушами и нечеловеческим строением лица, и прямо спросила:

— Тяжело меня нести? Так отпусти я сама пойду.

Но вместо ответа, Рик лишь прижал к себе сильнее, и вдруг остановившись, прямо посмотрел на меня и спросил:

— Так что с Нортон?!

И я сама не поняла, почему в глазах заблестели слезы. Молча уткнулась вновь в его плечо, с трудом сдержала всхлип, и даже понимая, как все это странно выглядит —

промолчала. Но затем, вспомнив об отношении Рика с Дастелом, едва слышно прошептала:

— Норт мой друг. И Норт, и Дан и Эдвин. Но я отчетливо понимаю, что все это только до Мертвых игр, максимум до конца года, потом они уйдут из моей жизни, а я не буду привязываться. Не буду. Хватает тоски по тебе... Хватает не проходящей с годами тоски по дяде Тадору... Знаешь, мне проще вытерпеть любую физическую боль, чем... Ты сам терял близких, ты меня поймешь.

Вероятно, понял, потому что продолжил идти вслед за Гобби, крепко прижимая меня к себе. Крепко-крепко. Так, что я слышала, как стремительно и гулко бьется его сердце.

А потом слышала и едва слышное:

— Я думал, что безразличен тебе... — и тут же торопливое уточнение. — Что Норт безразличен тебе.

Закрыв глаза, я постаралась ни о чем не думать. Просто ни о чем. Вообще.

Но все равно ответила:

— Мертвая леди правильно сказала — нужно идти к цели и не оглядываться. Только цель имеет значение.

— Считаешь — это правильным? — глухо спросил Рик.

— Да, — я открыла глаза, взглянула на него и продолжила, — после смерти дяди Тадора у меня была одна цель — закончить артефакторский факультет, получить лицензию и свободу, снять домик на окраине и жить. Тогда было просто.

— Жалеешь, что оказалась в Некросе?

Подумав, я честно ответила:

— Нет, ведь у меня появились ты и Гобби, и Пауль, и Салли. Знаешь, она скучает по тебе. Очень скучает, не знаю, что с ней было бы, если бы не Пауль.

— И Норт, — напряженно напомнил Рик.

— При чем тут Норт? — удивилась я. — Нет, Дастел не с Салли, она в моей комнате с Паулем.

И тут мы пришли.

Склеп оказался очень старым, но ухоженным, огражденным высоким железным забором, а вход представлял собой каменную арку, на которой вверху была витиеватая эльфийская надпись, а по колоннам искусно вырезанные изразцы, изображавшие эльфов на охоте, эльфов магией взращивающих деревья, эльфов с детьми, эльфов верхом на красивых высоких длинногривых лошадях, эльфов на драконах...

— Как красиво, — прошептала я.

Рик поставил меня на ноги, а вот Гобби, начал что-то показывать жестами, после чего упал на землю, и пополз в листьях. И оба эльфа-отличника тоже рухнули наземь и поползли, и... И я поняла в чем дело, когда услышала голос эльфа номер два, того с кем я так потрясающе танцевала:

— Разложите нежить по склепам!

В общем, ничего удивительного, что я тоже приобщилась к сомнительному удовольствию ползания в опавших листьях, а удовольствие оказалось то еще — ползать в платье крайне неудобно. Рик же ползать не стал, более того — меня поднял, и увлек за собой, к кустам, где вполне можно было пройти незамеченными, правда, пригнувшись. И вот мы, согнувшись, осторожно крадемся за кустами, а Гобби и эльфы ползут по тропинке и тоже в обход основной части склепа, и тут над захоронением раздается гневное:

— Где драконы-хранители?!

Мы все застыли.

И тишина такая наступила, что отчетливо слышался шелест падающих листьев.

— А где драконы? — шепотом спросил Рик, обнимая меня.

— Эти, — я указала на застывших в листве эльфов, — которые отличники, как-то случайно их пробудили. Рука, обнимающая меня за талию, напряглась и так же напряженно Рик переспросил:

— Случайно?!

— Случайно, — со вздохом подтвердила я. — И склеп тоже случайно подняли.

— А они некроманты? — изумленно спросил Рик.

— Я же говорю — отличники, — улыбнулась ему.

В склепе опять слышались голоса, ругань, видимо скелеты укладываться обратно не хотели, а значит и эльфы были заняты, и потому я попыталась двинуться дальше, Гобби и эльфы уже бодренько ползли между могил, но парень удержал, и напряженно потребовал ответа:

— Риа, я не понял, а ты куда собралась?!

Ну и я вспомнила, что Рик не в курсе моих новых способностей, но рассказывать все времени не было, и потому я прошептала 'Потом', и все также пригибаясь, последовала дальше вдоль колючего кустарника.

Рик за мной! Гобби и эльфы старательно ползли в кустах и тут...

— Ползуны! — раздался злой голос эльфа номер два, того с которым я танцевала. — Меняем направления и ползем конкретно ко мне и прямо сейчас!

Я едва не вскрикнула, но Рик молниеносно накрыл мне рот рукой, и увлек за ближайшую могилу, так что когда над Гобби и его поделчиками засияло заклинание аркана, его сияние никому не выдало нашего место положения. И я, со стремительно ускоряющимся сердцебиением, в ужасе наблюдала, как над троицей показалось два эльфа, мне незнакомых, но кажется из тех, что танцевали с иллюзиями скелетов...

— И что вы тут делаете? — мрачно спросил один из них.

Ответом ему было сдавленное от более высокого эльфа-отличника:

— Ползем.

Пауза, заполненная недоумением.

— Куда ползете? — не понял эльф-преподаватель.

— Без определенного места назначения, — вступил в разговор второй отличник, — так просто... туда-сюда ползаем.

— Ыы, — подтвердил мой Гобби.

И как-то отличники его поняли, разом развернулись и поползли к выходу, попластунски, но очень бодро.

— Вы... — опешил преподаватель, — вы куда?!

— Ползем, — отозвался высокий отличник.

— Туда-сюда, — подтвердил менее высокий.

— Или законы бала ползать запрещают? — уточнил высокий.

— Эм... — застыл преподаватель.

— Вот-вот, — вставил второй отличник.

— Ыы, — добавил Гобби.

И все трое поползли к выходу с кладбища.

И может даже уползли бы, но тут раздалось насмешливое, и вместе с тем приказное:

— Ползуны.

Эльфы замерли.

На дорожку перед ними медленно вышел тот самый эльф номер два в черном костюме, усмехнулся, разглядывая любителей передвигаться по-пластунски, и почти ласково поинтересовался:

— И кому из вас в голову пришла столь неординарная идея как поднять склеп? Мм?

Я едва дышала, судорожно думая о том, что делать и как спасти Гобби и этих... отличников. А Рик тихо сказал:

— Успокойся, это бал, здесь все инкогнито и никого не узнают.

Я в этом была не особенно уверена — эльф номер два уже доказал, что некоторых способен узнавать сходу.

— Он вообще кто? — шепотом спросила у Рика.

Парень обнял меня крепче, и задумчиво ответил:

— Наверное из седьмого королевства.

Спросить что-либо еще я не успела, потому как совершенно неожиданно раздалось:

— И вы двое, будьте столь любезны выйти из-за могильной плиты!

Мы с Риком замерли. Моим первым желанием было сбежать, вторым — сбежать быстро, но Рик взял за руку и сказал:

— Успокойся.

После чего повел меня под строгие взгляды эльфов-преподавателей.

Когда шли, я зацепилась платьем за куст, не успела поправить и как итог часть юбки осталась там, на ветке. Такой зеленый лоскуток на фоне желтых листьев. А после, старательно обходя могилы, мы подошли к все еще лежащим на дорожке, заваленной ворохом опавших листьев Гобби и эльфам-отличникам, остановились, я — глядя себе под ноги и Рик — спокойно взирающий на эльфов.

Вообще очень забавно — одни эльфы кругом.

— Таак, — протянул эльф номер два, — а вы что тут делаете?

Рик приобнял меня за талию, и ответил:

— Гуляем.

Неловко отстранилась, чувствуя почему-то себя неудобно, под взглядом эльфа, с которым танцевала и...

В следующее мгновение случилось странное.

Я вдруг словно ощутила дыхание за спиной, резко развернулась и никого не увидела. Никого! Ну кроме Рика в виде эльфа, но дыхание принадлежало явно не ему. Не ему, кому-то иному, кто... был мертв!

— Девушка, — произнес один из эльфов преподавателей, с вами все в порядке?

Хотела было кивнуть, но уловила какое-то движение в кустах, развернулась в ту сторону и... Лоскутка ткани там больше не было!

— Ри... и... Рита? — позвал меня Рик.

Не ответила, нервно оглядываясь и пытаюсь понять, что здесь! Или кто здесь... Или...

— А где оторвавшийся лоскуток от платья? — напряженно задал вопрос эльф номер два.

Я взглянула на него, невольно улыбнулась, и потом посмотрела на Гобби. Мой зомби поворачивал головой, словно следил за кем-то, кто был нам не виден. И последний его взгляд был направлен на выход с древнего кладбища. Этот кто-то ушел.

В то же мгновение сверху на нас бесшумно обрушились три давно мертвых дракона!

То, что произошло в следующие несколько секунд я толком не увидела — меня швырнули на землю, и присутствующие эльфы-преподаватели ринулись в бой, оставивший после себя гарь, вонь, и осыпающиеся кости драконов. А кости у драконов вовсе скромностью размеров не отличаются, и потому послышались вскрики и ругательства эльфов-отличников, когда им досталось от незапланированной лавины, и ругань преподавателей. Молчали только мы с Гобби, он потому что нежить и ему не больно, и я, потому что на меня ни одной косточки не упало. Вот совсем ни одной. Приподнявшись на локтях, испуганно огляделась — все пространство древнего кладбища было завалено костями, и лишь вокруг меня было пусто. Глянула на эльфа номер два, тот невозмутимо убрал руку, вскинутую до этого в моем направлении. Невольно испытала чувство искренней благодарности за заботу.

— Ри... Рита, — Рик как оказалось, в листву не падал, и сейчас, подойдя, склонился надо мной, — ты как?

— Все хорошо, — ответила, неловко поднимаясь.

Рик придержал, и отряхнул с меня листочки, пока я, испуганно озиралась. И дело даже не в том, что кости выглядели жутко, они просто были... живые. То есть драконов развеяли, не упокоив!

— Остальные тоже встали, — скомандовал эльф номер два, и едва Гобби и отличники поднялись, приказал, — марш в замок, экспериментаторы.

Просить дважды не пришлось — я первая поспешила к выходу, потянув за собой Рика. Но вот он, почему-то застыл как вкопанный.

— Я сказал — марш в замок, — раздраженно повторил эльф номер два.

И Рик, с явным нежеланием, подчинился, правда из-за заминки мы вышли последними, а вот едва оказавшись за аркой, я оглянулась — все эльфы-преподаватели стояли мрачно обсуждая видимо произошедшее. Высокие, плечистые, с несколько размывшимися контурами иллюзии, которая продолжала таять... И я не знаю почему, но мне безумно хотелось задержаться, и посмотреть, кто скрывается за внешностью эльфа номер два, но мужчина, повернув голову, бросил на меня насмешливый взгляд... Вспышка и вновь среди древних покрытых мхом каменных могил стоят исключительно эльфы!

— Идем, — теперь меня за собой потянул Рик. — Бал, ты же так на него хотела.

Да, хотела... А сейчас даже и не знаю...

Но тряхнув головой и прогоняя грустные мысли, я улыбнулась другу и спросила:

— Ну как ты в новой академии? Рассказывай! Что у них там за общежитие, как в Некросе у всех отдельные комнаты, или двое-четверо в одной? Знаешь, когда я училась на артефакторском, нам все завидовали, потому что у нас каждому отдельная комната выделялась, а вот у остальных в общежитии не так просторно было.

Рик сдержанно улыбнулся, и повел меня к замку.

— А еще, как там...

— Потом, — мягко прервал меня Рик, — все потом. Идем танцевать.

Но до замка было еще шагов сто, не меньше, и мне так хотелось обо всем узнать.

— А ты...

Внезапно Рик остановился, меня, продолжавшую идти по инерции, дернул на себя, разворачивая, поймал в объятия и накрыл мои губы поцелуем.

От возмущения захотелось плакать!

— Рик, — замычала я, — ну, Рик...

Объятия вдруг стали властными, поцелуй почти жестким и почти болезненным.

— Ммм! — окончательно возмутилась я.

И вырвавшись, гневно посмотрела на эльфа.

— Прости, — Рик нервно улыбнулся, — я просто... соскучился.

— Да что с тобой?! — искренне удивилась я.

Ничего не ответив, он взял меня за руку, и повел к замку, как-то странно дыша, и время от времени встряхивая головой, словно пытался прийти в себя.

— Рик, тебе плохо? — я вконец перепугалась.

— Все замечательно, — зло ответил он. А после, повысив голос, крикнул: — Гаррри!

Гобби, шедший впереди с эльфами-отличниками, остановился, повернулся к нам.

— Пригляди за Рррритой, — попросил Рик, и, отпустив мою руку, молча направился в лес.

И глядя как он стремительно скрывается в зарослях желтеющих кустарников, я почему-то не испытывала ни малейшего желания его догнать. Хотя, вероятно следовало, я видела, что Рик сильно расстроен, но вот чем? Может не стоило так грубо вырываться? Или...

— Ыыы, — сказал подошедший Гобби и взяв за рукав, потянул за собой.

Бал, да... Бал.

— Слушай, потанцуем? — подошел ко мне высокий эльф-отличник.

Я пожала плечами и честно предупредила:

— Танцую плохо.

— Да я не лучше, — заверил меня эльф.

Солгал.

Когда мы появились в бальном зале, уже совершенно чистом, все таком же сказочно-мерцающем, волшебном и сумрачном, парень взял меня за руку, обхватил мою талию, и закружил, позволяя едва касаться пола. После я танцевала со вторым отличником, который пониже ростом, и вот он, рассказал, как они сматывали с кладбища, когда неожиданно все три дракона поднялись. Мы смеялись больше, чем танцевали, а потом была очередь Гобби. За ним снова высокий эльф-отличник, который пришел с четырьмя бокалами и тостом за благополучное спасение и 'Чтобы наш прокол остался здесь, в смысле, чтоб не влетело потом'. За это и выпили, а после к нам подошел какой-то эльф, извинился перед моими спутниками, и предложил потанцевать. Мне, не эльфам с Гобби.

И как-то закрутилось и завертелось, лица, партнеры, мелодии сменяющие мелодии... Еще несколько тостов, Гобби, танцующий с другими девушками... Хмель, вскруживший мне голову и...

— Вы прекрасно танцуете, — отвесил мне комплимент, мой очередной партнер по танцу.

Почему-то, даже не знаю почему, но когда к нам подошло четверо эльфов (эльфиек здесь катастрофически не хватало), с желанием пригласить меня на танец, я протянула руку именно этому парню. В нем было что-то... что-то будто знакомое. Возможно, все дело в светлых, почти белых волосах, которые выделяли его на фоне остальных эльфов, а может в улыбке, впрочем первое на что я обратила внимание — глаза. Они казались знакомыми.

— Вы в Некросе обучаетесь? — спросил, закружив в танце юноша.

Улыбнувшись, я протянула:

— Законы бала предписывают хранить конфиденциальность.

Грустно улыбнувшись, он кивнул и растерянно ответил:

— Ну да...

Поворот, и теперь парень за моей спиной, шаг вперед, шаг влево, поворот, и мы вновь смотрим друг на друга.

— Вы самая прекрасная девушка на этом балу, — с невероятной галантностью произнес эльф.

Я его и поправила:

— Эльфийка.

— Девушка, — не согласился эльф с серебристыми волосами, и в светло-серебристом костюме.

Не став спорить, я спросила:

— А вы кого-то ищите?

Поворот, еще поворот, голова закружилась, но едва танец стал менее активным, эльф ответил:

— Да, но боюсь, ее здесь нет.

Мне бы очень хотелось продолжить и танец и разговор, но в очередном повороте, я увидела входящего эльфа, и, воскликнув 'Рик!', остановилась, перед замершим от неожиданности эльфом, присела в реверансе и со словами:

— Простите, — покинула партнера по танцу.

Придерживая юбки и непрестанно извиняясь, протиснулась между танцующими парами к двери, и попала в раскрытые при виде меня объятия. Рик сжал, закружил, и, поставив на пол, убрал растрепавшиеся пряди с лица.

— Как бал? — улыбаясь и не отрывая от меня глаз, спросил он.

— О, бал чудесен! — выдохнула восторженно. — Ты был прав на счет него.

Рик притянул к себе, подхватил мой подбородок, вынуждая запрокинуть голову, пристально взгляделся и тихо произнес:

— А не подарите ли вы мне танец, прекрасная леди?

Улыбнувшись ему, едва не кивнула, но тут же встревоженно спросила:

— А как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — напряженно произнес он. — Достаточно хорошо для того, чтобы подарить танец самой любимой девушке во всех мирах.

Мне что-то не понравилось в этой фразе. Не в самой фразе, а в том, что она у меня как-то не ассоциировалась с Риком, но... в столице и так говорить умеют, так что...

— Риа?! — раздалось вдруг сзади.

Я обернулась, и увидела подошедшего сереброволосого эльфа, с которым танцевала последний танец, хотела было спросить, откуда он знает мое имя, но Рик потянул за собой, сказав:

— Идем.

Заиграла новая мелодия, на этот раз один из простых парных танцев, я виновато улыбнувшись эльфу, последовала за Риком, но тут услышала:

— Риа, это ведь ты! Твоя улыбка!

Рик остановился, провел меня так, чтобы я его обошла, и, повернувшись к эльфу в серебристом, прошипел:

— Это Бал Некроса, уважаемый, здесь не произносят имен!

Но одарив его лишь мрачным взглядом, эльф произнес:

— Риа.

И мой друг психанув, отпустил мою руку и надвинувшись на эльфа, прорычал:

— Слушай, ты...

Бросившись между ними, я воскликнула:

— Рик, ты что? Рик, не надо!

И поразила изумлению, отразившемуся на лице серебряного эльфа. Тот приоткрыл рот, глянул на меня, на Рика, а после выдохнул:

— Риа, я — Рик!

Остановившись как вкопанная, я вздрогнула, едва меня задела одна из танцующих пар, но продолжала смотреть на эльфа, который не отрывал взгляда от меня. Рывок, и я оказалась в объятиях закружившего меня по залу Рика... А Рика ли?! Одна рука парня легла на мою талию, прижав к твердому телу, пальцы второй он переплел с моей ладонью, и я словно попала в вихрь, где кружился весь мир, кроме этого странного эльфа.

Поворот, еще поворот, прогиб назад, в момент когда парень склоняется надо мной. Рывок, и снова поворот. Мир танцует вместе с нами, а я не отрывая взгляда, смотрю на эльфа, старательно вспоминая всю нашу беседу. Все его вопросы, слова, жесты, поведение...

И когда танец закончился и мы остановились, я, глядя в его голубые, как и у почти всех эльфов глаза, тихо позвала:

— Норт?

Он не ответил. Опустил руки, отвел взгляд, но не ответил.

Справа к нам приблизился какой-то эльф в белом расшитом жемчугом костюме, с вопросом:

— Можно пригласить вас на...

Норт лишь посмотрел на него, и юноша, торопливо извинившись, нас покинул. Заиграла музыка, замерцали огоньки, украшающие зал, зеленоватый призрачный туман разлился по полу, взметаемый танцующими парами, а мы продолжали стоять посреди зала.

Я, почему-то отчетливо ощутила насколько устала, и как сильно гудят ноги, которым досталось сегодня на тренировке, и захотелось уйти. Просто уйти.

— Я не знал, что дорог тебе, — внезапно произнес Норт.

Именно Норт, больше сомнений у меня не было.

И хочется просто развернуться и уйти. Уйти далеко-далеко, и больше никогда его не видеть. Ни в образе эльфа, ни в естественном. Ни...

— Я читал об этом, — вдруг тихо сказал Норт, приближаясь ко мне вплотную, — о том, что кровь способна обернуться огнем. Но я даже представить не мог, через какой ад придется пройти. И если бы ты была со мной, хотя бы раз, а в прочем раза мне было бы мало, прошло бы проще, а так... Я сгораю изнутри, Риа. Я просто сгораю, но вместе с адской болью душу разрывает от мыслей о тебе.

— Отпусти меня, — попросила едва слышно.

Эльф смотрел на меня глазами Норты, и от этого было в сто раз больнее.

— Отпусти, пожалуйста... я просто хочу побыть одна.

Некромант удержал, а затем хрипло спросил:

— Тебе так больно, от того, что я был не один?

Не знаю почему, я честно ответила:

— Да.

Он обнял мое лицо, заглянул в глаза и шепотом спросил:

— Почему, Риа?

По щекам потекли слезы. Просто слезы, и я ответила правду:

— Я не знаю, Норт... Просто больно, очень. И не могу смотреть на тебя. Не могу и все.

Заиграла новая мелодия, я опустила ресницы, позволяя застывшим на них слезинкам, скатиться вниз, по влажным дорожкам. Норт судорожно вздохнул и прорычал:

— Прости.

И что тут сказать. Сказала то, о чем старалась думать:

— Ты мне ничего не должен, Норт. Ничего, вообще. И я не знаю, почему в душе все болит, правда не знаю. Мне жаль, что ты пришел на тренировку. Очень жаль, что я не сумела сдержаться. Безумно жаль, что ты увидел меня сегодня. Я завтра буду улыбаться, Норт, правда. Я возьму себя в руки и буду улыбаться и радоваться жизни, а сегодня... отпусти... пожалуйста. Я задыхаюсь от этой боли...

А Норт продолжал держать, хуже — просто взял и прижал к себе.

— Отпусти, пожалуйста, — рыдание вырвалось на последнем слове, — отпусти, я умоляю тебя.

И Дастел разжал руки.

Я отстранилась от него в тот же миг, сталкиваясь с танцующими парами, шатаясь дошла до дверей, за которыми был еще один бальный зал, вошла, прикрыла за собой створки...

А после сползла по стене на пол и зарыдала в голос. И мне уже было не важно — права я или нет, имею ли право, или нет... я просто плакала, обнимая колени, плакала от жалости к себе, к Норту, от того, что так и не увиделась с Риком... Не увиделась, и не хочу...

Едва слышный звук шагов, шорох ткани, и возле меня, закрывшей рот ладонями, в стремлении скрыть от посторонних ушей истерику, опустился на корточки эльф номер два. Белоснежный платок оно протянул молча, и лишь когда я взяла протянутое, тихо спросил:

— Неужели ты действительно влюбилась в Норта?

Слезы потекли втрое быстрее.

В голос я не плакала, постеснялась при постороннем, а слезы... они просто жили своей отдельной жизнью... Молча вытерла лицо, и с трудом проговаривая слова, тихо спросила:

— Откуда вы знаете, что это был Норт?

Мне было плевать на ответ, я не хотела даже слышать его, но эльф номер два тихо ответил:

— Преподаватели, по одному от каждого учебного заведения, видят сквозь личину.

Кивнув, я закрыла лицо руками. Хотелось остаться одной, хотелось просто побыть одной...

— Потанцуй со мной, — вдруг попросил эльф номер два.

Отрицательно покачав головой, прошептала:

— Не могу... не хочу... простите. А как отсюда выбраться?

Эльф улыбнулся.

Я увидела его улыбку, даже сквозь слезы, но даже представить себе не могла, что он сделает. А мужчина подхватил меня на руки, поднял, игнорируя мой возмущенный вскрик, а затем, прижимая к своей груди, под музыку закружил по залу.

Я попыталась возразить, но поворот, кружение, поворот... И отступили страхи, что он упустит меня... улетели мысли о том, что подобное недопустимо... и откинув голову, я смотрела на потолок, сверкающий огоньками, словно небо, и летела над всем миром,

оставляя где-то далеко свою истерику, и ощущая, как высыхают слезы.

И в какой-то момент эльф, поставив меня на ноги, закружил уже в танце. Одним... вторым... третьем... Я потеряла счет времени, я забыла обо всем на свете, вероятно потому что хотела забыть, я отдалась мелодии, танцу и сильным рукам мужчины, что меня поддерживал... И я приложила все силы к тому, чтобы не думать больше о Норте.

А потом наступил рассвет. Наступил совершенно неожиданно, и оказалось, что потолок здесь из стекла, увитого зеленью, на которую не повлияла даже магия смерти. Эльф остановился, улыбнулся мне, недоуменно разглядывавшей потолок и прошептал:

— Спасибо, за эту прекрасную ночь.

А затем поцеловал нежно-нежно, так нежно, что у меня не нашлось сил возражать. И от его тепла, от крепких надежных объятий, от этого прикосновения, меня унесло куда-то далеко-далеко, туда, где не существовало боли, сомнений, грусти, только что-то светлое и доброе, что-то, что рассвело в душе восходом солнечного дня...

Вспыхнул свет!

Я искренне удивилась, обнаружив себя с порванными брюками сидящей на полу в запрещенной библиотеке. Рядом, мотая головой так, словно пытался прогнать наваждение, сидел Гобби... За дверью рычала и пыталась прорваться к нам нежить...

— Кажется, это было наваждение, — пробормотала потрясенная я.

— ЫЫЫ! — не согласился мой зомби.

В двери снова заскреблась нежить. И рычание раздалось — злое.

Поднявшись, я посмотрела на порванные брюки, и, судя по прорехе, это та самая часть, что осталась на кусте в древнем склепе. И что странно — кто-то ее забрал. Кто-то...

Мне вспомнился тот эльф с косичкой и его злобный взгляд... Затем как-то неожиданно перед глазами встал ночной Мертвый лес, тропинка, и толстый злой некромант, которого Норт отказался лечить, и потому адепта вернули в Некрос...

На какой-то миг я замерла, прищутив глаза и вспоминая того адепта, а потом решила действовать — да, мне не понравилось, что кто-то украл часть от моей одежды, вероятно потому, что лично я точно знаю, как много можно сделать используя подобное.

— Гобби, пошли, — решительно приказала умертвию.

Зомби поднялся, недоверчиво глядя на меня. Понял, что действительно пойдём, тяжело вздохнул, прошел к стене, взял стул.

— Стул зачем? — не поняла я.

Ничего мне не сказав, он подошел к двери, открыл, поставил стул и сел. Нежить за створками удивленно застыла. Гобби встал, пододвинул стул, сел.

Скелеты и горгуллы продолжали на него удивленно смотреть. Зомби снова встал, продвинул стул еще метра на два по замерзшей как стекло земле. Сел. Как замороженные умертвия придвинулись к нему.

Гобби встал, пододвинул стул, сел.

Я тоже была до крайности потрясена, но все же вышла из башни, закрыла дверь, задвинула засов. На меня, кстати, никто даже внимания не обратил.

Гобби встал, пододвинул стул, посмотрел на горгуллу и жестом пригласил его присесть. Горгулла торопливо прошел, поскальзываясь на льду, сел. Все постояли, полюбовались сидящим горгуллом. Гобби взял и пододвинул стул. Место тут было чуть на возвышении, так что тропа шла под откос, и вот как-то так получилось, что стоило Гобби подтолкнуть стул в очередной раз, как тот поехал вниз...

— Ыы! — завопил мой зомби, прыгая и указуя на поехавший стул и Горгулла на нем.

— Эм... Спасайте! — догадалась я.

Нежить почему-то ринулась спасать.

А мы бросились бежать, причем в другую сторону, естественно. Когда почти домчались до второго мужского общежития, позади раздался рев и топот догоняющих нас скелетов. Но мы были быстрее!

Мы взбежали по лестнице, распахнули дверь и столкнулись нос к носу с Эдвином.

Некромант поймал меня в объятия, отошел с траектории скольжения Гобби, сурово глянул на почти догнавшую нас нежить. Нежить зарычала. Эдвин молча достал меч... Нежить крутанулась и ушагала, вместе с поломанным стулом и прихрамывающим Горгуллом.

— Развлекаетесь? — поинтересовался Эдвин.

— А-ага, — я попыталась отдышаться, и потому висела на парне.

— Мм, — протянул он. — Ты к Норту?

Отцепившись от Харна, я склонилась, уперевшись руками в колени и, пытаюсь отдышаться.

— Да ладно, цепляйся обратно, — проявил он милосердие.

— Да уже все почти, — ответила я, сползая на пол.

Давно так не бегала, еще и ночью натанцевалась, ноги гудели по страшной силе. Эдвин наклонился, поднял, поставил стоя, обнял за талию, придерживая и спросил:

— Так что ты тут делаешь, Риа?

Ну и я, цепляясь за его рубашку подумала... подумала... и правду сказала.

— Мне нужен тот толстый некромант, который тогда сошел с тропинки, в нарушение приказа, его нежить поранила, Норт отказался лечить, и адепта вернули в Некрос, и...

— Дерб, — сухо произнес Эдвин. — Он что-то сделал?

Не став лукавить, указала на свои брюки и произнесла:

— Пока только подозреваю, но если права у него лоскут от моих штанов.

Некромант кивнул, затем ухватив меня за руку, повел за собой. Мы вошли в общежитие, на удивление тихое сегодня, поднялись на четвертый этаж, прошли по коридору и остановились возле неприметной двери. Эдвин, отпустив меня, вежливо постучал рукоятью меча...

Вежливо очень, и лицо у него было спокойное, и взгляд даже, и вообще знала бы я что дальше будет!

Дверь открылась, высунулась голова сонного толстяка, и тот увидев Эдвина нахмурился и спросила:

— А... что случилось?

Харн не ответил — жесткий удар рукоятью меча, брызнувшая на пол кровь и парня отшвырнуло в комнату.

— Прошу, — придерживая дверь, галантно произнес мне Эдвин.

Мама...

Но я, естественно вошла, потом Гобби, следом невозмутимый некромант. А в комнате, выл и корчился на полу адепт Дерб. Я хотела было кинуться к нему на помощь и... не смогла сделать и шагу, глядя на вычерченный на полу аркан Силы! Аркан Силы — первая ступень запретной магии! Но я не ошибалась, знак, замкнувший бесконечность в круг, слишком узнаваем, чтобы его можно было спутать с чем-то иным. И в этом знаке — в одной петле

имелся серый палец нежити, с зеленовато-желтым когтем, а во второй — лоскут от моей одежды! И круг уже был замкнут!

— Риа? — Эдвин придержал меня, пошатнувшуюся, за плечо. — Риа, что это за хрень?

Хрень. Вот уж точно, что хрень... Кусая губы, нервно ответила:

— Это запретная магия. Знак — аркан силы. Заключенная в ней бесконечность... — говорить стало неожиданно тяжело, — заключенная в ней бесконечность, размывает грани жизни жертвы, делая ее уязвимой для...

Палец нежити дернулся, и собственно слов уже не требовалось. Я же с первого взгляда поняла, кому принадлежит конечность — лич, бывший при жизни сказном. Что ж, видимо ему уже не до разговоров, он решил перейти к действиям.

— Тааак, — протянул Эдвин. Затем неожиданно спросил: — Ритуал завершен?

Я присмотрелась к ауре над знаком — она едва сверкала, а должна была бы пылать. Значит толстяк начал, но закончить не успел...

Отрицательно покачала головой, намереваясь сообщить Эдвину, что процесс еще не завершен, и все же уже не обратим, и не успела!

То, что совершил Харн, потрясло — три шага, и воин пересек комнату, нагнулся, схватил Дерба за руку, выворачивая кисть — резанул по ней мечом. Адепт взвыл. Эдвин, действуя все так же быстро и слаженно, протянул меч, подцепил его острием лоскуток ткани от моих брюк, лежащий в символе, перенес ближе, и вдавил в наполнившуюся кровью ладонью толстяка. А после, вымоченную в крови ткань бросил обратно, на то же место в рисунке.

И аура над знаком полыхнула — перестраиваясь на новую жертву!

— Так пойдет? — спокойно спросил Харн, срывая с Дерба халат, и совершенно спокойно, безразлично к страданиям адепта, вытирая им до блеска свой меч.

Гобби уронил челюсть. Торопливо нагнулся, поднял ее. Я стояла потрясенная, и даже не знала, что сказать.

— Да, — выдохнула, подняв изумленный взгляд на Эдвина. — Кровь свежая... живая... перебила... у лича теперь новая жертва.

Некромант удовлетворенно кивнул, а вот затем развернулся к скорчившемуся на полу толстяку. Окинул его презрительным взглядом, пнул ногой, укладывая на спину, и когда Дерб испуганно растянулся, присел на корточки, как-то безразлично разглядывая парня. Потом спокойно произнес:

— Скажем так, Дэрб, сегодня целители способны на многое, но отрезанное и искромсанное достоинство не восстановил еще ни один светила лекарской магии. Мой намек ясен?

Мне ничего не было ясно, но взывший толстяк потянулся и не покалеченной рукой прикрыл... в общем, то самое.

— Рад, что мы понимаем друг друга, — улыбнулся Эдвин. — Теперь четко и конкретно — кто, места связи, основную задачу.

Толстяк застыл.

Меч, описав сверкающую дугу, недвусмысленно уперся острием в то самое место...

Я даже не решилась что-либо сказать, просто обняла плечи руками и ждала развития событий. Между тем аркан силы начал набирать энергию, и я сейчас очень отчетливо ощущала этот процесс, хотя ранее едва ли определила происходящее. Все же новая магия дала мне явные преимущества в ощущении окружающего мира.

— И? — прозвучал голос Эдвина. — Я жду.

Толстяк затрясся, его подбородок дрожал как желе, но Эдвину он не посмел даже возразить, что наталкивало на определенные мысли, и, заикаясь, произнес:

— Я нне... не... не ззнаю... Он ссам пппришел, сссам позвал...я... нне... знаю...

Гобби посмотрел на меня, потом на Эдвина, потом прошел к столу адепта, сел, взял тетрадь, вырвал из нее несколько листов и написал наверху образованной стопки 'Протокол допроса'. Я же, понимая, что многого из толстяка не вытащить, подошла, встала позади Эдвина, как-то более уверено чувствуя себя за его широкой спиной, и спросила:

— Когда был первый контакт с личем?

Адепт Дэрб замер, но едва Эдвин чуть сместил меч, причиняя боль толстяку, он заговорил:

— После Мертвы игр... сразу после Мертвых игр...

Я же взглянула на брюки парня, и увидела расплывающееся пятно крови.

— Эдвин, — положила руку ему на плечо.

— Капелька крови несущественная мелочь, — спокойно ответил воин, — а вот если Дэрб будет и дальше молчать, его ждет перерезанная артерия. И во это уже серьезно.

Дэрб затрясся.

— Эдвин, не надо, — прошептала я.

Некромант не послушался, и медленно усилил нажим меча. Дэрб взвыл.

— Цель убить Рию? — спросил воин.

И от его тона стало плохо даже мне.

— Ддда, — парень взвыл.

— Хорошо, — Эдвин оставался убийственно спокоен. — Как лич связывается с тобой?

Дэрб подвывал на одной скулящей ноте.

— Как, — нажатие усиливается, — лич связывается с тобой?

— Ззззооов, — парень колотило, но он старался не шевелиться, — я ссслышу зов! Больно! Не надо, умоляю, я...

— Ты — дерьмо. — Все тоже убийственное спокойствие. — Ты можешь с ним связываться сам?

— Ддда... пусти! Пусти, ты... ты...

— Я убью тебя.

Не угроза, не обещание, это прозвучало фактом. Просто фактом.

— Эдвин, не... — начала было я.

— Хорошо, — и это его 'хорошо' было сказано не мне. — Зови.

— Кккого? — Дэрб даже выть перестал.

— Лича. Зови сейчас. Назначь встречу. Сейчас. Место — Мертвый лес, скала к северу от Некроса. Зови.

Адепт затрясся, отрицательно замотал головой. Меч вонзился сильнее.

И Дэрб, воя от боли, раскинул руки, зажмурился и произнес:

— Марра... марра. Эс свег тагхар!

Язык вечных. Он звал на языке вечных! Он...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

А в следующее мгновение я ощутила смерть. Целенаправленный поток смерти, и услышала то, что не прозвучало в комнате и не мог услышать Эдвин:

'ДааКш эн, гуртан'.

Перевела мгновенно — 'Дело сделано?'.
— Аккшаг аддв, — ответил согласием Дэрб.

Некромант посмотрел на меня, странно посмотрел, и спросил у адепта:

— Все еще зов?

— Нет, он ответил. Ответил! — провыл парень.

— Это хорошо. Назначай место встречи.

Дэрба трясло, трясло все сильнее и я знала почему — лич мертвое энергетически наполненное существо, и даже просто общение с ним, неподконтрольным некроманту, отнимало силы. Жизненные силы. Присмотрелась к напуганному адепту и поняла — парень постарел. Возможно, он еще сам этого не понял, но из него уже высосали не менее двадцати лет жизни.

— Дагра эган таа сам нихр савосгас Некрос, — произнес Дэрб.

И смерть ушла. Схлынула, словно волна, замерев тремя темными точками в шкафу.

И мир внезапно предстал передо мной в графическом расчерченном виде, где живыми оставались Эдвин и поскуливающий некромант, частично живым — Гобби, а темные точки обрели форму.

Не задумываясь о том, что делаю, я решительно направилась к шкафу, открыла и начала выбрасывать из него одежду, обувь, грязные вещи адепта, почему-то несколько женских панталон, какие-то книги, тетради, папки...

Одна из папок раскрылась при падении, я повернулась и увидела свое имя... Не обратила внимания, ощущая сильную потребность добраться до заветных трех темных объектов, и пальцы дрогнули, прикоснувшись к потемневшей от времени усиленной железом коже переплета.

Дрогнули не только руки — зашлось в бешеном ритме сердце, но зрение стало четче, сфокусировавшись на трех извлеченных мной со дна шкафа книгах. Книгах не принадлежащих отступникам! Это были человеческие манускрипты по магии. Именно человеческие.

Медленно повернулась к Дэрбу и поняла, что тот наблюдает за мной с ненавистью, которая перекрывала даже боль от действий Эдвина.

— Откуда? — тихо спросила у него, прижимая книги к груди.

Адепт задрожал, хотел было что-то сказать, но сам себе закрыл рот рукой...

Короткий взмах мечом. Сверкнувшая в свете поднимающегося солнца сталь... Брызнувшая кровь... Рука, отсеченная, отлетает в сторону...

Как я не заорала, даже не знаю. Почему не завопил Дэрб? Эдвин, как оказалось еще и с кляпами превосходно управляется, и, придерживав ногой извивающегося на полу от боли адепта, переждал его истерику, после наклонился и мягко, даже как-то дружелюбно произнес:

— У тебя есть один шанс выжить — отвечать на вопросы. Это понятно?

Прижимая кровотокающий обрубок к груди, Дэрб завращал глазами и закивал, показывая, что все понял.

— Хорошо, ты молодец, — тон дознавателя на допросе. — Теперь я вынимаю кляп, а ты отвечаешь на вопрос, так?

Дэрб закивал.

— И тогда я не отрезаю твою ногу, — ласково продолжил Эдвин.

Адепт застыл.

— Ты все понял? — уточнил некромант, которого сейчас боялась даже я.

Кивок.

Эдвин убрал ногу, коей пригвождал дергающегося к полу, присел на корточки, потянувшись, вынул кляп. Дэрб молчал, как замороженный глядя на совершенно спокойного, убийственно спокойного некроманта.

— Откуда книги? — мягко спросил Эдвин.

— Из зззамка где Ббал... — запинаясь, пробормотал Дэрб. — Хозяин приказал, ддал вввход, яййа ввззял...

Книги из прошлого. Это книги из прошлого, значит их нужно будет вернуть, но... Но вопреки здравому смыслу, я прижала фолианты к себе сильнее, и поняла, что не отдам! Просто не отдам.

— Это было единственным поручением от хозяина? — мягко спросил Эдвин.

Дэрб застыл.

— Дэрби, — все так же мягко и даже по дружески проговорил некромант, — поверь, мне вовсе не хочется отрезать тебе ногу. Это больно, и даже при своевременном вмешательстве целителей, останется заметная хромота. А ты и так не красавец, не усугубляй свое положение.

Эдвин все больше пугал меня, пугал настолько, что я даже вмешаться побоялась.

И Дэрб, словно попавший под гипноз и испуганно глядящий на Эдвина, торопливо заговорил:

— Хозяин дал заклинание, чтобы поднять драконов. Йййя пришел, там... там возились трое, один этот, — адепт нервно кинул на Гобби, и еще двое каких-то с реальной личиной, я не смог просмотреть их. И они... они начали колдовать когда я уже начал... кладбище встало.

— Хорошо, что было дальше? — все тот же вежливый, участливый тон.

Такому Эдвину хотелось выложить все, что знаешь. И Дэрб выложил.

— У... у... у нее, дар магии смерти!

Я вздрогнула всем телом, Эдвин даже не обернулся, чтобы взглянуть на меня, лишь кивнул и приказал:

— Дальше.

Но прижимающий все еще кровоточащий обрубок руки, Дэрб дернулся и заорал:

— Ты не понимаешь! У нее дар магии смерти! Она может управлять нежитью! Всей нежитью! Она...

— Некромант, — мягко перебил Эдвин, — как и мы, соответственно конечно может управлять нежитью. Разве это способно как-то навредить твоему хозяину?

Дэрб задрожал, или от боли, или от негодования, и вдруг выпалил так, словно выплюнул:

— Танаэш сдохнет!

— Конечно, — подтвердил Эдвин.

— Сети расставлены, умертвия изменены, Танаэш сдохнет!

И я поняла, что лорд Газр-аш был прав, основная цель удара тут именно наследный принц седьмого королевства. Но это были очень отвлеченные мысли, а по факту я думала лишь об одном:

— Эдвин, хватит, прошу тебя. Он же сейчас кровью истечет, Эдвин...

Некромант поднялся, держа острие меча у того же места адепта, и поманил меня

пальцем. Медленно, с ужасом глядя на него, подошла, и воин, склонившись к моему лицу, тихо произнес:

— Он практически не чувствует боли, Риа.

Изумленно распахнула глаза шире.

— Это не шутка, — Эдвин улыбнулся. — Мне доводилось пытаться лечить людей, и, поверь, на отрубленную кисть реагируют не так. И крови значительно больше.

Вероятно, сомнение отразилось на моем лице, потому что некромант усмехнулся, мрачно очень, и продолжил:

— Единственное, чего сейчас опасается Дэрб, это необратимых увечий. Этим я и воспользовался.

Мгновенно перевела взгляд на адепта, и вздрогнула — ненависть, она была словно ощутима. И вместе с тем — совершенно, вот просто совершенно перестала течь кровь из раны. Странность?! Еще какая. И все же я понять не могла, просто понять не могла. Попыталась наклониться и проверить температуру кожи парня, но Эдвин неожиданно жестко удержал, и едва я на него посмотрела, сказал:

— Не уверен, что это безопасно. Отойди, сейчас появится ректор.

— Что? — я все никак не могла угнаться за ним в понимании ситуации.

— Ранение адепта, — ровно проговорил некромант, — крови много, сейчас появится...

Договорить не успел — вспышка у стены, и в комнату адепта Дэрба шагнул лорд Гаэр-аш, следом за ним глава целителей Некроса.

Причем они решительно шагнули, и под ногой ректора скрипнул какой-то стеклянный осколок, но затем наступила тишина.

Оглушительная тишина.

Лорд Гаэр-аш взглянул на меня, на Гобби, все еще сидевшего за столом, на Эдвина, с мечом, острие которого угрожало достоинству стонущего, вновь истекающего кровью Дэрба, на самого Дэрба...

Затем приказал:

— Лорд Эрсан, адепта Дэрба в стазис и в допросную.

Допросную?! Я возмущенно посмотрела на ректора, но он невозмутимо продолжил:

— Специалиста по запрещенным ритуалам сюда. Так же вызовите дознавателей. — После повернувшись к нам. — Харн, меня радует ваша сообразительность. Каро, в мой кабинет, немедленно. Гобби, запиши мне.

Молча кивнула и направилась к двери, но была остановлена усталым:

— Вены Некроса.

Разворот, и старательно обойдя окровавленного адепта, прошла мимо лорда Эрсана, подошла к стене. Открывать проход не потребовалось — стена исчезла, впуская меня в полумрак тайных путей Некроса.

До кабинета ректора идти пришлось не долго — поворот, и призрачная вена замерцала, следом открылся проход. Войдя, я, все так же прижимая книги к груди, огляделась. Несколько печальных приведений, протиравших пыль с книжных стеллажей, обернулись ко мне, удостоили мимолетным взглядом и вернулись к работе. Два нетопыря со свитками нервно переминались с ноги на ногу на подоконнике, ожидая, когда смогут передать почту главе Академии Некромантии. Умертвие гончей, лежащее у стола, тоже одарило меня сияющим зеленоватым взглядом, после вновь уместило голову на лапах, утратив ко мне интерес.

Осторожно прошла ближе к столу. Постояла. После, поняв, что ждать придется долго, прошла к креслу напротив стола, села. Села удобнее. Только там поняла, как сильно устала. И прошло, вероятно, не так много времени, но в какой-то момент я поняла, что сплю, потому что вдруг оказалась в лесу, том, что рядом с убежищем дяди Тадора, сидящей на камне и зубрящей параграф об артефакте Кхада...

Почти прочла все до конца, все сорок страниц, когда сквозь сон услышала:

— Как это произошло, Норт? — в голосе отчетливо прозвенел металл.

— Это личное, — Дастел ответил устало, раздраженно, зло.

И самое неприятное — я поняла, что они давно разговаривают, а я только сейчас услышала.

— Мне повторить вопрос? — теперь не металл, лед.

Тишина, затем разъяренное:

— Ее кровь. Риаллин выпила свою кровь.

Пауза, и ругательство от ректора:

— Тьма.

И снова стало тихо. Тихо настолько, что казалось, я слышу дыхание обоих. После Норт произнес:

— Это магия крови. Ее практически невозможно определить. Специалистов подобного уровня в Армерии трое, двое из них принадлежат к роду Дастел Веридан, третий... Есть способ заставить его молчать и...

— Норт, — мягко, почти ласково прервал его лорд Гаэр-аш, — Норт, давай я опишу тебе ситуацию, мой мальчик. Через шесть дней вы выезжаете на королевские Мертвые игры. Вы — это команда Некроса. Ты — капитан, в стадии перестройки организма, которая, просто поверь мне, в десять раз хуже подросткового периода. Тебя уже ломает, а это лишь начало. Но ты, несмотря на мое предупреждение, тратишь энергию не на то, Норт.

— Артан!

— Заткнись, и продолжим. Итак, капитан команды не в себе, и судя по первому срыву, за шесть суток ты не сумеешь перестроиться полностью. Дальше — твой лучший, но волею судьбы только запасной боец Харн, в паре с неподчиненной нежитью. Нет, Культяпка-то у нас подчинен, вот только неизвестно кому, а потому является фактически бомбой замедленного действия. Далее — Данниас Шейн, вот тут вопросов нет, а если учесть артефакты, сделанные для вас Риаллин, и я практически за него спокоен. И последний участник твоей команды — Риа Каро, темная лошадка в прямом смысле этого слова. На ней нет защиты, как некромант — ниже среднего уровня, и по боевке ты ее не натаскал. Она слабейший игрок команды, Норт, и в то же время — кандидат на уничтожение в случае, если хоть кто-то узнает о ее способностях. А о них узнают. Поверь моему опыту — узнают. Риаллин выдаст себя сама. Она неопытна, наивна, импульсивна, и действует неосмотрительно при малейшей опасности для кого-либо из команды. И ей бесполезно что-либо говорить — в критической ситуации Риа мгновенно расставляет приоритеты, и ваши жизни для нее важнее ее собственной.

— Хочешь сказать, что у нас нет ни шанса?

— Хочу сказать, что у нас с тобой шесть суток, чтобы привести команду в приемлемое для игры состояние.

— Не успеем, — произнес Норт.

— Успеем, — лорд Гаэр-аш был спокоен. — Три дня тебе на сон, и я рекомендую

именно спать, во сне перестройка идет проще, жаль у меня такой возможности не было. За эти трое суток я натаскаю твою команду, как минимум психологически они будут готовы к предстоящим играм. Через трое суток ты сможешь себя контролировать более-менее, и присоединишься к тренировкам. Но до этого момента...

И тут Норт перебил злым:

— Что во мне не так, Артан?! Я — неформальный лидер всей академии, девчонки сами добиваются моего внимания, меня хотят все, но только не... Что во мне не так? Чего ей не хватает? За какой Тьмой она вообще носом воротит?!

— Это злость, Норт, — мягко оборвал его лорд Гаэр-аш, — просто ярость. В тебе просыпается сознание темного лорда, отсюда и непомерное самомнение. Успокойся, через три дня пройдет.

Дастел шумно выдохнул. Ректор продолжил:

— Я пришлю к тебе лорда Эрсана с качественным снотворным. Тебе нужно спать.

— Мне нужно поговорить с Рией!

Усмешка и полное горечи:

— Не стоит, брат. Не совершай моих ошибок — эта девочка не умеет прощать. — А затем гораздо тише, и с горечью, которой я никак не ожидала: — Ты ведь все понял, Норт.

— Понял, — подтвердил Дастел. — Я просто не знал, что настолько... дорог ей.

— Я тоже... не знал.

И этот тихий голос снова вверг меня в сон. В мой сон, где я, закрыв последнюю страницу параграфа, подняла голову и улыбнулась дяде Тадору. Он сидел напротив, тоже на нагретом солнцем камне, щурился, запрокинув голову и глядя на солнце, и курил трубку. Свою странную трубку — черную, с черепом, у которого глаза всегда светились темно-зеленым, а дым выходил из раззявленной пасти. Иногда мне казалось, что череп, то есть трубка, живая, но она была в руках дяди и я не боялась.

— Вопросы? — заметив, что я закончила чтение, спросил Тадор.

Я вновь посмотрела на книгу и спросила:

- 'Силовое сбрасывание', я не поняла механизма.

Дядя глянул на меня, затем протянул руку вперед и в воздухе засияло изображение чаши, чье дно было овальным, то есть стоять на поверхности чаша могла лишь до определенного уровня наличия в ней жидкости. И вода, призрачная, как и вся иллюзия полилась сверху... Она текла, текла... чаша опрокинулась, расплескивая воду. Иллюзия растворилась в горячем летнем воздухе.

— Это механизм действия, — объяснил Тадор. — У этого проклятого официальной магией артефактора был главный жизненный принцип — не навреди. Вот почему все его амулеты и артефакты имеют встроенный ограничитель, но все можно обойти, если к примеру использовать... ртуть.

Я обожала дядю Тадора именно за это — он всегда находит выход, и для него никогда не было ограничений. 'Возможно все, во что ты поверишь' — постоянно говорил он. И я верила, верила в то, что для меня нет ничего невозможного. — Кхад был гением, — продолжил дядя, — но ты должна понимать, девочка моя, гениев никто не любит. В человеческом мире маг может быть или посредственностью, или непризнанным гением. Признанных — уничтожают. Всегда. Люди не терпят тех, кем не способны управлять, и потому...

— Так случилось и с вечными? — спросила я.

— Так происходит со всеми, — дядя улыбнулся, затянулся густым зеленоватым дымом, — со всеми, Риюш.

И я, закрыв книгу, но придерживав пальцем место, где закончила читать, спросила:

— Меня люди тоже будут ненавидеть?

— Тебя? — дядя улыбнулся. — Ты же гений, девочка моя. Ты мой великий гений, и тебя ждет невероятное будущее, поверь, ты станешь известнейшим во всех мирах артефактором.

И я проснулась. Распахнула глаза и долго смотрела в потолок своей комнаты, прижимая к груди что-то твердое.

'Ты станешь известнейшим во всех мирах артефактором'...

Нет, дядя, я сглупила, повелась на уговоры отчима и стала некромантом. Я стала некромантом, как смешно и неправильно. Как горько. Как обидно, досадно и тяжело на душе. Некромант! Я некромант.

— Приснилось что-то плохое? — раздался голос ректора.

Я вздрогнула, торопливо вытерла слезы, и села на постели. Похоже на кровать меня перенесли прямоком из кабинета ректора... Да уж, нашла где уснуть! И положили на кровать, прямо в чем была, разве что сапоги с меня сняли, и те сиротливо стояли у двери. А еще у меня не забрали книги — я так и прижимала их к себе, и отдавать не хотелось. Но самое странное — лорд Гаэр-аш, в брюках, сапогах и одной черной шелковой рубашке сидел за моим рабочим столом, и читал... мою тетрадь с записями по артефакту Эль-таим. Читал внимательно, чуть хмурясь и поджимая губы.

Но прежде, чем я успела задать резонный вопрос по поводу 'Что вы здесь делаете?', лорд Гаэр-аш закрыл тетрадь, бросил ее на стол, сложил руки на груди, и мрачно посмотрел на меня. Почему-то сильнее обняла книги по магии смерти.

— Не отдашь? — глава Некроса неожиданно улыбнулся. — Мне импонирует твоя жадность к знаниям.

Появилось желание гордо вернуть ему книги. Но стоило вспомнить, что это за книги, как подобное желание вмиг пропало. Пока не прочитаю, не отдам!

— Теперь о серьезном, — ректор несколько секунд смотрел на меня, после произнес, — мне искренне жаль, что из-за меня ты потеряла магию.

Пауза, а у меня сердце начинает биться быстрее, вероятно из-за чувства страха — в комнате кроме меня и ректора никого нет. Даже Пауль с Салли куда-то пропали, и в коридоре царила тишина, словно все вымерли, а обычно постоянно стук каблучков и голоса некроманток... Но сейчас тихо. И в моей маленькой мрачной комнатке без занавесок, с голыми стенами, одним шкафом, кроватью застеленной черным покрывалом и стола, заваленного книгами, эта тишина ощущается особенно остро. А еще я вдруг поняла, как неуютно здесь...

— Но еще больше я сожалею по поводу того, что ты вернула себе магию крови, и твой дар из запрещенных, Риаллин.

Мне окончательно стало не по себе.

Ректор усмехнулся, не сводя с меня пристального взгляда, затем произнес:

— Магия Смерти от собственно некромантии отличается одним — маг смерти всегда закрывает глаза, обращаясь к своей силе, некромант не всегда. Учись работать с открытыми глазами, учись видеть силовые линии не закрывая глаз, и не смей захватывать контроль над чужими умертвиями.

Сумеешь соблюсти все правила — твой секрет не раскроет никто.

Удивленно посмотрев на лорда Гаэр-аша, я все же рискнула спросить:

— А почему вы так уверены, что я способна захватывать контроль над чужими умертвиями?

Улыбка, провокационно-ироничная, и почти приказ:

— Закрой глаза.

И почему-то я послушно сомкнула веки.

— Ложись.

Легла, все так же прижимая книги.

— А теперь найди Гобби, — скомандовал лорд Гаэр-аш. — Расслабься, сконцентрируйся на дыхании, забудь о том, что ты артефактор и способна ощутить отголосок собственной магии, думай о Гобби как о личности. Как о живом. Как о друге, которого хочешь позвать. Вспомни ситуацию, в которой коснулась его...

Голос ректора словно погрузил в транс, в нечто среднее между сном и явью, в мир обрывочных мыслей, фраз, ощущений... И весь Некрос вдруг представился мне окутанным серым плотным туманом, который глушил звуки голосов и шагов, скрывал силуэты, размывал очертания... И я словно иду в тумане, иду осторожно, не слыша собственных шагов, не видя ног, не ощущая колебания воздуха...

— Ищи Гобби, — голос ректора заставил вздрогнуть, как-то разом выныривая из состояния умиротворенности в которое я погрузилась, — и думай сейчас только о нем.

Гобби...

Приказ Гаэр-аша был мне понятен, но почему-то я подумала вовсе не о своем умертвии, нет... к сожалению, я подумала не о нем...

И туман перед глазами рассеялся, открывая темную комнату и сидящего на стуле адепта Дэрба. И самое жуткое — он был мертв. Совершенно мертв. Он стал умертвием. А затем я услышала то, что сейчас слышал он:

— Имя, придурок. Назови мне имя.

Голос узнала мгновенно — Эдвин!

— У тебя есть сообщник, Дэрб, — продолжал некромант, — и это не лич. Имя.

Молчание умертвия... боль! Вздрогнув, я отшатнулась, в ужасе от нахлынувших ощущений. Никогда не думала, что мертвых можно пытаться — оказалось, что можно. Эдвин пробуждал воспоминания Дэрба, воспоминания о тех ощущениях, что он испытывал, когда был живым, и делал это мастерски. Настолько, что зомби выл от ужаса и боли, выл, но молчал.

— Пойми, мразь, — вновь прозвучал голос Харна, — если с ней хоть что-то случится, ты будешь медленно гореть в окружении всех своих родственников.

И теперь не боль — ужас захлестнул умертвие. Дэрб был еще слишком живым, ему сохранили все воспоминания, все чувства, все. И испугавшись за близких, он заговорил:

— Я не знаю... не знаю... лич связывался со мной, только со мной, я не...

Туман сгустился, скрывая от меня допрос зомби, и сквозь зеленоватую пелену я услышала:

— Риа, я сказал Гобби и только Гобби. Ищи его.

А я вдруг начала задыхаться. Не знаю, почему. Появилось ощущение, что зеленоватый туман забился в нос и горло, что не дает дышать, что... Прикосновение к руке. Решительное, властное, и мою ладонь сжали. Мгновенно стало легче, я даже улыбнулась и задыхала всей грудью. А затем...

«Гобби» — позвала, не размыкая губ.

Туман рассеялся. И я увидела кабинет ректора, его стол, который все так же охраняли давно почившие гончие, двух переступающих с лапки на лапку летучих мышей с почтой, ожидающих главу Некроса на подоконнике, призраков, продолжающих бороться с пылью на громадных стеллажах с книгами, и стол у окна, за которым сидел...

«Ыыы» — протянул он, и поднял голову.

Гобби! Он сидел там и что-то писал и....

— Я нашла, — выдохнула восхищенно и распахнула глаза.

Лорд Гаэр-аш улыбнулся, кивнул и, отпустив мою руку, поднялся с края постели, вновь вернувшись на стул у стены. Я же, сев на постели, потрясенно думала о возможностях, новых возможностях и... и старалась не думать о Дэрбе.

— Одна просьба, — Гаэр-аш смотрел на меня с какой-то затаенной грустью, — без меня хотя бы первое время не используй зов смерти. Ты едва не задохнулась.

Кивнула, и кивнула повторно, едва вспомнила момент, когда туман начал заполнять легкие. И дышать почему-то начала глубже и чаще.

— Магия смерти... — задумчиво проговорил ректор, поглядев в окно. Затем резко перевел взгляд на меня и продолжил: — Эйш уба рэг...

«Кровь измененная» — мгновенно перевела я.

— Удивительно, Риаллин, — продолжил лорд Гаэр-аш, — просто удивительно.

— Что именно? — нахмурилась я.

Глава Некроса несколько мгновений молчал, изучая запонки в виде серебряных черепов, скрепившие манжеты на его черной рубашке, затем поднял взгляд на меня и пояснил:

— Магия смерти, Риаллин. Тадор Шерарн изменил твою кровь, сделав тебя магом смерти. А это единственный вид магии, дающий возможность противостоять вечным.

— Что? — меня это почему-то дико испугало.

Гаэр-аш улыбнулся и сказал:

— Даже сейчас, с зачатками способностей и полным отсутствием знаний, ты способна убить отступника, оказавшись с ним один на один.

Я потрясенно смотрела на ректора, а он продолжал размышлять вслух:

— Единственный вид магии, способный защитить владельца и на жертвенном алтаре. Забавно.

Поднявшись, я спрыгнула с кровати, осторожно положила на нее книги, и, повернувшись к ректору, прямо спросила:

— Что именно вам кажется забавным?

Взгляд ректора внезапно изменился. Вот он был полурассеянным, словно Гаэр-аш смотрел вникуда, но сосредоточившись на мне его глаза потемнели, окаменело лицо главы Некроса, а тело напряглось. И я невольно ощутила страх, какой-то интуитивный ужас, даже неловко отступила на шаг... Все изменилось в то же мгновение — Гаэр-аш улыбнулся, но в этой улыбке не было и толики веселья, после продолжил:

— Магия смерти во всех человеческих королевствах доступна лишь клану Меча, и то в весьма ограниченном спектре этой силы.

— Клану Эдвина? — уточнила я.

Ректор кивнул, продолжая как-то странно, с каким-то непонятным мне затаенным чувством разглядывать. Впрочем, я сейчас старалась думать не об этом, а о Харне. И

вспомнился момент с допросом...

— Эта сила дает возможность допрашивать нежить? — спросила задумчиво.

Лорд Гаэр-аш кивнул, после проницательно поинтересовался:

— Многое услышала?

Невольно вздрогнула, вспомнив ощущения Дэрба.

— Клан Меча, — задумчиво повторил лорд Гаэр-аш, затем добавил, — та сила, что сдвинула выбор отступников в пользу седьмого королевства.

— В смысле? — я окончательно запуталась.

— В смысле они напали не на нас, — пояснил ректор. — И вот сейчас история с Культяпкой, имеющая целью подставить под удар наследника клана. Кто-то виртуозно расставил сети, не предугадав лишь одного — появления темной лошадки, с небольшими, но крайне опасными возможностями.

Из всего этого я зацепилась за последнюю фразу и спросила:

— У меня небольшие возможности?

Гаэр-аш улыбнулся, в его взгляде появилась тень насмешки. Затем, несколько укоризненно покачав головой, он сказал:

— Я могу ошибаться. В отношении тебя я уже ошибался и не раз. Но на данный момент, вывод вполне очевиден — у тебя невероятные способности артефактора. Запредельные. Ты сама по себе уникальный специалист, но обучение у черного артефактора дало значительное преимущество — для тебя нет границ, Риаллин. Изготовление четырех Эль-таимов разом наглядное тому доказательство. Что касается некромантии — дар был, но слабый. Ты выгорела. Но Тадор видимо предусмотрел это — и у тебя в крови козырь, который надежно защищает от выгорания. Но не только — как я уже сказал, магия Смерти то единственное, что способно гарантированно защитить от отступников. Наличие магии Смерти в твоей крови никому и никогда не позволит использовать тебя в качестве жертвы для ритуала. И они об этом знают.

Пауза, затем взгляд мне в глаза и откровенно пугающее:

— Иначе не желали бы столь старательно уничтожить.

Информация была жуткой. Но существовал и еще один момент:

— Мертвая леди сказала, что это не магия смерти, — почему-то призналась я ректору.

Лорд Гаэр-аш улыбнулся и ответил:

— Мертвая леди не специалист в магии. Плюс она не чувствовала ни вкуса твоей крови, ни запаха. Не буду скрывать — есть что-то еще. Шерарн знатно поработал с твоей кровью, и уверен будет еще сюрприз, а возможно и не один. Но мы будем исходить из того, что имеем на данный момент — ты маг Смерти. Я бы определил твой уровень как пятый, при том что у Харна к примеру шестой, и выше он не поднимется. А тебе есть куда расти. Но, — усмешка, — ты сможешь развивать свой дар, только маскируя его под некромантию. То есть повторюсь — учись плести заклинания с открытыми глазами. Не смей изменять нежить. Не пытайся захватывать контроль над чужой нежитью на Мертвых играх. Не вступай в контакты с потусторонним. То, что ты провернула вчера на полигоне, ответив на призыв лича, выдает тебя с головой.

Я нахмурилась, но постаралась все запомнить.

Ректор кивнул, и продолжил:

— Магия Смерти и некромантия близки, некромантия фактически ответвление от магии Смерти, дающее возможность управлять нежитью, но не править ею. Грань тонкая, но

существенная. В дальнейшем я расскажу тебе обо всем подробнее, и обучать тебя буду так же я.

Вот это мне почему-то не понравилось вовсе.

— О том, что ты выгорала, знаем я, Норт и мой дед, естественно мы будем молчать, но я не советую кому-либо еще говорить о случившемся. Для всех ты некромант. Да, сейчас возникнут некоторые сложности с боевыми плетениями, но думаю, справишься быстро.

Ректор поднялся, подошел к двери, взялся за ручку, но так и не открыв створку, повернулся ко мне и сообщил:

— Гобби до вечера у меня побудет, у тебя еще час отдыха, после на полигон. У нас очень мало времени осталось. И да — раз уж тебе так важны эти книги, — он указал кивком головы на учебники, — можешь пока оставить, но никому не показывать. Трупов, адептка.

С этими словами глава Некроса меня покинул.

Оставшись наедине с собственными мыслями, я решила проверить первое, что очень сильно напрягло в словах ректора — боевые плетения. Вскинула руку, формируя аркан по Гвеллу, простейшее заклинание захвата, и не увидела ничего! Совершенно ничего, а должна была отчетливо увидеть тончайшую сеть зеленоватых силовых линий!

Закрыла глаза — сеть, как ей и следовало, находилась передо мной, готовая к использованию. Распахнула ресницы — ничего!

Неприятный холодок прошелся по спине...

Взмахнув рукой развеяла плетение, сосредоточилась и нарисовала силовой контур. Контур, который должна была видеть, но... Перед моими глазами было пустое пространство на полу. Зажмурилась — контур сиял на полу, яркий, отчетливый, правильный. Открыла — ничего.

— Тьма! — ругательство прозвучало отчетливо и безнадежно.

Снова закрыла глаза — контур на полу был наполнен силой. То есть уровень магии Смерти был у меня выше, чем уровень некромантии. То есть как маг Смерти я сильнее, чем как некромант, вот только... плести боевые арканы с открытыми глазами теперь очень, очень и очень сложно. Я не сильна в некромантии, говоря откровенно, едва догнала курс по Судебной некромантии, на который и поступила. А вот чтобы догнать курс Практической некромантии, на который перевелась благодаря Норту, мне требовалось полгода как минимум, у них сложная программа. То есть мне ранее требовалось бы не менее полугода, а уж теперь...

С тихим стоном отчаяния я опустилась на кровать.

Открылась дверь, заглянул Пауль, оглядел комнату, открыл дверь сильнее — вбежала Салии. Точнее вбежала тарелка, накрытая другой тарелкой, поверх которой была еще одна и тоже накрытая тарелкой, так что, по сути, вбежали тарелки, и только торчащий из под них хвостик, указывал на присутствие саламандрочки. Пауль закрыл дверь, в то время как Салли взобралась на стол, аккуратно сняла с себя тарелки и лапкой пригласила меня к столу. И только тогда я поняла, насколько вообще хочу есть.

— Спасибо, — благодарности действительно не было предела.

— Уи, — пискнула ящерка, и смущенно прикрылась хвостиком.

— Иии! — потребовал моего внимания Пауль, и совершив прыжок от двери до моего плеча, причем прыжок пугающий, сунул мне записку.

Благодарно погладив паучка, я развернула крохотный свиток и мгновенно узнала почерк Гобби.

«У адепта Дэрба был сообщник. Ректор подозревает Данниаса Шейна, потому что или он, или кто-то из преподавателей. Эдвин провел допрос (сурово провел, как самый суровый воин, которому не дали вишенку), выяснилось — у лича приказ не выпускать тебя из Некроса живой.»

И подпись:

«Навеки твой Гоббиас».

Гоббиас — это было очень официально. Еще я улыбалась с того момента, как прочла про суровость Эдвина, но на самом деле для улыбок повода не было. Дан предатель? Нет, в это я возможно и могла поверить, я не привыкла доверять людям, но Дан выполняющий указания лича, вот это было уже странно. И Дан подставляющий свою команду тоже странно.

Взяв листок, я написала:

«Почему подозрения пали на Дана и преподавателей?»

И подписала: «Твоя Риа».

Пауль, пискнув, издал свое «Ии» и умчался относить записку, я же успела все съесть, к тому моменту как он вернулся я успела доесть обед, и торопливо вытерев руки взяла протянутый паучком свиток бумаги.

В записке значилось:

«Адепт Дэрб не мог провести измененную нежить на ваш полигон, не тот уровень магии. Это был сильный некромант, уровня Дана, либо преподаватель».

И подпись:

«Твой Гоббиас».

Внезапно раздался стук в окно. Поднявшись, подошла, открыла форточку и к нам залетела летучая мышка. Ночное создание важно подлетело ко мне, и протянуло лапками записку.

— Спасибо, — сказала я, принимая крохотный свиток.

Развернула.

«Прекращай переписываться с Гобби и собирайся на тренировку. Трупов»

и подпись:

«Лорд Гаэр-аш».

Не успела я дочитать, как в форточку влетел нетопырь, едва протиснувшись, и вручил мне следующий свиток.

Развернула.

«За тобой зайдет Норт, сама не смей носик высовывать. Или предпочитаешь Эдвина?»

Почерк был ректоровский, а мое решение оказалось молниеносным. Метнувшись к столу, торопливо приписала «Эдвин, если можно» и вернула свиток нетопырю. Оба ночных создания вылетели в окно.

Оделась я быстро, и когда доставала куртку из шкафа, раздался стук. Метнувшись к двери, распахнула, улыбнулась стоящему в коридоре Эдвину, который демонстративно «не замечал» откровенно пожирающих его глазами некроманток. Схватив парня за руку, втащила в комнату, закрыла дверь и изнывая от любопытства спросила:

— Что выяснилось?

Подлый, коварный, полностью подтверждающий звание некроманта Эдвин нагло

улыбнулся и промолчал.

— Ну, Эдвин! — взвыла я.

— Что? — невозмутимо поинтересовался он, с самым невинным видом.

Возмущенно развела руками, некромант поймал за обе ладони, свел их вместе, сжал своими руками и поинтересовался:

— Любопытство страшная штука?

— Ага, — честно созналась я.

Он кивнул, и с самой наглой усмешкой милостиво дозволил:

— Страдай.

— Эдвин! — взвыла я.

— М? — он издевался самым наглым образом.

С шумом выдохнув, возмущенно смотрю на него, а он... улыбается. И улыбается! И продолжает улыбаться, и наконец, сжалившись, сказал:

— Пошли на тренировку.

— Эдвин, я тебя точно придушу! — не сдержалась я.

Усмехнувшись, некромант продемонстрировал мне мои же сведенные вместе ладони, которые удерживал, и нагло ответил:

— Как видишь, это я предусмотрел.

Мрачно вырвалась из захвата, сложила руки на груди и зашла с другой стороны:

— А ты в курсе, что они Дана подозревают?

Эдвин повторил мой жест, сложив руки, только у него это как-то внушительнее и весомее смотрелось, и невозмутимо ответил:

— Подозревают всех с высоким уровнем некромантии.

А я только сейчас поняла, что Эдвин тоже переоделся, причем и рубашка была другая... И мне странным делом не захотелось даже думать, в чем он испачкал ту, в которой был утром.

— А с Дэрбом что? — тихо спросила я.

Эдвин тяжело вздохнул, улыбнулся мне, обнял за плечи и повел к сапогам, недвусмысленно намекнув, что пора бы нам на полигон.

— Так нечестно, — возмутилась я, но послушно обулась, потому что на тренировку действительно пора было идти.

Некромант дождался, пока я обуюсь и надену шапку, а едва взялась за ручку двери сообщил:

— Гаэр-аш дал нам два часа на индивидуальные занятия.

— Что? — я обернулась.

Эдвин молча подтолкнул вперед, продолжая загадочно улыбаться.

Глава шестая: Последние тренировки

Полигон встретил нас завыванием ледяного ветра, подмерзшей грязью, что осталась после вчерашней расправы Гаэр-аша над нежитью, пустотой — нежити вообще видно не было, даже за оградой. Как и газетчиков. Последнее меня удивило.

— Эдвин, а работники пера где? — поинтересовалась я.

Усмехнувшись, он снял куртку, оставшись в тонком свитере, и протянул:

— Культяпка самым невероятным образом четверть часа назад вырвался с полигона и озверел... Ну а потом я уже за тобой пошел.

Вдали послышался подчеркнуто голодный рев нежити, следом визг перепуганных людей. Кто-то явно развлекался, и это точно были не газетчики.

— Слушай, а преподаватели не вмешаются? — запереживала я за Культяпку.

— Нет, — Эдвин направился в ангар, хрустя ледяной коркой покрывшей вчерашнее болото, — во-первых, на Культяпке браслет, свидетельствующий что нежить управляема, во-вторых, он гоняет их по краю обрыва, за пределами Некроса. Преподы там не ходят.

Это я помнила. Собственно оттуда, с края оврага, и началась вся эта история с Мертвыми играми. И пока Эдвин ходил в ангар, где его радостным рычанием встретили Яда и Коготь, я стояла и сквозь свист зимнего ветра пыталась услышать чего там у оврага происходит. Ветер иной раз доносил вместе с завыванием хруст ломаемых кустарников, вопли, рык... Да, им там точно не скучно.

Эдвин вернулся с двумя саблями, одной поменьше — явно для меня, и второй более пригодной для него. Хотя, сабля не шла ни в какое сравнение с двуручным мечом, которым обыкновенно орудовал некромант. Но, вопреки моим ожиданиям, парень воткнул оба орудия в грязь острием, после сообщил:

— Для начала отрабатываем четыре боевых аркана, ты отстаешь по боевке, после фехтование.

Я кивнула, но, несмотря на мое демонстративное согласие, Эдвин добавил:

— Один косяк — одно отжимание. Учти, это я еще мягко с тобой.

Невольно поежилась, и кивать не стала — отжиматься я точно не собиралась, чего бы не возмнил Эдвин. Ко всему прочему меня сейчас начал очень сильно беспокоить один момент — я не смогу увидеть ни одного боевого плетения не закрыв глаза. Некромант, заметив, что на его угрозу я никак не отреагировала, лишь загадочно улыбнулся и началось:

— Аркан Дакрой. Сильное, опустошающее резерв заклинание, применяемое в условиях прямой угрозы жизни. Основа — плетение семь, ударный момент — молния, пиковый момент — цепной разряд. Радиус поражения пятьдесят метров. Важнейший момент — направленный на живых, способен причинить вред. Соответственно требует высочайшей концентрации. Вопросы?

Я отрицательно покачала головой, не столько слушая Эдвина, сколько думая о том, как увидеть плетение. Ладони вспотели, стало как-то разом холоднее.

— Смотри внимательно, — приказал некромант.

И вскинул руки.

Я не увидела ничего. Абсолютно ничего. Скорее ощутила внутреннее напряжение, которое охватывает каждого мага, когда вблизи плетется опасный боевой аркан — мы все чувствуем изменения магического фона, точнее колебания его. Колебания я и ощутила.

Не выдержав, с силой зажмурила глаза — и вздрогнула.

Руки Эдвина светились синим. Вообще это типично для некромантии только в том случае, если идут огненные боевые плетения, но это был не огонь. Всплеск! Как удар кнута, и разряд молнии, разошедшийся цепным разрядом разветвившейся молнии.

А затем все исчезло, и я услышала:

— Риа.

Распахнула ресницы, испуганно посмотрела на Эдвина.

— Что-то не так? — напряженно спросил он.

— Нет, — поспешно солгала я.

— Ты глаза закрыла, — сообщил очевидное некромант.

— Я? — попыталась даже удивиться. — Ветер просто, слезиться начали.

Чуть прищурившись, Эдвин кивнул, а затем произнес:

— Еще раз. Будь внимательна.

И адепт вновь скидывает руки...

А я начала лихорадочно размышлять — плетение семь, применяется для проникающих поражающих заклинаний. Значит, сейчас силовые линии составляют каркас, по которому хлынет магия. Теоретически, линии должны прошить насквозь мишень или мишени, но мы сейчас одни. И это толкает на вопрос:

— Эдвин, а кто мишень?

Парень опустил руки, еще раз внимательно посмотрел на меня, нахмурился и вдруг спросил:

— Что происходит?

Попытавшись улыбнуться, я солгала:

— Ничего.

Эдвин молча оттянул ворот своего черного свитера, рванув его вниз, затем сложил руки на груди, после вновь прищурился, внимательно глядя на меня, а затем...

— Так значит, бред Дэрба оказался правдой.

И прозвучало это как-то угрожающе, так что мне мгновенно стало неудобно под темным взглядом Эдвина. И стремясь перевести тему разговора в более безопасное русло, я нервно попросила:

— Покажи еще раз, пожалуйста.

Чуть прищурившись, некромант несколько мгновений смотрел на меня, затем усмехнулся и задал вовсе неприятный вопрос:

— Как ты выгорела?

Я вздрогнула, и вовсе не от порыва холодного ветра.

— Гаэр-аш, — продолжил, глядя на меня так, словно читал все мысли, Эдвин.

Опустив глаза, я посмотрела на грязь под ногами, после тихо попросила:

— Давай вернемся к тренировке.

На Эдвина я больше не смотрела, но его взгляд ощущала отчетливо, тяжелый, пристальный все понимающий взгляд. И не выдержав, вскинула голову, посмотрела на некроманта и потребовала:

— Не надо меня жалеть!

— Я и не собирался, — серьезно ответил воин. Затем продолжил: — Я думаю.

— О чем? — осторожно спросила.

Улыбнулся. Вопреки внушительному носу придававшему некроманту хищный вид, когда

Эдвин улыбался, он казался почти красивым.

— Иди ко мне, — спокойно произнес некромант.

Я подошла. Даже не знаю почему. Эдвин снял с меня шапку, взял мою косу, расплел, растрепал волосы. Ветер тоже внес коррективы. После пару секунд парень оценивающе смотрел на меня, а затем достал кинжал.

— Эээ... — начала было я.

— Не дергайся, а, — устало потребовал Эдвин.

И ловко отрезал мне волосы по бокам впереди, удлив челку. Затем так же молча собрал все оставшееся в хвост. Я зло смотрела на некроманта, осознавая, что обзор у меня теперь с такой челкой значительно ухудшился.

— Нет, — парень отпустил мои волосы, — тренироваться будешь с распущенными. Но и укорачивать челку нельзя, волосы будут прикрывать твои глаза, и использование магии Смерти станет не столь очевидным.

Ветер начал трепать пряди, швыряя мне их в лицо и значительно отвлекая вообще от всего. Глянув на Эдвина, его короткие по меркам некромантов волосы, хмурую заметила:

— Ты глаза не закрываешь.

— Начнем с того, — парень улыбнулся, — что я могу вовсе их не открывать. Нас учат сражаться с повязкой на лице с детства. И большинство заклятий некромантии я определяю по движениям некромантов, но этому меня тоже долго учили. У тебя на подобное обучение времени нет, соответственно будем использовать подручные средства.

— Наголовные, — нахмурилась я.

— Хорошо, волосатые средства, — усмехнулся Эдвин. — Все, работаем.

Он отошел на пять шагов, и повторил уже ранее сказанное:

— Аркан Дакрой. Сильное, опустошающее резерв заклинание, применяемое в условиях прямой угрозы жизни. Основа — плетение семь, ударный момент — молния, пиковый момент — цепной разряд. Радиус поражения пятьдесят метров. Смотри внимательно.

Я закрыла глаза.

И все вмиг изменилось — черное стало белым, белое черным. На белой земле стоял, вскинув руки светлый некромант, пятном выделяющийся на фоне темного неба. И я увидела линии силы, призванной Эдвином. То, как заструилась из центра груди по рукам. Как стала накапливаться в ладонях, затем, электрическими разрядами проследовала к кончикам пальцев... Вспышка, и молнии разом ударили из всех пальцев, сплетясь в единый поток и разветвившись в пяти метрах от парня, чтобы ударить в землю, не причинив никому вреда. В землю, но разрядов было не менее двухсот, соответственно в боевых условиях это двести единиц нежити.

— Эдвин, — я распахнула глаза и посмотрела на некроманта, — аркан Дакрой случаев не к запрещенной магии относится.

— К условно запрещенной, — с улыбкой подтвердил парень. — Именно поэтому я и сказал «Сильное, опустошающее резерв заклинание, применяемое в условиях прямой угрозы жизни».

Напряженно глядя на него, я тихо спросила:

— И зачем ты меня ему обучаешь?

Улыбаться некромант перестал и сурово произнес:

— Чтобы ты могла защитить себя в критической ситуации, Риа. Я не Норт и не Гаэр-аш, в отличие от них я в боевых действиях участвовал неоднократно и превосходно осведомлен о

том, на что готовы пойти боевые некроманты ради победы. И не важно — победы в войне, битве или игре. Когда кипит кровь границы допустимого прекращают существование. А теперь упала, отжалась!

— Что? — не поверила я.

С самым суровым выражением лица Эдвин пояснил:

— Ты отвлеклась. Это косяк. Упала, отжалась!

Молча опустилась на грязную землю, отжалась. Поднялась.

— Повторяю, — произнес Эдвин.

И в третий раз использовал аркан. Я же отвлеченно подумала, что «сильное, опустошающее резерв заклинание» не слишком-то опустошает Эдвина, и вероятно дело в Эль-таиме. А у меня никаких накопителей, и сумею ли я сделать себе хоть какой-то артефакт сейчас, в условиях владения магией Смерти, я не знала. Но закрыв глаза проследила за арканом, запоминая последовательность вплетения сил в магическое плетение.

— Повтори, — приказал некромант.

Вскинула руки. Выплеснула силу в седьмое стандартное боевое плетение, ощущая, как потеплело в груди, и направила энергию к ладоням. В момент, когда магия запульсировала в их центре, стало почти больно, но едва разряды силы потекли к пальцам, чуть не сжала кулаки, вздрогнув от боли.

— Спокойно, — прозвучал голос Эдвина, — у тебя все отлично получается даже с первого раза. Боль вторична, игнорируй ее.

Собралась, выплеснула аркан. И поразилась тому, насколько я была слабой в сравнении с Эдвином — в землю ударило не более пятидесяти разрядов.

— Отлично для первого раза, — похвалил некромант. — Воды?

Я открыла глаза, кивнула, ощущая нахлынувшую слабость.

— Шатает? — протягивая свою фляжку, спросил Эдвин.

Молча кивнула, не видя смысла скрывать.

— Плохо, — произнес он, — но не смертельно. Делай глоток и продолжаем.

Арканы Дакрой, Огненный шторм, Плеть — мы изучили в течение часа. За это время я восемь раз безропотно отжалась, раз свалилась от переутомления, дважды просила Эдвина повторить арканы, потому что не схватывала все с первого раза. И не удивительно — подобное только выпускники изучают, и то после курса техники безопасности.

До фехтования не дошли, и в момент, когда я девятый раз отжималась от земли, услышали удивленный свист, а затем насмешливое замечание Дана:

— Развлекаетесь?

Где-то вдали раздался отчаянный вопль «Помогите!». Я, прекратив отжиматься, прислушалась, Дан и Эдвин повернулись на звук и тоже примолкли, вслушиваясь. Очередной порыв ветра принес еще и «Спасите!!!».

— Чего происходит? — любопытствовал Дан.

— Культипка работников пера воспитывает, — ответил Эдвин.

Затем подошел ко мне, поднял, поставил на ноги, придержал, чтобы не свалилась.

— А еще тренировка с Гаэр-ашем, — протянул Дан. — Кстати, что изучали?

Я хотела было ответить, но Эдвин перебил сухим:

— Отрабатывали фехтование. Норт будет?

Совершенно не поняв, от чего Эдвин солгал, я тем не менее вмешиваться не стала, и

направилась к бочке у стены ангара, чтобы снять мокрые и грязные перчатки. И едва отошла, услышала тихий вопрос Дана:

— В чем дело?

— До дела еще не дошло, — достаточно жестко ответил Эдвин.

— Ты меня в чем-то подозреваешь? — прямо спросил Дан, проявив невероятную проницательность.

— Нет, — в голосе Эдвина прозвучал металл, — но ты видел, что сделали с Культяпкой, уверен что ты чист?

— Уверен, — прозвучало в ответ.

Секундная пауза и спокойное:

— Свою спину я тебе подставляю не задумываясь, Рию нет. До проверки Гаэр-ашем держись от нее подальше.

— Было еще одно покушение? — совершенно спокойно поинтересовался Дан.

Не знаю, что ответил Эдвин, но когда я повернулась, оба некроманта с усмешками наблюдали за толпой газетчиков, мчащейся по тропинке к административному зданию Некроса, в то время как позади них рычал и угрожающе подвывал неторопливо бегущий Культяпка. Догнав тружеников пера до первого здания, зомби развернулся и совершенно спокойно направился к нашему полигону. По дороге осторожно обойдя двух скелетов, которые совершали непонятные для всех мимопроходящих действия — ставили стул, садились, вставали, чуть подвигали вперед, снова садились...

— Что это со скелетами? — удивился Дан.

Не то чтобы я кому-то не доверяла, но рассказывать как Гобби над скелетами и горгулями поиздевался почему-то не хотелось. А затем нам стало не до скелетов, потому что у ворот показался Гаэр-аш, суровый, злой и сосредоточенный.

— Распад, — произнес ректор, стремительно приближаясь к нам, и снимая черный плащ, — семь атак.

Лично я не совсем поняла, о чем вообще речь, но Дан и Эдвин мгновенно скинули собственные плащи и отошли на середину полигона. А затем повернулись и выжидательно посмотрели на меня. Я так и застыла у ангара с мокрыми руками.

— Каро, особое приглашение требуется? — поинтересовался Гаэр-аш. — Что с волосами?

— Стараюсь соответствовать стилю Некроса, — буркнула я, и, не снимая куртку, потому что не весна на дворе, поспешила к парням.

Едва подошла, Эдвин сообщил:

— Метод Гавара.

И я, не то чтобы вспомнив, просто никогда не забывая о том, что являюсь слабым звеном, встала позади некромантов. Метод Гавара — боевое построение, в котором слабый маг находится сзади, по центру между сильными некромантами и не может использовать боевые заклинания выше пятого уровня, чтобы не навредить товарищам.

— Распад — заклинания уничтожения инферно, в основе которого нарушение внутренних связей нежити, — напомнил Эдвин.

И хорошо, что напомнил — мы заклинания распада учили два месяца назад, я вообще сейчас толком ничего не поняла.

В следующее мгновение послышался дикий, сотрясающий все вокруг вой! Инферно —

управляемый поток нежити высокого девятого уровня. И это не зомби — это опасные, наделенные разумом призраки, которые опасны и сами по себе, но объединенные некромантом в единый поток...

Потемнело мгновенно!

Инферно приняв форму огромного черного черепа с призрачным зеленоватым шлейфом, раззявив пасть, ринулось на нас! Эдвин и Дан разом вскинули руки, засиявшие голубоватым сиянием, а я судорожно пыталась вспомнить хотя бы одно, хотя бы самое простое заклинание распада! Хотя что-то! В голове проносилось «Иссушение», «Танарс» «Сожжение методом Крайслера», «Отрицание», «Истхан»... А огромная призрачная черная голова скелета неслась на нас, грозя поглотить, накрыть черной лавиной, уничтожить, высосать все жизненные силы...

И как-то совсем неожиданно, в голове вспыхнуло «Аркан Кхада»!

В следующий миг я вскинула левую руку, и направив поток всех оставшихся у меня сил в аркан, сжала кулак.

И все прекратилось!

Прекратился вой! Застыл раззявленный черный призрачный череп... Перестал давить ужас неотвратимого... И даже в чем-то стало легко и спокойно, вот только:

— Адептка Каро, будьте столь любезны, отпустить мое инферно, — прозвучал злой голос Гаэр-аша.

И только тогда я ощутила как бьется и пульсирует в ладони чужая сила, и как холодеет внутри, от осознания, что я только что использовала заклинание, разработанное Кхадом — магом, одно упоминание о котором находится под запретом.

Разжала пальцы, выпуская чужой поток силы.

Инферно, взревев втрое громче, набросилось на нас. Я, окончательно растерявшись, стояла ничего не предпринимая, Дан и Эдвин слаженно ударили в казалось бы последний миг, и инферно рассыпалось на сотню обозленных призраков. Дан, окутавшись тьмой, применил аркан захвата «Танарс», сковывая призраков, Эдвин использовал Дакар — одно из высших заклинаний распада, лишив призраков силы. И все было кончено.

— Отлично, — похвалил ректор.

А мне хотелось провалиться под землю. Взять и провалиться... заодно сердце Некроса проверить и посидеть в тишине и спокойствие. И глаза не открывать, потому что даже сейчас, опустив голову и зажмурившись, точно знаю, что на меня смотрят и Дан, и Эдвин, не говоря о ректоре.

— Риа, — зло произнес Эдвин.

— Упасть, отжаться? — с надеждой спросила я, приоткрывая один глаз.

Дан, не скрываясь, захохотал. Эдвин нахмурился. Гаэр-аш хмуро произнес:

— Отойти к ангару, постоять и подумать о своем поведении!

Я потащила к ангару, думая почему-то не о поведении, а о том, что перехватила заклинание Гаэр-аша. И чем ближе подходила к стене, тем больше осознавала — я перехватила заклинание Гаэр-аша. Я! Заклинание ректора! Целое инферно! Я...

У ворот показался Норт. Точнее я сначала заметила движение, присмотрелась и увидела входящего Норта. Сердце почему-то сжалось. И даже не знаю от чего. Выглядел Дастел не самым лучшим образом — волосы мокрые, куртку, свитер и рубашку, он стянул с себя едва ли не разрывая ткань, и оставшись в одной черной майке, направился к ректору, отшвырнув собственную одежду прямо на землю. Я постояла, посмотрела ему вслед, сходила, подняла

все вещи, отнесла на каменную скамейку, где уже лежала одежда остальных.

— Норт, — услышала я раздраженный голос ректора, — тебе отсыпаться нужно.

— Выспался, — хмуро ответил Дастел. — Почему Риа у стены?

— Наказана, — поправляя волосы, ответил Дан.

Норт кивнул, не обернувшись и так и не посмотрев на меня, затем произнес:

— Нам через три дня выезжать, времени в обрез.

Гаэр-аш некоторое время смотрел на Дастела, затем, неодобрительно покачав головой, сообщил:

— Твой организм еще не перестроился.

— Справлюсь! — отрезал некромант.

Хмыкнув, ректор поинтересовался:

— Играем по-взрослому?

Парни переглянулись и кивнули.

И Мертвый лес огласил голодный рев!

Задрожало все! Земля, вода в бочке, возле которой я стояла, и даже казалось сам воздух!

А после одним плавным движением сложилась со стороны Мертвого леса, и стало ясно, что это Тьма! Самая настоящая и основательная!

— Вмешиваться не смей, — холодно произнес, оказавшийся рядом со мной лорд Гаэр-аш.

А я бы и не рискнула! Потому что из-за мертвых деревьев и отчаянно трещавших мертвых кустов на полигон хлынула измененная нежить! Харганы — бело-зеленые отвратительные создания с руками подобными червеобразным отросткам. Опасны эти умертвия были тем, что их конечности входили в почву, там, молниеносно прорывали ходы, в полной безопасности от атак некроманта, и вырывались из-под земли неожиданно, атакуя снизу. А укус такой конечности заражает трупным ядом!

— Лорд Гаэр-аш, Норту же плохо, — испуганно прошептала я.

Ректор окинул меня насмешливым взглядом, затем подтвердил:

— Норту плохо.

И вновь повернулся к ребятам, следя за тем, как хлынувшие на полигон харганы, коих было не менее сорока особей, распределяются полукругом, для более успешной атаки. Харганы опасны! Один из самых опасных видов нежити! В случае столкновения с одной особью рекомендация «отступить», здесь же четыре десятка!

— Лорд Гаэр-аш, — простонала я.

— Риаллин, — в голосе ректора послышалась насмешка, — перед тобой трое лучших выпускников Некроса. Лучших за последние лет двадцать. Кроме всего прочего, сейчас, благодаря тебе, они стали сильнее, собраннее ответственнее, и я уже не говорю об Эль-таимах, обеспечивших им существенное преимущество.

Рев, у впереди стоящих харган отрасли конечности, врезаясь в землю, полигон был мгновенно вспахан ринувшимися к некромантам отростками, дрожало все!

— И единственное слабое звено в команде ты, Риа, — продолжил ректор. — Мало того что слабое, так ко всему прочему еще и несдержанное.

Я посмотрела на лорда Гаэр-аша, вздрогнула, поймав его холодный взгляд в ответ, и почувствовала себя как... Да, я знаю, что парни сильнее, они вообще боевики, а я артефактор, но необязательно было так об этом напоминать.

Белые червеобразные конечности разом вспахали землю, стремясь добраться до

некромантов. Чтобы не закричать, я закрыла рот руками, в ужасе глядя на то, как разом взвившись в воздух Дан и Эдвин избежали нападение.

Но не Норт!

Дастел, даже не пошевелившись, стоял закрыв глаза и направив раскрытые ладони к земле...

Время словно замедлилось...

Я видела, как раззявив когти, ужасные червеобразные пасти устремляются к некроманту. Как практически вонзаются в его тело... Как...

Как в единый миг Норт вспыхивает синим пламенем!

Над полигоном прозвучал испуганный крик, но я тут же вновь зажала рот, на этот раз значительно сильнее.

Опустились на размерзшую грязь полигона Дан и Эдвин, оба при оружии уже, но сражаться на данный момент было не с кем — застывшие на краю поля харганы оторопев взирали на обгорелые обрубки собственных конечностей, а пламя вокруг Норта медленно угасало...

— Дастел, — негромко позвал лорд Гаэр-аш, — будь столь любезен сообщить мне, как называется примененный тобой боевой аркан.

Движение ректора и нежить на краю полигона замирает, словно вмиг скованная льдом. Я, не сдержав вдоха облегчения, посмотрела на главу команды Некроса по Мертвым играм. Норт тряхнул головой, будто отгоняя какие-то мысли, затем посмотрел на Гаэр-аша, после медленно произнес:

— Это не боевой аркан.

— Неужели? — подчеркнуто издевательски переспросил ректор. — Тогда быть может заклинание?

Дастел передернул плечом и был вынужден сознаться:

— Ннет...

— Замечательно, — но в тоне Гаэр-аша содержались совершенно иные эмоции, прямо противоположные. — Норт, ответь, мне имеет смысл разжевывать тебе причины моего недовольства, или сам сообразишь, насколько идиотским является твой всплеск силы?

Невнятно выругавшись, Норт произнес:

— Сам понял.

— Искренне на это надеюсь, — холодно произнес ректор.

Движение, и весь полигон охвачен призрачным зеленоватым сиянием. Еще движение, и харганы, оттаяв, с воем бросаются в бой. Вспарывают мертвую землю червеобразные конечности, разом взвиваются вверх три некроманта, разом ударяет темно-фиолетовое пламя магии Смерти, заставляя замереть жуткие когтистые пасти. И едва Дан, Норт и Эдвин вновь оказываются на земле, в ход идет оружие, разбрызгивая по промерзлой земле зеленоватую слизь и бело-сероватые ошметки. А затем три одновременно ударивших в харган заклинания — крест Освера, промчавшийся зеленоватым огнем, охватившим нежить, поток Грона — распыливший конечности умертвий, и довершил все удар Норта, применившего аркан распада.

Несколько секунд, и все трое повернулись к Гаэр-ашу, ожидая его слов.

Ректор кивнул, принимая их победу, затем произнес:

— Отличная командная работа, отточенные техники, с умом примененные боевые заклинания. Минусы назовете сами?

Парни переглянулись. Сникли.

— Я не посмотрел, куда приземлился, Эдвин прикрыл, — сообщил Дан.

— Неверно рассчитал количество харгановых щупалец, следовало усилить поток в «заморозке», — отчитался Норт.

Эдвин промолчал.

— Правильно, Харн, тебе виниться не в чем, ты молодец, — похвалил Гаэр-аш, — и голова на плечах имеется, и думать не разучился. Еще раз!

И снова затрещали деревья, взвыла призванная измененная нежить, хлынула потоком на полигон, прорываясь сквозь зеленоватое окружившее поле сияние.

— Ты снова закрываешь глаза, Каро, — совершенно спокойно произнес лорд Гаэр-аш.

— Я... — не сразу нашлась что ответить, — я просто...

— Иначе ничего не видишь, — завершил ректор за меня. — Понимаю, мне жаль, но столь открыто демонстрировать свою слабость нельзя.

Рев и к харганам присоединились эгшири — измененная нежить, из животов которой вырывались ядовитые щупальца, зона поражения двенадцать метров, подпустишь столь близко и смерть неизбежна. Стоит ли удивляться, что о разговоре с главой Некроса я забыла в тот же миг.

— Знаешь, чему обучают боевиков на первом курсе? — совершенно спокойно поинтересовался Гаэр-аш.

Отрицательно мотнула головой.

— Бить не кулаком, а магией, — пояснил ректор.

Удивленно взглянула на него. Гаэр-аш стоял расслабленно, сложив руки на груди, и пристально наблюдал за действиями команды по Мертвым играм, ожидающей приближения лавины нежити.

— Удар кулаком — естественная примитивная рефлекторная реакция, — продолжил он, — но в магии примитиву места нет. И боевиков-некромантов обучают в первую очередь думать, и лишь во вторую — бить. Это самый сложный этап в обучении и на первом курсе отсеивается сорок процентов адептов. Но тех, кто прошел, можно смело допускать к сражениям, остальных нет. Тебя, к слову, нельзя.

Гаэр-аш произнес все буднично, безразлично, но мне от этих слов стало не по себе.

— Три дня, — ректор едва заметно поморщился, — три дня...

Орущая нежить достигла линии поражения — харганы запустили щупальца в стылую землю, эгшири продолжали мчаться на парней. Эдвин и Норт достали мечи, Дан готовился нанести удар, как только зеленовато-белые щупальца начнут атаку.

— Итог занятий с Харном? — задал неожиданный вопрос ректор. И добавил: — Помимо новой прически.

Замявшись, промолчала.

— Что изучили? — следующий вопрос.

— Аркан Дакрой, — ответила нехотя.

— Плохо, — констатировал Гаэр-аш.

Внезапно атакующая команду Мертвых игр застыла. И сияние застыло. И все застыло. Потом послышался дикий рев... газетчиков. И несчастные работники пера, завывая, матерясь, костеря Некрос на все лады, промчались по нашему полигону прихрамывая, падая и поднимаясь, не разбирая дороги и... влетев в ангар! После чего послышался звук закрывающихся в помещение дверей и лязг засова. Мы все потрясенно проследили за

скрывшейся в ангаре толпой и поэтому чуть не пропустили явление Культяпки, который бежал вразвалочку чрезмерно фальшиво ревя и держа в каждой лапе по конечности дракона, видимо для излишнего устрашения газетчиков.

— Не понял, — произнес Норт.

— Развлекаемся, — хмыкнул Эдвин.

— Культяпка, ты мой герой, — рассмеялся Дан.

И тут Гаэр-аш задумчиво спросил:

— Коготь, Яда и Гобби где сейчас?

Из ангара донесся истерический визг. Судя по всему, работники столичных газет обнаружили нашу отдыхающую нежить. И уже никого из нас не удивила вновь лязгнувшая дверь ангара, и помчавшаяся из него с отчаянными воплями толпа.

Ректор махнул рукой, убирая защиту и заслон на воротах полигона, толпа кубарем выкатилась за ограждение и помчалась по дороге прочь...

— Ой, они же в лес бегут, — прошептала я.

— По закону, я не несу ответственность за них вне территории Некроса, — усмехнулся Гаэр-аш.

И повернулся к орку, который бочком пытался прошмыгнуть мимо.

— Достаточно, — отрезал ректор.

Культяпка сник. Из ангара вышли Коготь, Яда и Гобби, посмотрели на нас, зевнули, ушагали обратно. Культяпка направился к ним. Визги удаляющейся прессы звучали все тише.

И вдруг неожиданно стихли. Чтобы раздаться втрое громче!

— Они возвращаются, — искренне удивилась я.

— Естественно возвращаются, там заперто, — усмехнулся глава Некроса. — Не хватало, чтобы толпа оголтелых бумагомарателей мне реликтовую нежить до нервного срыва довела. Норт, тренировка!

И застывшие до этого момента монстры, вновь бросились в атаку, а зеленоватое сияние начало окутывать полигон, но я все равно успела увидеть, как газетчики с диким видом проносятся мимо ворот, на этот раз по направлению к Некросу.

Сражение завершилось достаточно быстро — как подкошенные рухнули эгшири, не добежав до опасной отметки в двенадцать метров, Норт призвал инферно, Дан усилив его распылил харган, пока Эдвин добивал не в меру активно пытающиеся цапнуть некромантов конечности. И все было кончено. Движение руки ректора освободило полигон от ошметков умертвий, а потом...

— Вы обедать, — приказал Гаэр-аш подошедшим адептам Некроса. — Каро остается.

К моему искреннему удивлению никто даже не возразил, только Эдвин уточнил:

— Медитация?

— Иного выхода не вижу, — подтвердил ректор.

Парни посмотрели на меня с сочувствием.

Глава седьмая: Помощь Керона

Черная гончая смотрела на меня печальными тускло сияющими глазами, вытирающий пыль призрак тоже счел своим долгом глянуть призрачными провалами глазниц, прежде чем перелететь к более высокой полке, где принялся протирать книги...

— Каро, — окликнул ректор.

Закрыла глаза, снова попыталась сосредоточиться. Не думала, что на первом курсе боевые некроманты в основном сидят на ковричках в попытке овладеть контролем над своим дыханием! Немыслимо!

Раздался шелест крыльев, приоткрыв глаза, проследила за тем, как нетопырь с внушительным свитком слетел от окна на стол Гаэр-аша, занятого документацией академии.

— Риаллин!

Снова зажмурилась.

Вдох-выдох, концентрация на дыхании... скучно и совершенно бессмысленно. Бессмысленность больше всего и злила.

— Не сопи, — Гаэр-аш казалось был полностью погружен в работу, но при этом отслеживал меня полностью. — В любой иной ситуации я отпустил бы тебя на ужин, но не сейчас. Будешь сидеть здесь, пока не перейдешь первый порог самоконтроля.

Вдох-выдох, попытка не скрежетать зубами и взгляд украдкой на часы. Семь вечера. Время ужина и да — я в кабинете ректора уже пять часов сижу на проклятом тьмой коврик! Гнев закипает где-то внутри! Уже заходили Дан и Норт. Оба ушли не сказав мне ни слова. А я устала. Устала настолько, что не могу больше сидеть на коврик, хочется лечь и заснуть, пусть и без ужина.

Скрипнула дверь.

Приподняв ресницы, увидела Эдвина. Некромант улыбнулся мне, затем прошел к демонстративно его не замечающему ректору, остановился рядом со столом главы Некроса.

— Нет, — не поднимая головы, произнес Гаэр-аш.

Эдвин оглянулся на меня, поймав мой умоляющий взгляд, вновь развернулся к ректору и тихо произнес:

— Я вымотал ее на тренировке, Рие может банально не хватить сил.

Оторвавшись от бумаг, Гаэр-аш поднял голову, посмотрел на адепта и сказал:

— Харн, ты ведь все понял.

— Про то, что Риа маг Смерти? — уточнил Эдвин. — Это было очевидно.

— Тогда к чему разговор?

И ректор вновь вернулся к документации, а я поняла, что шансов на спасение нет. Тяжело вздохнув, Эдвин подошел ко мне, присел напротив на корточки, протянув руку погладил по щеке, желая приободрить. А мне так стало меня жаль, до слез.

— Малыш, это не настолько бессмысленно, как кажется на первый взгляд, — тихо произнес некромант, и достав платок, передал мне. — Медитация незаменима в плане самоконтроля, усиливает магический поток, как впрочем, и мыслительный процесс. Ты просто расслабься, следи за дыханием, перестань злиться и все получится. И знаешь, — он улыбнулся, — представь, что ты слышишь шум моря, или леса, мне всегда помогало сконцентрироваться.

Эдвин подмигнул и поднялся. Вскоре за ним закрылась дверь.

Я вытерла дорожки слез, под пристальными взглядами обеих гончих и сидящих на подоконнике летучих мышей, засунула платок в карман, закрыла глаза.

Моря я никогда не видела, но в лесу провела столько дней своего детства. И концентрируясь на дыхании, представила, что вокруг меня шумят упирающиеся в облака деревья, тихо поскрипывая вековыми стволами на ветру...

И провалилась непонятно куда!

В единый миг, не успев даже вдохнуть!

Не осознав, что происходит!

Стало холодно. Неимоверно, неистово, жутко! Холодно настолько, что я вмиг перестала ощущать собственное тело, но распахнула ресницы.

Серая пелена поглотившая цвета, звуки, запахи, окутала, меня мою реальность и с замирающим от ужаса сердцем, я увидела сидящего на вершине скалы мужчину, чья поза почти полностью повторяла мою, глаза были закрыты, руки помещены на колени... Но самое невероятное произошло, едва я поняла, что сидящий на скале давно не числится среди живых — это был лич. Тот самый лич!

И тут я услышала насмешливый голос кого-то стороннего, кто общался с давно умершим магом:

«В девчонке пробудился маг Смерти? Забавно. Избавься от нее.»

Лич не пошевелил губами, но следующая услышанная мной фраза принадлежала именно ему.

«Проблематично. Сильный дар, плюс защита Гаэр-аша».

Жуткий, пугающий вовсе не веселый смех, и хриплое:

«Маг Смерти после пробуждения слаб, но обретя силу, возьмет под контроль всех, в ком более нет жизни. Всех, сказн, включая тебя. Избавься от девчонки любыми средствами».

Мне стало значительно холоднее, озноб волнами, словно от порывов холодного ветра, проходил по телу, но — я хотела услышать, что будет дальше.

И услышала слова лича:

«Девчонку защищает сердце Некроса. На ней два кольца — кольцо Дастел Веридан, и обручальное кольцо Гаэр-аша, она...»

«Она смертная, — прервал его речь неведомый мне собеседник, — и на данный момент слабая смертная. Действуй решительней, от этого зависит столь многое, не так ли?!»

В последней фразе мне отчетливо послышалась не только насмешка, но и угроза.

И этот третий покинул беседу.

Усилился ветер, мне становилось все холоднее, я...

Возвращение в реальность оказалось подобно падению в пропасть! Огромную, бездонную пропасть! Я закричала, а после вдруг распахнула глаза и увидела сидящего напротив Гаэр-аша, который спокойно сжимал мои ладони. Но спокоен был только он — сотни, фактически сотни призраков метались по кабинету ректора, стояли оскаленные со вздыбленной шерстью мертвые гончие, дрожали перепуганные летучие мышки и заинтересованно ожидали развития событий солидные нетопыри.

— Риа, — очень мягко, почти с нежностью произнес глава Некроса, — дорогая, видишь ли есть существенная разница, между медитацией, то есть фактическим усилением контроля над собственным телом, и астральными путешествиями — суть которых во временном покидании этого самого тела. И, должен сказать, не слишком разумно покидать свое тело в месте, где обретают сотни душ, готовых на все, чтобы вернуться к жизни.

Потрясенно слушая его, я перевела взгляд на призраков... жутких, обозленных как стая оголодавших волков призраков!

— Где летала? — не позволяя окончательно перепугаться, спросил Гаэр-аш, чуть поглаживая мои ледяные пальцы.

— А, на скале... там где все серое... лич с кем-то разговаривал... серый... ветер, холодно очень... меня приказали убить как можно быстрее... лича чем-то шантажируют и... — поток слов иссяк.

Я посмотрела на ректора, перевела взгляд на призраков, вздрогнула, от одной мысли о том, что могло произойти, не будь здесь главы Некроса...

— Так, — угрожающе-спокойно произнес Гаэр-аш. — Что еще?

А что могло быть еще?

Закрыла глаза, тяжело дыша и пытаюсь осознать все произошедшее.

— Лич сказал, что меня защищают сердце Некроса и вы, — сипло продолжила, и запнулась.

Открыв глаза, посмотрела на ректора. Гаэр-аш поднялся, потянул меня за собой, провел до кресла, усадил в него, после отошел к окну и некоторое время смотрел в быстро темнеющее небо. А затем прозвучали тихие слова:

— Никаких Мертвых игр, Риаллин.

Разувшись, забралась с ногами на кресло, руки на груди сложила и выдвинула свой аргумент:

— Гобби, он уже...

— Гобби мертв, а ты не способна контролировать свою силу, и соответственно абсолютно беззащитна, — Гаэр-аш развернулся, направив на меня злой взгляд. — Ты останешься в Некросе, под защитой. Норт с моим решением согласится.

А я устала до слез, безумно хочется спать, и поест бы, а можно просто спать, лечь где-нибудь, растянуться и вообще, сколько можно за меня все решать?!

— Норт возможно и согласится, а я нет, — выдерживаю взбешенный взгляд ректора.

— Неразумное решение, — холодно произнес глава Некроса.

Молча пожала плечами. Пусть и неразумное, но мое. Ко всему прочему, после услышанного разговора стало ясно — мага Смерти лич и его хозяин не потерпят, и тут дело уже не только в Мертвых играх.

Воздух вокруг ректора заискрился синими вспышками, но не воспламенился. Несколько секунд Гаэр-аш пристально смотрел на меня, затем прозвучал вопрос:

— Так хочется перейти в мир мертвых?

В мир мертвых мне не хотелось. Как не хотелось и оставаться в Некросе. Несмотря ни на что, своим домом и местом я считала Академию Прикладной магии и в частности артефакторский факультет, а некромантия — как непрерывный кошмарный сон, из которого никак не можешь вырваться. И мне бы Гобби, Пауля и Салли, и обратно в мою теплую уютную комнатку, где стены и пол из светлого дерева, а в сотнях шкафчиков мои заготовки для артефактов, и преподаватели, которые никогда не смотрели на меня как на девушку, и адепты, которых гораздо больше интересовал принцип замыкания Грона, нежели я! Как же я устала...

— Никаких Мертвых игр, — повторил лорд Гаэр-аш.

— Это мне решать, — тихо возразила, продолжая испытывать приступ безумной жалости к себе.

В конце концов, закончу Некрос, получу диплом и лицензию и буду все в своей жизни решать сама! И больше никто и никогда не будет мне указывать! А потом закончу артефакторский факультет и начну путешествовать, к примеру, всегда мечтала посетить Темную империю, мне, как магу Смерти там теперь самое место, они вообще очень лояльно к редким магическим дарам относятся. И Гобби оживлю, и мы поедем в королевство гоблинов и найдем его родственников, должен же был хоть кто-то остаться. И у меня вся жизнь впереди!

Поднявшись с кресла, я босиком прошла до коврика, села, закрыла глаза и начала концентрироваться на собственном дыхании. Надо, так надо. И если до утра придется просидеть — я просижу.

— Риаллин, на сегодня все, ты не выдержишь больше, — прозвучал голос ректора.

— А у меня есть выбор? — спросила, не открывая глаз.

— Есть, и ты знаешь об этом.

Приподняв ресницы, мрачно посмотрела на Гаэр-аша, и, не выдержав, сказала:

— Со своими родственниками, королем, престолонаследием и желаниями разбирайтесь сами!

Лицо ректора окаменело.

Закрывала глаза на этот раз я не столько от желания вернуться к медитации, сколько от страха — когда не видишь, не так страшно. После подумала о Гобби... вспомнила, как впервые после того, как у меня появилась новая сила, Гаэр-аш сказал «найди Гобби», и, задышав глубоко и медленно попыталась...

— Это было жестоко, Риаллин, — холодно произнес глава Некроса.

И во мне словно что-то сломалось. Распахнув ресницы, зло спросила:

— А вы, по-вашему, были менее жестоки как в словах, так и в действиях?!

Его ответа я не ждала, вновь закрыв глаза, попыталась ощутить присутствие Гобби в Некросе, потянулась к нему, но негодованием на саму себя поняла, что все же жду ответа ректора. Действительно жду. А его не последовало. Открыв глаза, взглянула на молча взирающего на меня Гаэр-аша, невольно поежилась.

— Ты ждешь извинений? — не отвечая на мой, задал собственный вопрос ректор.

Отрицательно покачала головой.

— А чего же ты ждешь? — в голосе отчетливо прозвучала насмешка.

— А вы не догадываетесь? — не знаю, почему это произнесла.

Вероятнее всего из-за насмешливого тона Гаэр-аша.

Глава Некроса некоторое время молчал, затем отвернулся, поизучал взглядом потолок и глухо спросил:

— Чтобы я не вмешивался в твою жизнь и оставил тебя в покое?

В первое мгновение я даже не поверила, что он сам это произнес, но почти сразу с энтузиазмом ответила:

— Да!

Лорд Гаэр-аш улыбнулся, вновь посмотрел на меня и все с той же насмешкой выдал:

— Без моей защиты ты не проживешь и суток.

Холодок прошел по спине, вспомнилось, как я вот только что едва не стала пристанищем жаждущих возвращения к жизни призраков, и все же:

— Я рискну.

На губах ректора промелькнула странная усмешка и он проникновенно спросил:

— Уверена?

Окончательно разозлившись, я выпалила:

— А вы осознаете, что не оставили мне выбора?!

— Как я уже сказал, выбор у тебя есть, и ты знаешь об этом, — холодно произнес лорд Гаэр-аш.

Сжав кулаки, зло ответила:

— Выбора у меня нет. Потому что между вами и смертью я выберу смерть.

— Юношеский максимализм. Пройдет через пару лет, — он откровенно насмехался.

Разжав пальцы, вновь сжала кулаки, сжала до боли, чувствуя, как ногти ранят кожу, затем посмотрела на ректора, и, стараясь говорить спокойно и уверенно, чтобы не спровоцировать очередной и весьма неприятной насмешки с его стороны, тихо сказала:

— Быть с вами — смириться со смертью собственных надежд, умереть — смириться со смертью. Как видите, выбора нет, просто в первом случае я потеряю все, за что боролась с самого детства, и от этого будет безумно больно, во втором — боль уже утратит значение.

Гаэр-аш сложил руки на груди, мрачно взирая на меня.

Затем поинтересовался:

— Быть любимой, оберегаемой и желанной женщиной — крушение всех твоих надежд?

С нескрываемым изумлением посмотрела на ректора, улыбнулась... улыбка стала усмешкой, а глаза наполнились слезами... Опустила голову, пытаюсь их скрыть.

— Интересная реакция, — задумчиво произнес ректор.

— Интересная постановка вопроса, — отозвалась я. И, глядя в пол перед собой, тихо добавила: — Вот только я хочу быть не только любимой, я надеюсь, что и сама буду любить...

Признание, которое я не озвучивала даже самой себе. Но я очень любила дядю Тадора, любила искренне и всем сердцем, и где-то в глубине души теплилась надежда, что я еще кого-нибудь смогу полюбить так же сильно. Наивно и глупо, я понимаю, но жить без надежды еще глупее.

Ректор промолчал.

Через некоторое время я подняла голову и взглянула на него. Гаэр-аш улыбнулся, с какой-то грустью и даже тоской, и произнес:

— В каждой паре один любит, второй позволяет себя любить. Это реальность, Риаллин, жестокая, но объективная реальность. Понимаю, что в силу своего возраста ты убеждена в существовании сказочно прекрасной взаимной страсти, и не буду спорить, она существует. Правда ее существование длится от двух недель, до двух месяцев, а дальше... В каждой паре один любит, второй позволяет себя любить.

Сложно сказать почему, но тихо ответила:

— Я бы предпочла любить.

Усмехнувшись, Гаэр-аш чуть растягивая гласные протянул:

— Женщины неизменно выбирают второй вариант, ты поступишь так же.

Не став спорить, сказала:

— Возможно, хоть и сомнительно, но это будет мой выбор.

Ректор повел плечом, демонстрируя явное неверие, затем приказал:

— Поднимайся, на сегодня достаточно и слов и упражнений. — Усмехнулся и добавил: — И можешь испытывать ко мне весь спектр чувств от ненависти до негодования, но ты не справишься, Риаллин, соответственно я не допускаю тебя к участию в Мертвых играх.

Внутри все похолодело, но прежде чем я попыталась возразить, Гаэр-аш добавил:

— И не советую пытаться заниматься медитацией вне моего поля зрения, даже из твоего повышенного чувства упрямства. Мне ведь не нужно объяснять, насколько плачевным может быть итог? — рука с аристократически длинными пальцами указала на все еще обозленных призраков.

Ощущение, что у меня под ногами разверзся ад!

— Можешь идти, — милостиво дозволил глава Некроса.

Я осталась сидеть на месте, потрясенно глядя на ректора. Глаза, против воли, наполнялись слезами.

— Не стоит на меня так смотреть, — лорд Гаэр-аш был совершенно невозмутим и непробиваемо спокоен, — какими бы ни были мои чувства к тебе, факты более чем красноречивы — ты не способна контролировать свою новую магию, не особо стремишься ее скрыть, даже после того как была предупреждена о последствиях, твое умертвие не готово к играм, ты не готова к играм. Все что мы имеем в сухом остатке — твое ослиное упрямство и мое чувство вины, которое этому упрямству потворствовало. В итоге исход Мертвых игр я могу предсказать уже сейчас — вы проиграете, король демонстративно вручит Танаэшу Рханэ тебя в качестве дополнительного приза, мне придется вмешаться, сообщить о кольце которое уже носишь и взять на себя обязательства по престолонаследию. И вероятность подобного исхода на данный момент — 100 %.

Слезы сорвались с ресниц.

— Прекрати, — голос ректора холоден и спокоен. — Отбрось эмоции и осознаешь, насколько я прав, а проигрыш на играх не выгоден ни мне, ни Норту, ни даже тебе, Риаллин. Попытаешься в следующем году, если сильно захочешь. Свободна.

Я не стала ни о чем просить — отчетливо видела, что на меня очень злы. И после этого Гаэр-аш назвал жестокой меня?!

Медленно поднялась, обулась, забрала свои вещи и, не оборачиваясь, вышла из кабинета ректора. Слезы душили, ощущение того, что все кончено, добивало.

Как в тумане я шла по коридорам Некроса, натываясь на адептов, направляющихся ужинать, и не видя никого. У меня вообще было ощущение, что все проносится мимо меня в сером тумане, и только горящие по стенам факелы указывали, что я все еще пребываю в этой безрадостной реальности.

В какой-то момент кто-то взял за плечи, встряхнул, что-то сказал — я не видела и не слышала ничего. Было больно, безумно больно и невероятно обидно.

Удар по щеке отрезвил вмиг!

Вскрикнув, прижала ладонь к лицу, подняла голову и встретила с яростным взглядом одного единственного глаза.

— Каро, ты бы еще забила в истерике прямо посреди коридора! — рявкнул на меня профессор Керон.

Замерла, тяжело дыша, чтобы не расплакаться.

— Довели девку, — укоризненно произнес преподаватель. — Ладно, пошли.

Куда мы шли по мрачным коридорам Некроса я так и не разглядела, молча вытирая непрекращающиеся слезы. Так же не глядя вошла в помещение, едва Керон распахнул дверь, пропуская вперед. А вот войдя...

— Моя берлога, — представил профессор мрачное освещенное факелами огромное помещение, заставленное погруженной в стазис нежитью, — единственный, кто бывал здесь

до тебя — Гаэр-аш. Входи, Каро, бояться нечего.

Осторожно вошла, но почти сразу остановилась.

Керон закрыл дверь, обошел меня, чуть прихрамывая прошел мимо, поглядывая на зеленоватые магические колбы с нежитью, остановился напротив харгана. Постоял, затем повернувшись ко мне, уточнил:

— Ты ведь артефактор?

Осторожно кивнула.

— Гаэр-аш как я понимаю, вычеркнул тебя из списка участников королевских Мертвых игр.

Кивнула снова.

— И мотивировал это тем, что ты слабое звено в команде?

Вытерла злые слезы.

— А ты слабая, — Керон улыбнулся, продемонстрировав пугающий оскал. — Вот только учти, вы, женщины, изначально слабее... — он допустил паузу, усмехнулся и добавил, — в этом ваша сила.

Недоуменно смотрю на профессора.

— Здесь, — преподаватель обвел рукой пространство, — весь накопленный мною опыт, подойди.

Осторожно приблизилась. Керон указал на свиток, прикрепленный к экспонату.

— Возьми и открой, — последовал приказ. — Читай сразу последний пункт.

Осторожно вытащив из паза, развернула. Прочла:

«Харганы. Основанная слабость — растяжение».

А ведь логично! Сами умертвия не столь опасны, как их прорывающие под землей тоннели конечности...

— Знаешь, — заложив руки за спину и чуть покачиваясь с носка на пятку продолжил профессор, — меня всегда это поражало — одна маленькая деталь, способна разрушить до основания даже самое крепкое строение... Так и здесь. Только представь, что было бы с харганами, если бы они каким-то образом, — выразительный взгляд единственного глаза на меня, — лишились способности пускать в ход своего «ядовитого червя».

Представила. Просто представила, кем тогда были бы харганы — обыкновенной нежитью, уровень опасности снизился бы втрое!

— Гаэр-аш, — продолжил Керон, — не в праве исключить тебя из состава команды без должного обоснования. Таким обоснованием мог бы быть твой отказ, к примеру, но ты же не отказывалась, я правильно понимаю?

Кивнула.

— Значит, — мне подмигнули, — ректор обязан доказать всем твою несостоятельность как бойца. Доказать в бою с нежитью. Но ты ведь у нас умная девочка, не так ли? Кого тебе позвать в помощь?

Ушам не верю, но все же.

— Гобби, — попросила я, снимая куртку.

— Ключи, — Керон передал мне связку. — Давай, девочка, докажи им всем на что ты способна.

Глядя вслед уходящему преподавателю, я все еще не верила в происходящее. И простояла в ступоре, до тех пор, пока дверь не открылась снова, впуская Гобби, Салли и

Пауля. Салли притащила на себе котелок с ночным супчиком, у гоблина в руках были две тетради, а больше всех меня удивил Пауль, принесший с собой мои тетради по артефакторике, и ящик с заготовками для изготовления артефактов.

— Ыы? — спросил подошедший Гобби.

Устало оглядела помещение. Демоны, драконы, люди, гоблины, ящеры, оборотни, даже вампиры — здесь были все. Мне сложно представить как долго их всех собирали и начал это явно не профессор Керон, но... сама мысль что я могу всем этим воспользоваться кружила голову. И как-то сама собой отступила дикая усталость, и пришла уверенность в том, что я справлюсь, я смогу. В конце концов, как у некроманта у меня есть огромное преимущество — я артефактор!

— Первое — нужно поесть, — решила я, обнаружив стоящий у стены столик, — второе — до утра все успеть. Пауль, мне потребуется еще горелка, она в шкафу под одеждой, а лучше весь рюкзак захвати.

Паучок, пискнув, метнулся исполнять поручение, Салли уже волокла котелок с тарелкой и хлебом на столик, а Гобби, заложив руки за спину с самым исследовательским видом взялся прохаживаться между экспонатами.

Ела я быстро, думая о том, как структурировать артефакты и главное — как замаскировать. Причем дело даже не в маскировке, я девушка, соответственно могла позволить себе достаточное количество украшений, но активировать артефакт не вызвав подозрение у окружающих, становилось достаточно сложной задачей.

Подошел Гобби, сел рядом, вопросительно посмотрел на меня.

— Думаю о том, как буду активировать артефакты, — честно призналась умертвию.

Гоблин задумался, затем взял тетрадь и карандаш и написал:

«Девушки часто неосознанно касаются украшений. Особенно когда кокетничают».

Невольно улыбнулась. Просто представила себе, как начинаю касаться колечек, поправлять браслеты или сережки, изображая приступ кокетства перед атакующей нежитью. Но Гобби был прав — девушки часто трогают украшения, и таким образом остается только одна сложность — классификация.

К ней мы и приступили, едва я закончила с ночным супчиком.

Первые, кого мы начали рассматривать — демоны.

Здесь, в берлоге Керона их оказалось семнадцать разновидностей, от низших, до самых высших, практически состоящих из стихий. Именно стихия и была везде указана как слабость. И тут не важно какая именно — огненная, воздушная, водная, световая, тьма или энергия жизни, главное что демоны, даже будучи нежитью, в основе тканей имели стихию. И стоя перед стеклянными саркофагами, я переводила взгляд с черного чешуйчатого демона из преддверий Бездны, на темно-зеленого, населяющего низины Хаоса, пытаюсь создать что-либо, что могло бы блокировать неблокируемое. Вот только как — если в основе черного демона была тьма, а в основе зеленого — вода. Стазис? Подействует на воду, но не на тьму. Тьму способен рассеять только свет...

Гобби, наблюдающий за моими раздумиями несколько минут, подошел и протянул листок. Я прочла одно единственное слово — «огонь».

— Мысль не лишена смысла, — была вынуждена признать.

Огонь это свет, и в то же время испаритель для воды. Идеально. Вопрос только в одном — как его использовать. Как огненный шар? Недостаточно и слишком привлекает внимание. Как направленный поток?

Ответ пришел в момент, когда я начала изготавливать артефакт — против демонов у меня будет линза, а в качестве огня — самое яркое из спектра синее пламя, закованное в лунный горный хрусталь. И спустя пол часа на столик лег кулон на серебряной цепочке, который будет незаметен под мантией, но и не вызовет вопросов оказавшись на виду — украшение и только. Активация касанием, причем лишь моим.

Следующий большой подвид — измененная нежить. Я не знала, столкнусь ли на Королевских Мертвых играх с нежитью, управляемой личем, но стоило быть готовой ко всему и мы с Гобби начали обходить измененных, выписывая их основную слабость. Слабостей оказалось несколько — первое это связь между вывернутыми магией конечностями, второе — управление, третье — зрение. Вот со зрением я ничего не могла поделывать — то есть маг управляющий измененной нежитью в любом случае будет видеть ее глазами, но управление и связь были теми параметрами, в которые при желании можно было привнести немного хаоса. Проблема лишь в том, что мне приходилось учесть фактическое присутствие мага, то есть что бы я ни начала предпринимать, управляющий нежитью попытается вмешаться... Если поймет, что происходит!

Второй артефакт я замаскировала под браслет на шарнирной основе. На само запястье крепилась металлическая основа, а вот на ней крутящаяся, с десятком маленьких амулетов изображающих скелетики и паучков. Вышла очень милая вещица, при активации направляющая рассеянные удары по связи между конечностями измененной нежити и вносящая помехи в управление ею столь стремительно, что ни один маг не успеет вмешаться до того, как измененная нежить попросту распадется минимум на триста частей.

Третий крупный вид умертвий — возвратившиеся. Этот вид включал в себя все расы и народности, отличался от соплеменников более крупными размерами и жутким видом. Возвратившихся не поднимали, это были те, кто сам вернулся из-за грани, чаще всего охваченные жадой мести, но именно они становились самым послушным орудием в руках некромантов, и потому я была уверена — на Мертвых играх возвратившиеся точно будут. А потому, я с большим интересом узнала об их главной слабости — умиротворение. Около получаса провозилась со вторым браслетом, дающим статическое поле из трех комбинант — спокойствие, ощущение мира, всепрощение. Никак не выходило стабилизировать размеры и имелось опасение, что другие игроки почувствуют накатывающие нетипичные для боя эмоции, но в моем положении риск был неизбежен.

Инферно — серьги с горным хрусталем выглядели миниатюрно и неприметно, а давали при активации направленный луч энергии, позволяющий рассеивать призрачное скопление.

Профессор Керон вернулся перед самым рассветом. Подошел к усиленно паяющей новый артефакт мне, затем взглянул на принесшего новые списки Гобби, не обделил вниманием греющую в который раз чай Салли, и кивнул помогающему мне Паулю. Сел за стол, взял уже обработанные мной и Гобби записи, хмыкнул, и произнес:

— Интересная классификация.

— Все что я смогла в условиях сжатого времени, — пробормотала, заключая кристаллит в оправу.

— Оригинальный ход с возвратившимися, — продолжил профессор.

— Физически они сильнее, некроманты предпочитают использовать их, — ответила, не поднимая головы.

— Это так, — Керон помолчал некоторое время. Затем добавил: — Твое имя убрали из списков участников.

Пальцы дрогнули, но я все равно продолжила изготавливать артефакт — он был лучшим, что я могла бы применить против драконов и ящеров.

— Сильная девочка, — задумчиво протянул Керон.

Неожиданно для себя, я вдруг спросила:

— А команда знает?

— Нет, информацию огласили только для преподавателей, лорд Гаэр-аш решил сообщить команде по Мертвым играм после тренировки.

Неожиданно, я поняла, что всю эту ночь меня никто не искал. Не то, чтобы я ожидала, но за последнее время как-то привыкла, что есть те, кому не безразлична. И продолжая паять звенья серебрянной цепочки, тихо задала вопрос:

— А я... меня не искали?

Профессор промолчал. Я же, не поднимая головы, продолжила изготавливать артефакт, невольно вкладывая в него все свои эмоции. А Керон молчал несколько долгих, томительно долгих минут, затем сжалился и сообщил:

— У тебя больше друзей, чем ты думаешь, Каро. К примеру, один небезызвестный тебе целитель, согласился сообщить всем интересующимся, что ты после нервного потрясения отсыпaeшьcя в палате, и поэтому никого к тебе не пускает.

Я вспомнила лорда Эрсана, того самого кто лечил Эдвина, после нападения Пауля, бросила недоверчивый взгляд на профессора.

— Всем интересно посмотреть, как ты уделаешь Гаэр-аша, — улыбнулся Керон.

При упоминании имени ректора, на глазах появились слезы. Злые.

— Не думала, что руководитель Некроса столь нелюбим преподавателями, — прошептала я, вновь возвращаясь к работе.

— Сложно положительно относиться к человеку, для которого Академия Некромантии нечто вроде ссылки, — произнес профессор. Затем добавил: — Не могу назвать Гаэр-аша плохим руководителем, но определенно тяжело работать с человеком, которого готовили на роль короля. Некоторый снобизм ощущался всегда.

И вдруг совершенно без перехода, Керон задал вопрос:

— Что не так с твоим умертвием, Каро?

Я глянула на Гобби, старательно систематизирующим информацию для меня, зомби ответил тусклым зеленоватым взглядом, затем повернулся к профессору и изображая совершеннейшее отсутствие разума, выдал:

— Ыыы...

Керон вскинул бровь.

— Ыыы, — еще громче взвыл Гобби.

Профессор хмыкнул и протянул:

— Все никак не могу понять, где ты нацепила на него браслет подчинения.

Темно-фиолетовый браслет, который я должна была использовать для контроля нежити! Осторожно натянула собственный рукав посильнее, маскируя отсутствие одного у себя, посмотрела на Гобби. Зомби невозмутимо почесал предплечье, и вернулся к работе.

— А, там, — неверно понял все Керон.

Или верно, в смысле так, как захотел Гобби. Но с браслетом определено нужно будет что-нибудь сделать.

Подошла Салли, принесла мне чай, и разместив чашку у моих ног, свернулась рядом, уперевшись кончиком хвостика в керамику — чтобы поддерживать температуру. Благодарно

улыбнувшись ей, продолжила паять.

Дверь распахнулась как от удара, когда я примеряла свой новый браслет из переплетения шести серебряных цепей, спаянных черным золотом. Вскинув голову, увидела стремительно входящего Эдвина. Парень остановился, чуть прищуренными глазами взглянул сначала на меня, затем оглядел пространство. Вновь посмотрел на меня, и спросил:

— В порядке?

Профессор был им полностью проигнорирован.

Молча кивнула.

— Про исключение из команды знаешь? — было следующим вопросом.

Кивнула снова.

Эдвин посмотрел на артефакты, на Гобби с кипой бумаг, хмыкнул, и улыбнувшись поинтересовался:

— Сдается кто угодно, но только не мы?

Улыбнулась в ответ.

— Помощь нужна?

Отрицательно покачала головой.

— Я предупрежу Норта и Дана, а ты поспи хоть час перед боем.

С этими словами Эдвин развернулся и ушел. Точнее ушел бы, не крикни ему Керон вслед:

— Адепт Харн, а как вы?..

Остановившись на миг, некромант обернулся и почесав переносицу с неохотой сообщил:

— Профессор, у вас там дверь в апартаментах сломалась... случайно. И у лорда Эрсана в целительском корпусе тоже парочка пострадала... совершенно случайно.

После чего Эдвин ушел с самым невозмутимым видом, а Керон выругался так, что я покраснела.

— Да, простыми объяснениями воины клана Меча никогда не удовлетворялись, — с раздражением прошипел профессор. И задумчиво добавил: — Что не радует.

Мне напротив стало очень приятно, что обо мне все же беспокоились. Понимаю, что это лишние эмоции, и что менее чем через год, я снова останусь одна, но... в данный момент было приятно.

Еще минут сорок я провозилась с последним амулетом, а затем, от всей души поблагодарив Керона, поспешила в женское общежитие, как раз к моменту, когда гудение горна провозгласило начало занятий. Занятия я бездарно пропускала в очередной раз.

Глава восьмая: Вызов

Разбудили меня приглушенные голоса ребят.

— Риа вообще в курсе, того что выдвинул Керон? — спрашивал явно Дан.

— Учитывая место, где я ее нашел, в курсе, — сказал Эдвин.

— Странные игры у Керона, — голос Норта был глухим и злым.

— Игры Гаэр-аша ты считаешь менее странными? — насмешливый вопрос Эдвина.

Повисла пауза, в течение которой я лежала затаив дыхание. Затем Норт с явным нежеланием ответил:

— Мне понятны мотивы Артанаэша. Более того, я все больше склоняюсь к мысли, что он прав — Риаллин не место на играх.

И как в тумане вспомнились слова Гаэр-аша «Гобби мертв, а ты не способна контролировать свою силу, и соответственно абсолютно беззащитна. Ты останешься в Некросе, под защитой. Норт с моим решением согласится». Выходит, согласился...

— А мне нет, — судя по скрипящему звуку дерева, Эдвин поднялся. — Девчонка через сколько прошла, чтобы участвовать в играх, а вы перечеркиваете все к Тьме!

— Согласен — подло, — вставил Дан.

Тихий злой смех, и неожиданно грубое:

— Подло — это знать, что ее убьют, и ничего не предпринять! Риа слаба, как маг, как некромант... в принципе слаба. В академии ее защищает сердце Некроса, вспомните тот поток молний, против которого мы все были бессильны, и подумайте головой.

От его слов по спине прошелся холодок. Момент, когда с неба били четко направленные электрические разряды вспоминать не хотелось. И в чем-то Норт прав — защитило меня только сердце Некроса... К слову, нужно будет придумать что-то и для защиты от подобной опасности.

Именно об этом и сказала, сонно зевнув:

— Я просто не была готова.

В комнате воцарилось молчание.

Сев на кровати и растерев лицо руками, открыла глаза, обвела взглядом свою притихшую команду, улыбнулась Гобби, который сидел и что-то писал за столом, кивнула Дану, не смогла заставить себя посмотреть на Норта, переглянулась с Эдвином, и, поправив волосы, добавила, глядя на покрывало:

— Я не настолько слаба, Норт.

Подняла взгляд и посмотрела на некроманта. Дастел медленно сузил глаза, затем как-то невесело усмехнулся, и хрипло произнес:

— Ты переоцениваешь себя, Риа. Переоцениваешь собственные силы так же, как и собственную холодность.

Я побледнела.

— Норт! — очень напряженно прошипел Эдвин.

— Сами разберемся, — грубо осадил его Дастел.

И он продолжал смотреть прямо мне в глаза, а я с трудом выдерживала его взгляд, понимая, что отвернуться сейчас будет слишком похоже на поражение, но и держать лицо не получалось, я чувствовала подступающие слезы.

— Если бы я знал... — Норт гулко сглотнул, — если бы я только знал...

Слезы против моей воли повисли на кончиках ресниц, готовые сорваться вниз, но я не отвернулась, не хотела выглядеть слабой.

— Хватит, — Эдвин встал передо мной, закрывая от Дастела. Не оборачиваясь, протянул мне платок. — Мы все знаем больше, чем следовало бы, достаточно об этом. Сейчас важнее обсудить бой, который Рие предстоит. Нас на полигоне не будет, учти, Норт. Вот там она останется одна, и расстроенные чувства ей совершенно не нужны.

Эдвин был прав, вот только капитан нашей команды оказался против.

— Ей совершенно не нужен этот бой, — глухо произнес Норт. — Не вижу смысла рисковать собой, ради и так давно мертвого Гобби.

Зомби, сидящий за столом, выронил писчее перо. Звук хоть и был не громким, но прозвучал отчетливо.

— Я делаю это не только ради Гобби, Норт, — смахнув слезы, поспешила вмешаться я.

— Серьезно? — Дастела все так же закрывал Эдвин, и выражения его лица я не видела. — А ради чего, Риа?

Вопрос, на который у меня не было ответа.

И который, по сути, уже не имел значения.

Откинув покрывало, которым меня, свалившуюся на кровать прямо в одежде укрыл Гобби, я соскользнула на пол. Прошла к шкафу, достала сапоги, и ни на кого ни глядя, начала обуваться. В ушах сверкали серьги, три артефакта на шее, браслеты на каждой руке, символ Некроса — усмехающаяся смерть на груди, два кольца. Да, я была практически ко всему готова.

— Волосы распусти, — напомнил Эдвин.

Подошла к зеркалу, увидела растрепанную и всклокоченную себя. С тяжелым вздохом достала расческу, начала судорожно причесываться, пытаюсь привыкнуть к длинной челке. Харн подошел, встал за моей спиной и началось:

— Это будет на шестом полигоне — он самый маленький из всех. Из присутствующих ректор, Керон, почему-то старший целитель лорд Эрсан и глава женского общежития. Нас на полигон не допустят, останешься только ты.

— И Гобби? — уточнила я.

— Нет, — Эдвин мотнул головой, — только ты.

Холодок прошелся по спине.

— Гаэр-аш настроен не допустить тебя до участия в играх, — продолжил некромант.

— А Керон на твоей стороне, — вставил молчащий до этого момента Дан.

— На твоём месте я бы остался в комнате, — Норт был зол и взбешен.

А я при звуке его голоса едва не выронила расческу. Эдвин сделал шаг, положил ладони мне на плечи, ободряюще сжал и спросил:

— Артефакты что ты сделала для нас, каким либо образом с тобой связаны? Мы можем незаметно передать тебе часть сил?

Отрицательно покачала головой.

— Паршиво, — заметил Дан.

— Ожидаемо, — Норт поднялся со стула. — Это же Риа!

Эдвин неожиданно резко развернул меня к себе. Долю секунды вглядывался в мои глаза, потом хрипло произнес:

— Снимай куртку.

— Что? — не поняла я.

Ни говоря больше ни слова, воин клана Меча ухватил ткань и рывком стащил с меня верхнюю одежду.

— Эд...ты... — начал было Дастел.

Но более ничего не успел сказать — Эдвин, закрыв глаза и сжав зубы, приложил правую ладонь к моему животу и... Нет, я еще на тренировке заметила, что Харн способен создавать для себя оружие, но сейчас от его руки отходило черное тусклое нечто, формируя на мне жилет.

— Во имя Тьмы, — потрясенно проговорил Дан.

— И как давно ты способен создавать подобное? — мрачно спросил Норт.

— Первая попытка, — прошипел, словно испытывая боль, Эдвин. И добавил: — Бездействие не мой метод.

Когда некромант отступил, я ощутила себя значительно тяжелее, но внешне ничего не было видно. Совершенно. Обернувшись к зеркалу, поняла, что визуально на мне был только тонкий свитер. Но стоило прикоснуться рукой — ощутила сталь.

— Стой, не отнимай ладонь, — остановил меня Эдвин. — Вот сейчас, попробуй представить себе кинжал или нож и возьми его.

— Взять откуда? — не поняла я.

Некромант молча указал на невидимый жилет. Я вспомнила, как сам Эдвин преобразовывал магию в оружие, нахмурилась, пытаюсь сосредоточиться, сжала край жилета и с усилием оторвала от него... заостренный прут. Дан хмыкнул, Норт страдальчески простонал, Эдвин потрепал по плечу и ободрил:

— Тоже сойдет. Как минимум этой штукой можно убить, как максимум — откромсать конечность нежитьи или не нежитьи. Запасной вариант у тебя теперь есть.

С благодарностью улыбнулась парню и рассеянно посмотрела на прут, не зная, что с ним теперь делать.

— Обратно в жилет, — приказал Эдвин, и подал мне куртку.

Одевалась я в полном молчании. Но едва застегнулась, Норт тихо произнес:

— Риа, это бред.

Молча поправила воротник, стараясь не смотреть на Дастела.

— Гаэр-аш ее в любом случае не убьет, — резонно вставил Дан.

— И это ее выбор, — добавил Эдвин.

Гобби поднялся из-за стола, подошел ко мне, сунул листок с подсказками. Пробежалась взглядом дважды, заучивая то, что уже и так знала. Какое-то внутреннее напряжение начало нарастать... а получится ли?

Внезапно подошел Норт, ругнулся беззвучно, а затем схватил за руку и развернув к себе, зло произнес:

— Не рискуй понапрасну. Проигрыш ничего плохого тебе не принесет, слышишь?

Молча кивнула, желая чтобы отпустил мою ладонь.

— Магию держи под контролем. И... что у тебя с Кероном?

— Он мне просто помог, Норт, — мягко высвобождая ладонь из его пальцев, ответила я.

— Просто помог?! — усмешка. — Ты в это веришь?

Мне уже очень сложно было во что-то верить.

— Идем, — Эдвин протянул руку. — Гобби, ты остаешься.

Но мой зомби отрицательно покачал головой, деловито собрал все записи и... повернулся к шкафу. Мы все удивленно проследовали за его взглядом и увидели, как Пауль

вытаскивает нечто из темной ткани. Это самое нечто паук подтащил к умертвию, Гобби поднял и воровато запихнул к себе под куртку.

— То есть ты со мной? — догадалась я.

Зомби кивнул.

В дверь постучали. Открыл Дан, и тут же отошел в сторону, впуская некроманта в черном, с черной татуировкой на лице — посланник Смерти. Гаэр-аш пытается окончательно запугать меня?! Мужчина вошел, молча обвел взглядом нашу компанию, остановил взор на мне и произнес:

— Адептка Каро, в соответствии с вашим запросом, вас ожидает проверочный бой. Вы готовы?

Молча кивнула, чувствуя, как нарастает паника.

— Следуйте за мной, — приказал некромант.

Норт глянул на меня, неодобрительно покачал головой и отвернулся. Дан хлопнул по плечу, подбадривая, Гобби и Пауль с самым хитрым видом уселись за стол, демонстрируя что куда не собираются, Эдвин, едва направились к двери, выдал:

— Я провожу.

— Запрещено, — отрезал посланник.

— Мне известно имя твоего рода, — хмыкнул Эдвин, и приобняв меня за плечи, повел прочь.

Некромант с татуировкой почему-то промолчал, и вообще отвернулся.

Мы с Эдвином вышли из моей комнаты, свернули к лестнице, спустились в совершенном молчании — все были на лекциях, так что в общежитии царила тишина.

— Ты дрожишь, — произнес парень, когда мы начали спускаться.

— Как-то торжественно все, — прошептала негромко.

— Еще бы, кто-то рискнул возразить Гаэр-ашу, — Эдвин шутливо щелкнул меня по носу. — Все будет хорошо, Риа.

Я не была в этом уверена.

— Все будет хорошо, — уверенно повторил адепт. — Это же ты.

Невольно улыбнулась.

— Маленькая, запуганная, стойкая и несгибаемая побродяжка, ты поставила на место нас, лича, отступников, и ректора поставишь, куда ты денешься. — Эдвин говорил очень уверенно.

Вот только я такой уверенности не ощущала.

— Отбрось сомнения, Риа, — открывая дверь на двор, продолжил некромант, — отбрось все — эмоции, чувства, страх, обиды, вообще все. У тебя цель есть?

— Есть, — прошептала, выходя и содрогнувшись от холода.

— Четкая? — задал следующий вопрос Эдвин.

В принципе...

— Да.

— Вот и иди к цели, — очень серьезно порекомендовал парень. — Иди уверенно, и не оглядываясь.

Судорожно вздохнув, невольно призналась:

— Я стараюсь, но... Но...

— А без «но», Риа, — оборвал Эдвин.

— Все сложно, — я судорожно вздохнула.

— Все просто, — не согласился некромант. — Есть ты и твоя цель, остальное шелуха. Норт, Гаэр-аш, Рик, твой отчим, король — их планы и желания их проблемы, не твои.

Вздвогнув, удивленно посмотрела на парня, вовсе не ожидая подобного. Эдвин подмигнул и продолжил:

— К Тьме их всех, серьезно, для тебя сейчас главное скрыть свои новые возможности, по полной программе использовать старые и доказать ректору, что ты не слабое звено в команде. Это твоя цель на сегодняшний бой, об остальном подумаешь, когда мы выиграем королевские Мертвые игры. И прекращай думать о других, других много, а ты у себя одна.

Удивленно взглянула на Эдвина, и чуть не поскользнулась на заледеневшей тропинке. Некромант придержал, и продолжил уже совершенно иным тоном:

— Гаэр-аш тебя будет гонять по всей возможной нежити, но вреда точно не причинит — тут наличие у него чисто мужских желаний, играет на твоей стороне. Так что про страх можешь забыть совершенно.

— Мне поможет, если я не буду бояться?

— Страх затмевает разум, — наставительно сообщил некромант. — У нас первое чему обучают — избавление от страха, в Некросе, к сожалению, подобного нет. Так что запоминай, чем меньше твой страх, тем меньше ошибок ты допустишь.

Кивнула, соглашаясь.

— Магию смерти не используй. Она тебе и не пригодится — ты с нежитью сражаться будешь, не с некромантом.

Снова кивнула, вглядываясь в очертания уже показавшейся ограды, за которой располагались полигоны.

— По идее, ты должна доказать, что способна отстоять честь Некроса на играх, соответственно если Гаэр-аш использует нечто вконец невиданное, результат тестировочного боя можно будет оспорить. В конце концов нам известна вся нежить, с которой будем иметь дело. Так что все шансы на выигрыш у тебя есть, Риа, главное сохраняй спокойствие.

Мне было приятно, что Эдвин верит в меня, и в то же время — все советы, что он дал, были очень ценными.

Под порывами холодного зимнего ветра мы подошли к шестому полигону. Меня уже ждали — довольный и улыбающийся Керон и раздраженно-взбешенный лорд Гаэр-аш. При нашем приближении, ректор мрачно взирал на Эдвина, но стоило подойти, как глава Некроса уделил внимание мне. От холодного взгляда его светло-серых глаз мне внезапно стало холодно. Просто безумно холодно, даже затрясло. Невольно обняла плечи руками, пытаюсь перестать дрожать. Гаэр-аш удивленно едва заметно вскинул бровь, затем слегка прищурил глаза... мне стало холоднее в десять раз!

— Дать мой плащ? — заметив как я дрожу, спросил Эдвин.

На губах ректора внезапно промелькнула странная усмешка — миг и меня охватил жар. Словно мы не в стылой зиме, а посреди жаркого засушливого лета. Захотелось зачерпнуть снега и приложить к пылающим щекам.

Что происходит?!

Несколько секунд я стояла, слегка приоткрыв рот и пытаюсь охладиться, глубоко вдыхая ледяной воздух, а после... Мне вспомнились способности Норты оказывать влияние на окружающих и то, что он рассказывал о короле, для которого не составляло труда заставить людей делать то, что он хотела, и вот сейчас... Вновь посмотрела на Гаэр-аша, тот с

интересом наблюдал за мной, видимо до конца не осознав, на что способен, или... Ректор медленно загадочно улыбнулся, и мне стало ясно — он все понял и осознал.

И глядя мне в глаза, зловеще произнес:

— Можно... начинать. Полагаю, это не займет много времени.

— Поверьте, адептка Каро вас удивит, — хмыкнул Керон.

— Даже не... сомневаюсь, — ядовито ответил глава Некроса, не отрывая от меня взгляда.

А я поняла, что мне есть чего бояться.

Следующая фраза ректора, продемонстрировала, что бояться следует не только мне.

— К слову, профессор Керон, — Гаэр-аш обратил свой взор на преподавателя, — я был бы крайне признателен, если бы вы соизволили объяснить, с чего такая уверенность в способностях всего лишь второкурсницы?

Профессор, заложив руки за спину, начал было:

— Как я уже говорил...

Глава Некроса слегка прищурил глаза, практически незаметно, но эффект... Керон вздрогнул, после по лицу его пошли красные пятна, затем... Затем учитель прохрипел:

— Я дал девочке доступ к своей коллекции, теперь она знает практически обо всех слабостях нежити, известной некромантии.

И профессор побелел, осознав, что только что сказал.

— Что происходит? — напряженно спросил у меня Эдвин.

«Гаэр-аш осваивает свои новые способности» — хотела было сказать я, но... не смогла и рта раскрыть. Попыталась снова и... и ничего. У ректора ведь нет Эль-таима, тогда за какой Тьмой?

А Керон, схватившись за сердце, привалился плечом к железной ограде, тяжело дыша и стремительно расстегивая ворот рубашки. Казалось, он был невероятно потрясен тем, что произнес.

— Любопытно, — мне совершенно не нравилась усмешка Гаэр-аша, — для чего же вы это сделали? Согласитесь, вопрос резонен, если учесть, что ранее вы в милосердии уличены не были. Так почему возникло столь страстное желание помочь Каро, профессор?

Керон пытался промолчать, гулко сглотнул, рванул ворот и...

— Хотелось, чтобы хоть кто-то утер ваш аристократический...

Он умолк, от изумления округлив свой единственный оставшийся нормальным глаз, и потрясенно воззрился на ректора. Гаэр-аш перевел внимательный взгляд на меня, затем поглядел за ограду, туда, где сидел лекарь лорд Эрсан. И лицо главы Некроса стало маской, злостью сверкнули лишь глаза. Всего на миг. Затем ректор вновь посмотрел на меня и скомандовал:

— На полигон.

Идти туда мне теперь не хотелось вовсе. Хотелось сбежать и спрятаться где-нибудь, подальше и поглубже.

— Что происходит? — Эдвин взял за руку, развернул лицом к себе.

Говорить что-либо я поостереглась, молча пожала плечами, улыбнулась на прощание, и, отпустив его ладонь, шагнула назад. Затем, развернувшись, вошла в распахнутые светящиеся зеленоватым сиянием ворота. И стоило войти, как створки с грохотом захлопнулись. Испуганно обернувшись, увидела завершающий жест ректора, и поняла, кто закрывал вход.

— На середину полигона, — скомандовал Гаэр-аш.

Я последовала приказу, с трудом шагая на негнувшихся ногах. Сердце колотилось как сумасшедшее, руки похолодели, страх... я дико боялась предстоящего. Не нежити, нет, не сражения, я до безумия опасалась главу Некроса. Гаэр-аш же, заложив руки за спину, прямой, гордый и несгибаемый, направился к трибуне, Керон последовал за ним на приличном расстоянии, а Эдвин остался стоять у ворот. Мне отсюда было плохо его видно, но хватило знания о том, что он ждет, чтобы собраться с силами и постараться забыть о ректоре, и его новых способностях.

Медленно огляделась — шестой полигон в эту зиму еще никто не использовал, если судить по ровному снежному настилу, хранившему лишь отпечатки моих ног. В противоположном конце от входа, виднелись еще одни ворота, на сей раз выше, мощнее, защищеннее тех, через которые входить полагалось некромантам — вход для нежити. Какую именно нежить заготовил для меня ректор, было неизвестно — за воротами клубился черный дым, скрывающий все.

И внезапно ворота распахнулись, впуская все те же клубы черноты, не позволяя мне увидеть противника, а над полигоном раздался голос Гаэр-аша:

— Подумайте трижды, адептка Каро, прежде чем со столь свойственной вам безрассудностью бросаться в бой.

На какой-то миг появилось желание отступить, но стиснув челюсти, отрицательно мотнула головой. Мне отступать было некуда.

Внезапно теплый ветер окутал, вмиг согревая, и я услышала тихий шепот главы академии: «Выиграешь ты или проиграешь, ты не покинешь Некрос без меня, Риаллин.»

— Новые способности? — едва слышно прошептала я.

«Открытие за открытием, — и ощущение что моих волос касаются, — приятные открытия, но...»

Я не стала переспрашивать, лишь напряжено ожидала продолжения.

Продолжения не последовало.

Минута молчания, и вновь голос ректора над полигоном:

— Последний шанс проявить благоразумие, адептка Каро.

Я вспомнила о Гобби, о том, что единственная возможность попытаться вернуть ему жизнь это Мертвые игры, и отрицательно мотнула головой.

— Как пожелаете, — принял мой ответ лорд Гаэр-аш.

Ледяной порыв ветра, в секунду сорвавший дымовой покров со впускенной нежити, и напротив меня оказался давно умерший, но явно не так давно измененный дракон. На какой-то миг я задохнулась от ужаса, разглядывая три головы чудища, расположенных на длинной изгибающейся шее, две пары крыльев, шесть когтистых передних лапы и две задние, на которых он и стоял, изготовившись к нападению. Да, ректор умел подкидывать сложные задачки — измененный дракон это уже вовсе не шутки. И ректор — не просто выпустил зомби из бестиария, он управлял им.

— Грр, — прорычало чудище, выпуская струю огня, что недвусмысленно продемонстрировало готовность нежити к бою.

Я же отчетливо понимала до крайности неприятное — передо мной не просто мертвые, передо мной мертвите управляемое Гаэр-ашем! А как сражаться с ректором, не выдав ничего из своего не слишком законного арсенала артефактов и амулетов.

Дракон сделал шаг, снег под его лапами пронзительно скрипнул...

А я не знала, что делать. Совершенно не знала — против Гаэр-аша я побоялась

использовать тот артефакт в виде браслета с черепами, что вносил диссонанс в связь некроманта и управляемой им измененной нежити. Но использовать придется, иначе этот бой закончится, так и не начавшись.

И тут издали донесся голос Эдвина:

— Аркан Дакрой!

Первым возникшим у меня неосознанным желанием стало упасть и отжаться, совсем как на тренировке с Эдвином, но после столь же автоматически, я чуть прикрыла глаза и призвала магию. Случившееся далее поразило меня саму — я действовала не задумываясь, так словно сто раз отрабатывала это — плетение семь, ударная молния, разветвление молнии на десятки цепных разрядов...

Пахнуло озоном, воздух словно заискрился, и когда я распахнула глаза, увидела как в землю вокруг дракона и в самого дракона так же, впиваются электрические разряды. И доли секунды хватило, чтобы понять — сейчас все смотрят именно на нежить! Все, включая ректора, который явно должен был оценить те семь разрядов, что поразили измененного зомби, а значит я могу действовать — рывок к рукаву, и сжатие браслета. Активация артефакта и то, что только что двигалось как единый организм, начало разваливаться на глазах. Сначала конечности отпали как осенние листья, затем крылья, после все три головы изумленно взглянули на меня и отвалились... Миг и дракон весь рухнул на изгвазданный зеленой трупной жидкостью снег.

И наступила мертвая тишина.

В этой тишине я опустила до того прижатые к груди руки, незаметно поправляя рукав и скрывая артефакт.

Удар сердца, второй, третий и голос ректора:

— Аркан Дакрой? Запрещенная магия?

Сердце забилося быстрее, едва я поняла, что справилась. Действительно справилась. Оглянувшись на ворота входа для некромантов и увидела Эдвина, который беззвучно зааплодировал. Улыбнулась, ощущая уверенность, пока очень слабенькую, но уверенность. И так же уверенно, ответила лорду Гаэр-ашу:

— Условно запрещенная.

Взглянула на останки умертвия, и добавила:

— Смею напомнить, что измененная нежить является запрещенной.

Сидевший на постаменте чуть позади ректора лорд Эрсан изобразил так же беззвучные аплодисменты, магианна Эшенр же сцепив ладони в кулак подняла их и потрясла, в знак поддержки, Керон сидел молча, сгорбившись и опустив голову — глава Некроса прожигал меня взглядом. Даже с расстояния в сотню шагов, не меньше, я ощущала его взгляд. Тяжелый, злой, напряженный. Тьма, мне казалось бояться сильнее я уже не смогу... оказалось для страха предела нет. И в то же время в душе проснулась вполне обоснованная злость — да сколько можно? Моя жизнь, мой выбор, мне и решать!

— Условно запрещенной, — медленно проговаривая каждый звук, отозвался Гаэр-аш. — Раунд засчитан. Приготовиться к бою, адептка Каро.

Да как скажете!

Но тут подскочила со своего места магианна Эшенр, и визгливо, что никак не вязалось с ее тучным телом, воскликнула:

— Раунд? Только раунд?! Лорд Гаэр-аш дискриминация девушек в Некросе достигла своего апогея! Что значит «раунд»?! Девочка победи...

Ректор даже не оглянулся, но преподавательница резко замолкнув, медленно опустилась на сиденье с самым отсутствующим видом. Лорд Эрсан осторожно отодвинулся подальше от главы Некроса, леди Эшенр с ужасом воззрилась на Гаэр-аша, Керон устало потер лицо. Гаэр-аш продолжал смотреть исключительно на меня.

И вероятно именно поэтому не заметил движения на полигоне. Я же обратила на чуть сдвинувшийся снег внимание, потому что до меня донеслось едва слышное «Ыыы». Вздрогнула, развернулась к воротам впускавшим нежить и все так же не радовавшим клубами черного дыма, скрывающими моих противников, но скосив глаза, следила за тем, что в очередной раз явно проворачивал Гобби. Знать бы еще что именно.

Ворота распахнулись со скрипом, выпуская на полигон не одиночного противника, нет, ко мне с диким ревом помчалась армия оголодавшей полуистлевшей нежити. Здесь были все — скелеты, харганы, демоны... Лавина разнообразной нежити! Не менее пятисот экземпляров!

На миг я задержала дыхание... Примерно такой же поток умертвий ломанулся ко мне зачуяв кровь в Мертвом лесу тогда, в ту ночь когда все и началось и я встретила с Гобби. И против такого количества сражаться бессмысленно — никакой силы не хватит, и мечом тут особо не спасешься, особенно с моими способностями в фехтовании. Не зря парни тогда наяд изображать взялись — со столь огромной массой зомби иначе чем синим пламенем не справиться, да и для нужной силы заклинания нужно как минимум трое... Я же сейчас стояла на полигоне одна и отчетливо понимала — против такого количества умертвий, ни мои артефакты, ни новая магия не помогут. Гаэр-аш решил победить количеством.

— Так не честно, — проговорила, едва сдерживая ярость.

«Полагаешь, на Мертвых играх будут играть по-честному? — прошептал, казалось ветер. — Или максимально лоялен к тебе и безмерно благороден будет лич, которому отдали четкий приказ тебя убить?».

И лавина нежити замерла, словно бы скованная льдом. Мне предоставляют последний шанс, чтобы передумать?

«Будь благоразумна, Риаллин, — вновь тихий усталый шепот, и ветер касается моих волос».

Благоразумна?! Предложение ректора с благоразумием имело мало общего. Отрицательно мотнув головой, избавилась как от предложения, так и от прикосновения. И отчеканила:

— К бою готова.

Хотя глупо, конечно, эти если не порвут, то точно затопчут.

«Уверена?!» — почти насмешка.

Призрачный лед, сковавший нежить, совсем не призрачно треснул с громким разнесшимся по пустому полигону звуком. Я невольно вздрогнула, и подумала, что Норт, Эдвин и Дан мне бы сейчас совсем не помешали. Совсем... Единственное, что успокаивало — слова Эдвина о том, что ректор не допустит, чтобы я погибла, а значит на кону только победа или поражение. Это успокаивало. Не слишком, но все же

Жуткий голодный вой и разъяренный рев следом.

Я закрыла глаза, собираясь с силами, и ощутила, как дрожит под ногами земля, от топота умертвий.

Это будет сложно, очень сложно. И самое паршивое — я зря встала на середину полигона, теперь у меня очень мало времени, на то, чтобы использовать магию. Очень мало

времени, и после аркана Дакрой безумно мало сил, потому что практически весь резерв я истратила. Да и не отдохнула ночью.

Но Эдвин прав — нервничать и переживать нельзя.

Успокоиться.

Подумать.

Времени бы чуть-чуть больше. Хотя бы чуть....

И вот тут раздался хруст!

Это был какой-то совершенно неправильный хруст. Нет, я даже не открыв глаза, сразу поняла, что так хрустят сломанные кости, но это был какой-то массовый хруст, и распахнув ресницы, я потрясенно уставилась на застывшую шагах в двадцати от меня нежить. И увидела невероятное — вся нежить, не менее потрясенно, смотрела влево. Туда, где за сугробом не особо хорошо, потому как был всем виден, прятался Гобби. Я на него тоже изумленно посмотрела, мой зомбик глянул на меня, оскалился и развел руками с видом: «Мол я тут совсем не при чем, и вообще, так просто под сугробом загорал». И если откровенно, я ему вообще не поверила, хотя вообще не поняла, от чего был хруст и при чем тут Гобби, но самое удивительное — мертвые ему тоже совершенно вообще не поверили.

— Ыыы? — осторожно высовываясь из-за сугроба, спросил Гобби.

— Хррр! — разом издало все мертвое воинство.

А потом один орк из передних направил на него перст указующий, и возопил:

— Ыгrrrra!

— Ыыгrrrr! — подхватили все полтысячи умертвий и...

И рванули к Гобби! Они все рванули к Гобби! Только как-то совсем не правильно рванули, потому что, и я не сразу это поняла, они рванули за ним на одной конечности! А вторая конечность, в основном у всех было по две, рванула следом, или ползя, или совершая прыгательные движения. И я, застыв с открытым ртом, потрясенно смотрела, как Гобби с диким визгом убегает, в качестве траектории выбрав окружность по периметру полигона, а разъяренные умертвия разъяренно прыгают за ним, совершенно позабыв обо мне! И уже ясно — бить будут. Гобби в смысле бить будут! Как он вообще в лесу выжил?!

— Риа, действуй уже! — раздался крик Эдвина.

Вздрагнув всем телом, посмотрела на прыгающую нежить, сцепила пальцы и не задумываясь послала в последних из прыгунов темно-фиолетовый огненный шар, вспомнив, как делал это Норт. Огненный снаряд врезался в десяток умертвий, сжигая их дотла. Вновь сцепила пальцы — всплеск силы, бросок. И опять сцепила пальцы...

А умертвия мчались по кругу, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, и казалось так будет и дальше, но очередной огненный шар угодил не в последних из зомби, а в середину колонны — я просто уже пошатывалась от усталости, вот и не рассчитала. А потому огненный шар проделал плешь в воинстве и это не осталось незамеченным. Мертвые замерли, позабыв о Гобби, затем все разом развернулись ко мне. Все одноногое воинство. И вот что Гобби с ними сделал, одного не могу понять!

— Ыыы! — возопил мой зомби.

Прикрыв глаза на миг, начала плести клин Адархи — спасти не спасет, но минут пять для меня выиграет — лавина нежити подхваченная инерцией, обтечет по клину и опомнится лишь у противоположного конца полигона, у меня же будет шанс придумать еще что-нибудь.

Но едва умертвия голодной толпой помчались на меня, Эдвин крикнул:

— Уходи, увеличивай расстояние, Адархи бесполезен против харган!

И почти сразу почти издевательский шепот Гаэр-аша: «А без подсказок и помощи мы ни на что не способны?».

От насмешки покраснели щеки, но это не помешало, прикрывшись щитом Астрагены, помчаться прочь, одновременно начиная сплетать Итхарну — рассекающее пламя. Не учла я одного — магия Смерти не некромантия, глаза я была вынуждена закрыть, а с закрытыми глазами особо не побегаешь. И не миновала я и двадцати метров, как споткнувшись, рухнула лицом в снег.

Вскочила мгновенно, и задохнулась от ужаса, едва снег подо мной стремительно потемнел... От удара конечности харгана я не ушла бы, не случись нечто странное — жуткие ядовитые когти замерли в ладони от меня!

«И ты мертва» — усталый голос.

Как сказать, на мне был жилет, надетый Эдвином, и артефакт, разрушающий связь харганы с конечностью, который несомненно активировался бы при касании. И страх, сковавший едва увидела конечность харгана неожиданно отпустил.

— Не факт, — уверенно ответила, поднимаясь.

«Вот как? — злость. — Риаллин, если бы не мое вмешательство сейчас...»

— А вы не вмешивайтесь! — перебила я. — Я использовала свое право на бой, вот и позвольте мне, без вашего вмешательства, доказать, что я не слабое звено в команде!

И вскочив на ноги, активировала кольцо, маскировав потиранием озябших ладоней, и атаковавший меня харган, миг утратил связь со своими конечностями. Следом еще шесть особей, попытавшихся атаковать, остались без возможности причинить вред. Харганы — но не остальная нежить, продолжающая лавиной мчаться на меня. Прикинув расстояние, вновь активировала клин Адархи, и скрывшись за ним, ушла от броска десятка хмыр, что издали, очень издали, могли бы сойти за змей. Ядовитые клыки, по сто двадцать в каждой пасти, впились в щит, яд потек по незримой стене... брр... Но не став всматриваться, я рванула прочь, одновременно активируя последовательно артефакт за артефактом. И когда я, активируя браслет чье предназначение было сбить мертвых с моего следа, путем нарушения их обоняния, мне неожиданно пришла совершенно потрясающая мысль — что если самой подчинить часть из нежити? Нет, о полном контроле думать было бы глупо, но частично...

И под дикий вой прорвавшей мой щит нежити, я развернулась, сжала браслет, что вносил диссонанс в контроль некроманта над измененной нежитью, сжала, придавая стабильность, и выплеснула часть силы в плетение контроля...

Прикрыв глаза, увидела, как сети заклинания оплетают скачущую ко мне нежить, опадают с большинства зомби, и повисают на одном из двадцати... Не слишком обнадеживающе, но уже что-то.

«Ты используешь магию смерти, — послышался раздраженный голос Гаэр-аша».

Магия смерти, некромантия — различие не значительное. Но вслух говорить не стала — отпустила артефакт, выдохнула и рванула сети, вырывая жизнь из давно умерших тел. Одна двадцатая мертвого воинства рухнула на снег. Остальных это ничуть не остановило, а потому, развернувшись, я снова бросилась прочь, и почему-то по направлению к воротам.

Но вот чего я совсем не ожидала, так это того, что меня через несколько минут обогнал Гобби, с сидящим на его плече Паулем.

— Ии! — пропищал паучок.

— Ыы, — выдал ускоряясь Гобби.

А нежить нас, точнее меня, вообще-то настигала.

И что делать? Что делать? Что делать?..

— Увеличивай дистанцию! — крикнул мне Эдвин. — Контролируй дыхание, и беги по периметру полигона!

Хороший совет, только тут действительно в эту зиму никто еще сражений не проводил, снег рыхлый, а по периметру это мне нужно поворачивать вправо, там низина, значит снега... Да завались там снега!

«Влево» — неожиданно подсказал ректор.

Чуть не споткнулась от неожиданности.

«Влево, я сказал!» — уже взбешенное.

И почему-то я послушалась, хотя казалось, что не успею свернуть, что лавина прыгающих умертвий настигнет, но... Успела, свернула, помчалась по периметру, не сразу осознав, что все зомби помчались за Гобби. Остановилась, тяжело дыша, развернулась и пронаблюдала за тем, как мое боевое умертвие скользнуло в щель между створками ворот, придерживаемыми Эдвином. Ворота закрылись. Нежить остановилась, потеряв цель.

А затем медленно повернулась ко мне...

И я помчалась по периметру полигона, отчаянно соображая, что делать дальше. Огромная армия нежити прыгая мчалась за мной, рев становился все голоднее. Гаэр-аш где вообще таких голодных откопал? Или это из закромов с древними захоронениями?!

Мимо меня пролетел ком зеленой слизи, упал в снег в шагах двух, забулькал отвратительными пузырями — ну вот, уже и плевать начали. Прикрывшись щитом, постаралась ускориться. Но вообще плохо представляю себе, как можно убежать от нежити, пусть даже и одноногой...

И тут я споткнулась, в спину тут же полетели комья кислотной слизи, сползли по щиту в снег, а до меня только сейчас дошло — Гобби для того чтобы обезножить этих монстров использовал артефакт! Точно артефакт! И скорее всего что-то из спотыкалок, вот только они не настолько сильные. На бегу посмотрела туда, где лежала груда оторвавшихся от умертвий левых конечностей. Что интересно — все лишились именно левых ног, лап или щупалец. Случайность? Точно нет. И не менее точно знаю, что левой ногой спотыкаются, если попадут под действие «ломки». Недобрый такой артефакт, он у меня был среди тех, что я оставила в гробнице у мертвой леди, и если честно я его так и не использовала, да и вообще изготовила перед поездкой домой, так, на всякий случай для защиты от отчима. А после был перевод в Некрос, Мертвые игры и остальные события, и о нем совершенно забыла! Вот как его Гобби нашел, это мне непонятно. И как активировал — для этого же магия нужна. И как вообще на полигон пробрался?!

И тут из-под сугроба высунулась тонкая кисть униженная древними и потускневшими кольцами! Сверкало только одно из колец — черное, с едва приметной черной жемчужиной. Она была дефектная, с трещиной которую скрывала оправа, и именно поэтому я смогла ее взять из мусорки в артефакторской лаборатории, просто ее выкинули как ни на что не годный мусор. А я именно дефект этой жемчужины и использовала для «ломки».

До меня вдруг дошло! И то, что артефакт использовали, и то, что это мой артефакт и даже то, что эта кисть явно принадлежит мертвой леди!

Внезапно кисть поманила меня пальцем. Я, продолжала бежать по периметру полигона, потрясенно глядя на ее действия, и не в силах понять, как Гобби, почему-то я была уверена, что именно Гобби, активировал артефакт?! Для этого нужна была магия. Откуда у моего зомби взялась магия?!

Додумать не успела, потому что рука мертвой леди неожиданно сжалась в кулак, погрозив мне, затем снова поманила пальцем. Выровняв щит Астрагены, так чтобы закрывал и сбоку, я резко сменила направление и помчалась к мертвой леди. Добежала и едва успела поймать кольцо, которое она мне бросила. Поймала, падая надела на свою руку, активировала не задумываясь, вдохнув в него собственную магию и... И когда, сев на снег, посмотрела на умертвия, увидела, как вся эта армия мертвых лишается и второй конечности... Тьма, вот это артефакт! Хорошо, что я его на отчине не использовала, потому, как моя поделка не ломала ноги, она их отрезала. И радиус поражения оказался значительным — почти все зомби обезображенными культяпками повалились в снег! Это каким образом?!

«Судя по выражению твоего лица, ты имеешь мало отношения к падению умертвий» — задумчиво произнес Гаэр-аш.

И вот кто бы мне объяснил, почему я его слышу?!

«Но, фактически, это проигрыш, Риаллин».

Жестоко. И не справедливо.

— Фактически, — я поднялась, отряхнула брюки и куртку от снега, — проиграли вы, устроив мне второй раунд с лавиной нежити. С таким количеством в одиночку не справился бы никто!

Мелькнула мысль, что с Эль-таимами ребята и по одиночке бы справились на самом деле, но я без артефакта подобной силы, и если честно, после всего не решусь изготовить еще один. Да и не решилась бы вовсе, если бы не команда. Бросила взгляд на копошащуюся безногую массу умертвий, которые даже без конечностей начали ползти ко мне, но сделать ничего не успела — всплеск силы, который я ощутила, а не увидела, и нежить лишилась жизненной энергии, застыв мертвой грудой.

Повернулась к постаменту с преподавателями и крикнула:

— Еще раунд?

«Не зарывайся, — пришел тихий ответ.»

Хотела ответить, но вспомнив непредсказуемо злой характер Гаэр-аша поостереглась. Вскинула подбородок, посмотрела на трибуну. Ректор медленно поднялся, постоял с минуту, нагнетая обстановку, затем над полигоном прозвучало:

— Адептка Риа Каро, бой засчитан.

Даже не поверила в первое мгновение. Но все объяснилось просто — охвативший жар, моя рука, совершенно без моего на то желания коснулась рукава, подтянула его, обнажая браслет, сжала один из артефактов и я услышала тихое: «У меня абсолютный контроль, учти».

Нервно сглотнув, я прошептала:

— И что вы хотите этим сказать?

Ответ не обнадежил:

«Я не позволю совершить очередную глупость, это раз. И второе — ты ни разу за весь бой не попыталась захватить контроль над нежитью — прекрасная выдержка, и это плюс тебе. Уходи с полигона, сделаем вид, что это была чистая победа».

Победа?! Нет, по факту я победила... в первом раунде, и не проиграла во втором, так что победа. Почти победа. Просто горький у нее привкус, и неприятное осознание — в Гаэр-аше проснулась кровь и те способности, которыми обладал король Армерии. Вот только непонятно, почему он способен воздействовать на меня, что крайне странно, если учесть,

что у меня измененная кровь. Измененные не поддаются влиянию, насколько я смогла узнать. Тогда как вообще это понимать?!

— Долго там стоять будешь? — раздался голос Эдвина.

Мотнула головой, и развернувшись, медленно побрела к воротам. Потом вспомнила о мертвой леди, остановилась, глянула туда, откуда высывалась ее рука и увидела ход, выкопанный в снегу и в земле кажется тоже. Обязательно схожу сегодня ее проведать, поблагодарю.

— Риа, — вновь позвал Харн.

Забыв про усталость, я побежала к нему. Не то чтобы от эйфории после победы, просто хотелось поскорее убраться с полигона. И когда я добежала до ворот, Эдвин распахнул створки и поймал меня в объятия. Закружил, крепко стиснув, а затем опустив, взял за плечи, чуть потрянул и радостно произнес:

— Ты победила, Риа! Ты победила Гаэр-аша! Ты... — он на миг умолкнул, хмыкнул и признался: — Я был уверен, что против такого количества нежити не выстоишь. А ты... молодчина, Ри.

— Если бы не Гобби и мертвая леди... — пробормотала я.

— Да брось, — Эдвин обнял одной рукой за плечи и повел прочь, — ректор на тебя семьсот умертвий направил, против такого количества никто... — запнулся. — Никто кроме нас с Нормом и Даном не справился бы, и то, — взгляд на меня, — благодаря тебе, малыш. Расслабься, Гобби крут, я спорить не буду, как не хочу и думать о том, какой ценой ему это аукнется, но сейчас думай только о победе. Порадуйся, в конце концов, заслужила.

Мы отправились по тропинке от полигона к общежитиям, но стоило свернуть, как натолкнулись на Норта и Дана. Парни стояли у стены абмара, Норт тяжело привалившись спиной к стене и Дан, сидевший на корточках рядом и поднявшийся едва увидел нас.

— Победа! — торжественно объявил Эдвин.

Дан изумленно посмотрел на нас и переспросил:

— Чего?!

Норт внимательно осмотрел меня с головы до ног, затем взглянул на куртку в район моей груди, побелел, сглотнул, резко перевел взгляд на мои глаза и хрипло спросил:

— Победила?

Невольно отступила ближе к Эдвину, неуверенно кивнула, поежилась.

— Норт, ты поаккуратнее со взглядами, — вмиг перестав улыбаться, напряженно потребовал Эдвин.

— Да, пялиться на грудь Рии, это как-то... — Дан начал присвистывать с очень двусмысленным видом.

Дастел нахмурил брови, словно не понял о чем речь, затем посмотрел на Шейна, Харна, снова на меня и сипло спросил:

— Вы не увидели?

Парни переглянулись. Норт выругался, шагнул ближе и бесцеремонно рванул куртку, сдирая с меня... Я попыталась возмутиться, но заметила выражения лиц Дана и Эдвина, и крик застрял где-то в горле.

— Защитный жилет пришелся кстати, — выдал Дан.

Эдвин стоял бледный, Норт тихо простонал и отвернулся к полигону.

Я опустила взгляд... На белой рубашке в районе моей груди растекалось зеленое ядовитое пятно и виднелся порез...

— Не могу понять, когда ее достали, — зло произнес Эдвин.

Я вспомнила эпизод на полигоне, мое падение, реплику Гаэр-аша: «И ты мертва» и невольно поежилась. Неужели харган тогда нанес удар?! И сама себя одернула — никак! Здесь порез от одного когтя, всего одного, харганы бьют всей конечностью, и порезов было бы несколько, да и яда больше. Впрочем, мне хватило бы и одного когтя, ударь он в сердце.

— Жилет пришлось кстати, — повторил Дан. Затем посмотрел на меня, улыбнулся и фальшиво-веселым тоном поинтересовался: — Отпразднуем?

Отрицательно покачав головой, я огляделась в поисках Гобби и не нашла его. Что странно, и в то же время — меня продолжал терзать вопрос по поводу того, откуда зомби взял магию, чтобы активировать мой артефакт. И предчувствия на эту тему были самые нерадостные.

— Я в комнату, ночь не спала, меня шатает, — призналась ребятам и...

И едва не попросила Норта провести меня. Вовремя прикусила язык. Молча и не глядя на Дастела забрала куртку, надела, поежилась под порывами холодного зимнего ветра, грустно улыбнулась и сказала:

— Трупов, я пошла.

Обернувшись к Эдвину, улыбнулась его хмурому черному взгляду и искренне поблагодарила:

— Спасибо. Если бы не ты, я не знаю, как бы это все выдержала. И да жилет спасибо огромное.

— Не за что, малыш. — Харн глянул на Норта, хмуро спросил: — Не хотел видеть, как Гаэр-аш ее тонким слоем по полигону размажет, да?

Дастел почему-то кивнул.

Эдвин догнал меня, обнял за плечи и молча повел к общежитию. Вслед ему раздалось тихое от Норта:

— Спасибо.

— Не за что, — так же негромко ответил Эдвин.

Мне бы хотелось узнать за что Дастел благодарил, но все мысли сейчас были о другом. И пробормотав «Прости, мне пора бежать», я вырвалась из полуобъятий Эдвина и помчалась к общежитию. Я дико переживала за Гобби и с досадой поняла, что он так же переживал за меня, раз решился на подобное.

Пробежав по двору, взбежала на порог по ступеням, минуя ожидавшую явно меня магианну Эшенр, влетела в общежитие, промчалась по ступеням, коридору и тяжело дыша ворвалась в свою комнату.

Гобби скривившись словно от боли, сидел в углу, и держался за грудь до моего появления, но едва я вбежала, попытался подняться и сделать вид, что все просто замечательно и вообще я зря примчалась.

— Ты... — слов не хватало.

Захлопнув дверь, я в несколько шагов преодолела расстояние до зомби и уже хотела было рвануть с него куртку, чтобы увидеть что там, как... вспомнила, что Норт поступал так, и Гаэр-аш, и даже Эдвин. Вспомнилось и то, как неприятно было мне от подобного обращения, а потому пройдя за стол и тяжело опустившись на стул, я устало попросила:

— Покажи, пожалуйста.

Гобби отрицательно мотнул головой и выдал:

— Ыы.

И я поняла, что мои худшие подозрения оправдались — Гобби не обладает магией, но артефак Кхада обладает, вот только если мертвые эту магию использовали, то все чего я добилась в деле оживления моего гоблина, все...

— Покажи, пожалуйста, — я едва не плакала. — И я не понимаю, зачем ты это сделал.

Гобби подошел к столу, взял карандаш, и написал:

«Ты слишком многим рискуешь ради меня, а я мертвый Риа, у тебя же вся жизнь впереди».

Зажмурилась сильно-сильно, чтобы сдержать слезы, открыла глаза, посмотрела на мертвые и тихо сказала:

— Тогда было бы проще не помогать мне сегодня ночью.

Гобби отрицательно покачал головой и написал:

«Память постепенно возвращается ко мне. Память о прошлой жизни. Я был знаком с темными лордами и должен предупредить — Норт и Гаэр-аш становятся темными. В них просыпается темная кровь. Высокомерие, нетерпимость, агрессивность и не умение проигрывать ни в чем».

Перевела потрясенный взгляд с листка на Гобби, мертвые кивнул и продолжил писать:

«Твоя измененная кровь повлияла. Не столкнись вы из-за Мертвых игр они остались бы прежними».

Он некоторое время постукивал грифелем карандаша по листку, словно размышлял, стоит ли писать дальше.

— Продолжай, — тихо попросила я.

Наверное, лучше бы не просила.

«Ты должна доказать что сильная не ради меня, я смирился со своей смертью и не хочу, чтобы ты из-за меня рисковала. Ты должна доказать, что ты сильная темным лордам».

— Гобби, — я устало покачала головой, — Гобби, у меня впервые с момента смерти дяди появилась цель, помимо фанатичного стремления избавиться от опеки отчима. Для меня очень важно вернуть тебе жизнь. Для меня важно знать, что я могу, я смогла, для меня...

«Темные лорды не отпускают своих женщин. Никогда.» — решительно и быстро написал зомби.

Нахмурившись, я попыталась было объяснить, что выбора у них нет, и я никогда не соглашусь и...

Но Гобби снова начал писать. Резко, рваным почерком, как-то зло:

«Их кровь еще не проснулась. Еще нет, они пока почти люди. Почти. Дастел моложе — он потеряет все человеческое первым. Гаэр-аш старше, сильнее, он не отступит даже сохраняя человеческую кровь. А ты особая, Риа, ты не прогнешься — скорее сломаешься.»

Я уже ничего не говорила, лишь молча и напряженно читала то, что ожесточенно строчил Гобби.

«Много думал, много. У тебя два пути есть. Первый — уйти к вечным, но ты никогда не примешь их безразличия к чужой жизни и жестокости. И второй — Даргаэрш Рханэ».

От этого имени меня передернуло. Да и кого бы не передернуло, при упоминании министра магии седьмого королевства. Страшный человек. Поговаривали, что он практически невосприимчив к магии отступников, потому что за его спиной стоит ведьма. Правда не ясно кто — жена или теща.

— Министр Рханэ страшный человек, — пробормотала я.

«Но человек, — написал Гобби, — чья жена хороший друг высшего демона, а потому

Рханэ неприкосновенен даже для темных лордов».

Теперь вот я очень заинтригована была.

«Его покровительство — твоя свобода» — закончил Гобби, и перечеркнул оставшееся на странице место, словно подводя черту под сказанным.

Несколько долгих секунд я сидела, молча, раздумывая над его словами. Затем отрицательно покачала головой. Гобби издал страдальческое: «Ыыы». Затем схватил новый лист и начал писать:

«Я втянул тебя в это! Ты из-за меня на все пошла! Я не смогу жить даже в таком виде, зная, что случившееся с тобой моя вина!».

Скептически посмотрела на зомби, улыбнулась и напредила жестокую истину:

— Гобби, ты нежить. Условно безмозглая.

Оскалившись, вывел:

«Не пытайся намернуть, что это было полностью твое решение».

— Это было полностью мое решение, Гобби, — уже без намеков напредила я.

«Глупое решение!» — написал он.

— Глупостью было соглашаться на предложение отчима и переводиться в Некрос, — я пожала плечами.

Зомби уронил карандаш, страдальчески обхватил голову руками, тихонько завыл.

— Куртку сними, — попросила я. — Считай, что мне нужно посмотреть чисто из академического интереса.

Встал, подошел, остановился передо мной, позволяя расстегнуть все самой. Осторожно отщелкнула защелки, подняла майку и с трудом подавила всхлип — та кожа, что еще недавно была здорового сероватого оттенка, сейчас вновь стала мертвой плотью!

— Гобби! — я все же не сдержалась от горестного восклицания. — Гобби, зачем?!

Он дернулся, запахнул куртку, застегнул, и тяжело пошатываясь вернулся к стулу, почти рухнул... Даже не хочу представлять, каково ему было отказаться от единственного живого участка тела ради меня... Но я сделаю все, чтобы Гобби вновь стал живым!

В двери негромко постучали. Затем, не дожидаясь ответа створка приоткрылась, вошел Эдвин. Он уже был в легком домашнем костюме и мягких туфлях, а потому двигался почти бесшумно. Закрыв дверь, подошел ко мне, присел на корточки, вглядываясь в мои мокрые от слез глаза и скорее утвердительно произнес, чем спросил:

— Праздновать не будешь?

Молча кивнула.

Он задумчиво покивал, словно размышлял о чем-то своем, затем протянул руку, заправил мои растрепавшиеся пряди за ухо, погладил по щеке и сообщил то, из-за чего вероятно и пришел:

— Я пока магическую защиту с тебя снимать не стану. Мы с парнями посоветовались, и решили, что так будет лучше.

Грустно улыбнулась и ответила:

— Хорошо.

Эдвин вновь погладил по щеке, затем его рука скользнула по моему плечу, вниз, накрыла мои дрогнувшие грязные после падений на полигоне ладони, пальцы чуть сжали.

— Тебе целитель нужен? — продолжил некромант.

Отрицательно покачала головой.

— Если нужен, я проведу к лорду Эрсану.

А вот это уже было странно. Не то, чтобы я сейчас горела желанием видеть Дастела, скорее наоборот, но все же спросила:

— А... Норт?!

Чуть скривившись, Эдвин втянул носом воздух и ответил:

— С Нортом не все в порядке, Риа, тебе сейчас лучше к нему не приближаться.

Невольно вспомнила написанное Гобби, содрогнулась, осознавая, что Норт может начать вести себя так же, как Гаэр-аш.

И тут меня накрыло осознанием — Гаэр-аш способен мной управлять!

Эдвин хотел было еще что-то сказать, но заметив выражение моего лица умолк, внимательно глядя, только мои ладони сжал чуть сильнее, словно напоминая, что он тут и он меня поддерживает. Что было очень кстати — ужас постепенно отпустил, и пришла мысль «Нужно действовать. Срочно». Ведь должны же быть средства и способы защититься от проснувшихся способностей ректора. Несомненно должны быть!

— Что не так, Риа? — не выдержал некромант.

Говорить не хотелось. Посмотрела в черные глаза Эдвина, на его косую челку, снова в глаза, открыла было рот и...

— Дело в тех странностях, что сегодня творились с Кероном? — внезапно спросил он. И тут же сделал вывод: — дело в Гаэр-аше?

Поежившись, шепотом начала говорить:

— Помнишь историю, которую рассказал Норт о его тете, которую король отдал старому герцогу?

Эдвин молча кивнул.

— Такие способности есть у Норта, — немного помолчав, продолжила я. — Они слабее, гораздо слабее, но при условии влияния Эль-таима...

— Усилились, — догадался парень.

Кивнула. Затем продолжила:

— И то, что у Норта эти способности проявились мне понятно, но то, на что оказался способен Гаэр-аш — нет.

Некоторое время Эдвин молчал, затем посмотрел на меня и сообщил:

— Я видел подобное — старый король нередко проворачивал, наслаждаясь своей силой, но при этом ощущается колебание магического фона, с ректором я ничего не ощутил.

Зато я в полной мере. Содрогнувшись, опустила взгляд, улыбнулась, заметив, как бережно Эдвин касался моих ладоней.

— Впрочем, тебе переживать не о чем — маги смерти не поддаются контролю, — продолжил некромант.

И я потрясенно посмотрела на Эдвина.

— Что? — переспросил он.

— Я поддаюсь, — ответила шепотом.

Прищурившись, он некоторое время недоверчиво глядел на меня, затем переспросил:

— Как?

— Основательно.

— Как основательно?

— Да полностью! — воскликнула не сдержавшись.

Нахмурился, потер кончик своего длинного хищного носа, снова на меня взглянул и произнес:

— Маги смерти практически не поддаются влиянию, Риа, на этом основывается независимость клана Меча и подвластных кланов, именно поэтому мы и существуем. Причем заметить — магами смерти в полной мере нас назвать нельзя. Ты же, насколько я понял, полноценный маг смерти после того как твоя природная магия выгорела, соответственно влиять на тебя невозможно.

— Норт тоже на меня влиял, неосознанно, но ощутимо, — вспомнила я.

— До выгорания? — уточнил Эдвин.

Кивнула.

— А после?

— После нет, — проговорила уверенно. — Он и не пытался.

Эдвин посидел некоторое время молча, размышляя над ситуацией, затем нахмурился, мрачно взглянул на меня и спросил:

— На тебе есть вещь, принадлежащая Гаэр-ашу?

Вспомнила о кольце, нехотя кивнула.

— Снять можешь?

Отрицательно покачала головой.

— Плохо, — откровенно сообщил Эдвин. — То что на тебе, должно содержать родовую магию. Родовая магия передается по крови, соответственно те, кто одной крови с ректором, так же смогут оказывать влияние. Король к примеру.

— И Норт, — прошептала я.

— Норт не станет, — слова Эдвина прозвучали уверенно. Но затем он нахмурился и как-то мрачно закончил: — Прежний Норт не стал бы... Впрочем, нет, только не Норт.

Мне тоже хотелось в это верить. Безумно хотелось.

— Кольцо? — внезапно спросил некромант.

Сжала правую руку, все еще прикрытую его ладонью.

— Обручальное кольцо?! — Эдвин явно не поверил сам.

Я промолчала. И парень все понял.

— Не думал, что Гаэр-аш настолько далеко зайдет.

Кто вообще мог о подобном подумать... Не я точно.

Эдвин поднялся, постоял, затем задумчиво чуть растягивая слова, сообщил:

— В полночь мы вылетаем.

— Я в команде? — даже не знаю, почему спросила.

— Я запасной, — подтвердил Эдвин. — Гобби, ты в порядке?

Мое умертвие уверенно кивнуло. Я бы на его месте не была столь самонадеянна.

— Хорошо, собирай вещи, — приказал некромант не мне. — Форму как для тренировок так и для боя уже приготовил Норт, шил личный портной Дастелов, сапоги так же есть. Гобби, обязательно пару одеял для Рии на дорогу. Салли, — саломандрочка, которую я кстати не заметила как пришла, выглянула из-за занавески, — сгоняй на кухню, проследи за тем, что нам в дорогу приготовят.

Остренькая любопытная мордашка радостно кивнула.

— Пауль, помоги Гобби.

— Ии! — пообещал паучок.

— Риа, ты спать, — продолжил командовать некромант и подал мне руку, помогая встать со стула. — Отоспись, я зайду за тобой в одиннадцать.

— Хорошо, — после бессонной ночи на возражения сил не было.

— И ты молодец, — похвалил парень.

— Спасибо, — улыбка вышла жалкой.

Когда Эдвин ушел, я медленно стянула с себя куртку, затем начала расплетать волосы, посмотрела на своего зомби и попросила:

— Разбуди в десять.

Гобби подошел к столу и написал: «Запрещенная библиотека?». Естественно да, я и не собиралась это скрывать от него.

«Не поможет» — написал Гобби.

— Кто осведомлен, тот вооружен, — ответила я поговоркой, которую часто использовал дядя Тадор.

«Министр Рханэ» — снова вывело мое умертвие.

— Не хочу ни от кого зависеть, — честно призналась я.

«Он не станет использовать...» — начал было писать Гобби и рука его дрогнула.

Быстрый взгляд на меня, глухое утробное «ЫЫЫ» и зомби перечеркнул свою последнюю фразу.

— Что? — уже с каким-то злым азартом поинтересовалась я.

«Станет, — нехотя написал Гобби. — Как артефактора, если поймет, что Эль-таимы созданные тобой, гораздо сильнее того, что надет на принца Танаэша. А твои сильнее».

— Создать нечто подобное повторно я не смогу, — мрачно сообщила умертвию. — Эль-таим — артефакт, который способен впитать сущность артефактора, именно поэтому если его и создают, то лишь один раз.

«Твоя жизнь в обмен на жизнь его любимого племянника... К Бездне, Риа, я сумек найти в столице седьмого королевства тех, кто о тебе позаботится. Да, я мертвый, но часть моего сознания ты пробудила, а там я найду тех, кто прислушается даже к умертвию, если произнести нужные слова».

— Я сама о себе позабочусь, — сказала, без особой уверенности. Но с гораздо большей уверенностью: — И не нужно искать тех, кто будет слушать умертвие — я верну тебе жизнь, Гобби, вот увидишь.

Несколько секунд зомби с нескрываемой скорбью смотрел на меня, затем размашисто написал:

«На койдохлый демон мне нужна моя жизнь, если при этом ты гробишь свою?!»

Покусав губы от нервного напряжения, тихо ответила:

— Не угроблю. Я в душевые.

К счастью в обеденное время в коридорах женского общежития никого не оказалось. Я пошатываясь от усталости добрела до душевых, забрела в ближайшую кабинку, повесила полотенце на крючок, повернула вентиль и встала под теплую воду, запрокинув голову. Хотелось заснуть прямо здесь, стоя. Заснуть и забыть обо всем хотя бы на мгновение, на одно единственное краткое...

Хлопнула дверь, послышался перестук каблучков, смех и веселое:

— Так значит Норт снова с тобой?

И смех, который я узнала — фальшиво-приторный смех Унны Вейлар!

— Нортик всегда был моим, — весело ответила она, — просто иногда... Ну вы же знаете парней, иногда им нужно погулять... Но мой темпераментный Нортик всегда ко мне возвращается.

Под теплыми струями воды мне внезапно стало холодно до содрогания. Отвернула вентиль до конца, максимально увеличив поток воды, и сильнее запрокинула голову, пытаясь оградиться от отчего-то до безумия неприятного разговора. Наивная попытка вышла...

— Такой темпераментный, да? — приторно-ядовитый голосок Ивет Энсон со старшего курса.

— Ооо, — восторженно протянула Унна, — он зацеловал меня чуть ли не до смерти, после самому пришлось лечить почерневшие на моем теле засосы. Было немного больно, но, поверьте мне, оно того стоило... Это было восхитительно.

Захлебнулась. Хотелось бы верить, что водой, и не хотелось признаваться себе в том, что с трудом подавилась судорожным всхлипом. Не хочу этого слышать! Не хочу, не хочу, не... А на губах словно ощущение прикосновения Дастела, и то утро моего дня рождения и танец, когда казалось все, что я вижу, это его глаза...

Закрыв рот ладонью, медленно сползла по стене на пол, оставаясь под ливнем воды. Хотелось упасть и зареветь в голос, выплескивая все, что ледяной рукой сжало сердце. Секунда... вторая... третья... И сквозь шум водяного потока слова, слова, слова... Трижды проклятые Тьмой подробности, от которых хотелось провалиться за грань и не чувствовать. Больше никогда ничего не чувствовать...

Сама виновата! И винить мне больше совершенно не кого, я знала, что нельзя привязываться. Знала, чтопустишь кого-то ближе и станет больно. Но я никогда не думала, что Норт для меня... Норт...

— А потом этот... Этот, который с шестого курса, как его... — донеслась очередная реплика Унны. — Который должен был бы быть запасным, если бы не эта противная побродяжка... Ну как его...

— Аргус, — подсказал кто-то, — у него еще умертвие горгул.

— Да-да, Аргус, — тяжелый вздох Унны, — он ворвался, неуч не постучался даже, что-то там Нортику сказал и мой темпераментный умчался. Видимо ректор вызвал.

Не ректор... Аргус все понял, все тогда поняли... как стыдно. Стыдно до безумия и больно. До безумия больно, словно сердце истекает кровью, а я даже не знала, о ране в нем. Даже дышать тяжело... Сама виновата. У меня было несколько правил — не высовываться, не привязываться, не заводить друзей, и мне не стоило их нарушать!

Через какое-то время девушки ушли.

Сидя на полу и слушая их отдаляющийся смех, я отрешенно подумала, что от домогательств Гаэр-аша так больно мне не было. И даже от потери Рика — я скучала и тосковала, но боли, такой, что нет сил подняться, не было.

Тихий писк, и в мою кабинку юркнула Салли. Пискнула уже встревожено, подбежала, тронула лапкой, испуганно вглядываясь в мое лицо.

— Все хорошо, просто устала, — я не узнала свой словно безжизненный голос.

Хорошо не было совершенно, я чувствовала себя растоптанной. Мне было больно от чувства, которое я даже не успела осознать, и теперь так горько от этого, и больно от того, что ради меня Гобби сегодня расстался с единственной живой частью своего тела, и от того, что впереди ждала пугающая неизвестность.

— Пии, — пропищала Салли.

Жалобно так.

И я встала. Сделала воду чуть тише, взяла мыло и заметила пар. Обернувшись, увидела,

что саломандрочка сушит мое полотенце, намокшее от расплескавшейся воды. На душе теплее стало.

* * *

Гобби разбудил без десяти десять. Едва сонная я села на постели, Салли тут же всучила чашку с теплым чаем, Пауль приволок одежду, бросил на краю постели и метнулся обратно к моему умертвию. Присмотревшись, я увидела что они запаковывают мои созданные ночью артефакты, подписывая их. Отдельно, тщательно упакованное в серебрянную проволоку, для изоляции, лежало то самое кольцо «Ломайка» — артефакт невероятной ломательной мощности.

— Наверное, его не стоит брать, отнесу обратно к мертвой леди в склеп, — решила я.

Зомби, оба, повернулись, Пауль недовольно пискнул, Гобби взял лист бумаги и написал крупными буквами «Пригодится».

— Мне нет, — уверенно ответила я.

Подумала и добавила:

— Тебе тоже нет, в твоём артефакте Кхада больше нет магии.

«Будет!» — написал Гобби.

— Нет, — разозлилась я, — хватит. Хочешь мне помогать, помогай без ущерба для мною же созданного. Оставь артефакт, он оказался слишком мощным, я его...

Хотела сказать «боюсь» и поняла, что страха совершенно нет. Напротив, мне хотелось бы исследовать его, просто потом и не в полевых условиях. Наверное Гаэр-аш был прав и мое сознание действительно отравлено вседозволеностью, а с другой стороны... когда терять практически нечего, действительно позволяешь себе гораздо большее.

Устало растерла лицо ладонями, затем бросила взгляд на стену — стрелки в виде некроманта и умертвия неумолимо бежали по кругу, и то некромант мчался за зомби, то зомби с самой зловещей улыбкой летело за магом. Десять-десять, пора действовать.

Одевалась быстро и ожесточенно, вспоминая перевод слова «изоляция» на язык вечных. Кольцо я снять не могла, с этим смирилась, но не факт что не смогу его изолировать. Смогу. Как минимум постараюсь. Оставались лишь две проблемы — первая, попасть в запрещенную библиотеку и вторая — найти нужную информацию. Причем в библиотеку я собиралась пройти тем путем, что открывал Норт, оставалось лишь уговорить сердце Некроса.

Подошла к стене, начала чертить символ, что когда-то показала мертвая леди, и не оборачиваясь попросила Гобби:

— Если кто-то придет до моего возвращения, напишешь что я в душе.

— Ыы, — согласился умертвие.

Мне показалось, что он очень рад моему уходу. Странно.

Проход открылся, сверкая магией, молча шагнула в сумрак вен Некроса. Остановилась, едва за моей спиной закрылся ход, и поразились изменениям в этой странной системе тайных ходов академии — вены более не были совершенно прозрачными! Более того, их цвет сизо-багровый указывал на наличие в них жизни, а едва я сделала шаг пол под ногами спружинил. Замерев на месте, я задалась вопросом — а можно ли тут теперь вообще бродить? И стук сердца, ранее неровный и нечеткий, порадовал уверенным живым ритмом,

который словно стал тревожнее и быстрее, едва я развернулась и собралась уйти, потому как... да кощунственно ходить по чему-то живому.

Но это ускоившееся сердцебиение...

— Сердце, — мой голос дрогнул, — ты живое?

Слова вырвались сами, я не могла бы сказать почему вообще произнесла подобное. И сильно пожалела об этом, едва вдруг утратила опору и понеслась вниз в свободном падении.

Мой дикий визг перекрыл даже громкий стук биения сердца!

А затем что-то сверкнуло, ослепляя, и я оказалась подхвачена руками, которые узнала едва меня с силой сжали. До содрогания знакомые объятия.

— Риаллин, — голос ректора звучал как приговор, — должен признать, меня не удивляет твое появление здесь, скорее я удивлен собственной реакции — даже злости нет.

— Отпустите, — все так же зажмурившись, попросила я.

Меня молча поставили на ноги.

Открыв глаза с искренним удивлением увидела, что помимо лорда Гаэр-аша в огромной увитой венами пещере еще двое некромантов возраста ректора, которые удостоили меня заинтригованными взглядами и вновь вернулись к прерванной деятельности. Один из них стоял с часами и что-то отсчитывал, второй записывал в раскрытом блокноте, а Гаэр-аш, заложив руки за спину, создавал плетение, которое я увидела, лишь вновь закрыв глаза — боевое плетение. В центре всего этого размеренно и четко, как послушный ученик, билось огромное живое сердце дракона. Теперь, когда оно ожило, это, несомненно, было сердце дракона.

Что здесь происходит?

— Без вопросов, — тихо и зло предупредил глава Некроса. И добавил еще тише: — если пожелаешь, объясню наедине.

Я скорее согласилась бы на безвременную смерть от лютого любопытства.

Сердце продолжалось биться. От нас до него было шагов пятьдесят, те двое некромантов находились к живому органу гораздо ближе — тот с часами на расстоянии вытянутой руки, с блокнотом шагах в пяти, и если честно слова ректора они слышать не могли. Как и мои. Но вступать в дискуссию с Гаэр-ашем я не собиралась в любом случае, более того собиралась тихонько уйти и... и не смогла совершить и шага. Как он это сотворил мне было совершенно не ясно, но я продолжала стоять, хлопать ресницами и испуганно переводить взгляд с сердца на некромантов, при том, что всеми силами пыталась уйти и некроманты к слову были мне совершенно не интересны!

— Ллло... — начала было разъяренно и не смогла продолжить.

— Дорогая, — голос главы Некроса словно вымораживал, — постой спокойно, после я проведу тебя до экипажа.

Меня передернуло. Но даже поежиться не смогла — словно тело, в котором сейчас находилась, принадлежало не мне. Тьма, это уже просто за гранью!

Старый некромант, который стоял с блокнотом, повернулся к нам, на его испещренным рваными шрамами лице промелькнула жуткая в свете уродства улыбка, и хриплый голос звучал не менее жутко:

— Семейные неурядицы, Артан?

И я поняла, что он совершенно не старый, скорее возраста Гаэр-аша, вот только видимо ему не повезло, и однажды в его лицо вцепилась хмыра. Один раз вцепилась, вот он и выжил, только яд отравил глубоко, затронув даже голосовые связки, а вот вцепись хмыра

повторно, и некроманта бы уже не было. Но видимо некроманта уродство не печалило, судя по последующему:

— Но поверь моему опыту — зря связался с молоденькой.

— Сам на своей студентке женат, — холодно парировал ректор.

— И ежедневно сожалею об этом, — хохотнул некромант. — Молоденькие — жутко ревнивые создания, ты не поверишь ходит за мной как собачонка повсюду.

Второй некромант после этих слов странно хмыкнул. С чего бы? Оказалось, что причина есть.

— Приворот на крови имеет свои недостатки, — тоном, демонстрирующим, что разговор лучше не продолжать, произнес лорд Гаэр-аш.

Привороты некромантов длятся столько, сколько продолжается жизнь привороженного — в общем, они вечные! С другой стороны практически все, что делают некроманты, оно навечно, поэтому самые опасные маги именно те, кто использует магию смерти. А этот изуродованный, который видимо душой еще более отвратителен, чем лицом, по-другому свою личную жизнь устроить не мог? Бедная девочка...

Меня передернуло повторно. Ректор медленно обернулся, смерил насмешливым взглядом и вновь вернулся к работе с боевым плетением. Как ему удастся создавать крайне сложную конструкцию и при этом абсолютно и полностью контролировать меня?! Об этом пришлось думать до тех пор, пока не завершив то, на что лично у меня ушло бы пол жизни и парочка жизненных сил, Гаэр-аш произнес:

— Продолжайте наблюдение, я вернусь позже.

От реакции некромантов меня избавил сам ректор, вмиг открыв проход прямо в воздухе, и подтолкнув обрешую способность двигаться меня в собственный кабинет. И стоило мне ступить на красный ковер под пристальными взглядами мертвых гончих, как глава Некроса начал с усталого:

— Надоело тебя спасать.

— А вас никто об этом не просил, — выдохнула, даже не подумав.

Ректор усмехнулся, тяжело прошел к столу, рухнул на свое место главы Некроса, серые глаза устало посмотрели на меня так, что почему-то стало как-то совестно, даже не знаю от чего.

— Никто не просил, — словно эхо повторил Гаэр-аш, рванув туго застегнутый ворот темно-синей рубашки. — А ты не умеешь просить, Риа.

Не сумев расстегнуть, просто порвал, сделал глубокий вдох, уронил руки на стол, закрыв глаза откинулся на спинку кресла и...

— Страшно? — его веки распахнулись и серые глаза вновь уставились на меня прожигающим взглядом, от которого действительно вмиг страшно.

Страшно настолько, что захотелось бежать. Вот только я не смогла даже пошевелиться.

— Забавно, — все так же испепеляя взглядом продолжил глава Некроса, — я получил ту силу, о которой грезил с раннего детства, искренне завидуя дяде, но радости — ни единой капли. Ни радости, ни торжества, ни даже гордости по праву — ведь я способен на то, о чем король Армерии не смеет и мечтать.

И совершенно без перехода:

— Ты убиваешь меня, Риаллин.

Тьма, почему все всегда сводится к тому, что именно я во всем виновата?!

И тут Гаэр-аш произнес:

— Нет, я не виню тебя, Риа, я лишь констатирую прискорбный факт.

Он не дал мне произнести и слова, продолжая все так же пристально смотреть, и заставив меня смотреть него в ответ. Как-то жутко было ощущать себя марионеткой, даже при условии знания, что все влияние ректора пропадет, стоит снять родовое кольцо Гаэр-аша.

Неприятное молчание продолжалось недолго, ректор сцепил пальцы, разместив ладони на столе, и все так же устало не спросил, скорее это было утверждение:

— Собиралась в запрещенную библиотеку, в поисках книг на букву «Хъегр»?

Точно! Изоляция в переводе «хъеграндан»! Видимо радость узнавания промелькнула на моем лице, потому что Гаэр-аш с усмешкой произнес:

— Даже не сомневался.

А вот это уже совсем печально.

— Знаешь, — глава Некроса подался вперед, в его глазах промелькнуло что-то почти жуткое, — я начинаю ненавидеть себя за это чувство к вздорной жестокой девчонке, которая скорее сдохнет, чем решится ответить на мою страсть.

Я отвела взгляд, невольно порадовалась тому, что вновь могу управлять собственным телом.

— Риаллин, вопрос — ты хотя бы обратила внимание на порез своей куртки?!

— Норт заметил, — нехотя ответила я.

Гаэр-аш расхохотался, только смех вышел какой-то невеселый, а закрыв лицо подрагивающими ладонями, несколько минут сидел молча. Минут. Долгих, томительных минут, в течение которых в кабинете ректора царила мертвая тишина. И в этой тишине оглушающе прозвучали его тихие слова:

— Я медленно схожу с ума по тебе, девочка.

Опустив глаза, скользнула взглядом по полу и подумала, что хотела бы оказаться максимально далеко отсюда.

— Надо же было настолько влюбиться, — горечь в каждом слове.

Мое сердце дрогнуло, но сдержавшись, холодно сообщила:

— Это не любовь, лорд Гаэр-аш, это в вас просыпается кровь темных лордов.

Он опустил ладони, взглянул на меня с каким-то странным выражением, и иронично-издевательски поинтересовался:

— Правда?

Угрюмо кивнула, ожидая очередную... подляну.

Дождалась:

— Ты много знаешь о любви?! — насмешка прозвучала отчетливо.

И вызвала злость.

— Знала бы больше, не переведи вы Рика в другую академию.

Наверное, глупо было вот так бросать практически вызов, но молчать более не хотелось — мне сегодня уже сделали больно, терпеть и далее я была не намерена.

— Рика?! — ректор сцепил пальцы под подбородком. — Девочка моя...

— Не ваша!

— Моя, — усмешка, — не советую оспаривать. Так о чем я... — его глаза нехорошо прищурились, — о Рике.

— Не ваша! — я разозлилась. — И соизвольте снять с меня ваше кольцо!

Сверху словно упавшее покрывало, слетело приведение, испуганно глядя на меня увеличившимися провалами глаз, приложило палец к губам, и растворилось в ближайшем книжном стеллаже.

— Мое кольцо сегодня спасло твою жизнь, — ледяным тоном отрезал ректор.

Вновь глядя на него, просто как-то невольно взглядом за призраком проследила, отчеканила:

— Мою жизнь спасла магия Эдвина. Снимите с меня ваше кольцо! — на последней фразе едва не сорвалась на визг.

И это очень не понравилось главе Некроса. Злые, ставшие пронзительно-синими глаза медленно сузились, губы сжались в одну тонкую линию, пальцы, кончики которых соприкасались под подбородком лорда побелели, настолько сильно он их сжал.

А в следующее мгновение со мной что-то произошло. Что-то очень странное, потому что появилось дикое и непреодолимое желание развернуться и подойти к стене, что я и сделала. Потом шагнуть в открывшийся переход, что я так же совершила, затем пройти по светящимся красным венам Некроса, вновь подойти к стене, и шагнуть в собственную комнату. А вот там сидеть на постели молча и не вякая, даже не реагируя на вопросительное «Ы?» от Гобби и тревожное «Иии» от Пауля. Сидеть и не дергаться, ровно до того момента, как предварительно постучав в двери в мою комнату не вошел Эдвин. И вот тогда отпустило. Да просто как рукой сняло.

— Ты в порядке? — спросил Эдвин, глядя, как я подскочила с постели.

Я в порядке не была, я была в бешенстве!

И наплевав на чувство самосохранения и необходимость вообще-то идти с Эдвином, я ринулась прочь из комнаты, промчалась по коридору, сбежала вниз по ступеням, на глазах изумленной куратора Тейши ворвалась в кладовую, дерганными движениями едва соблюдая правильность символа, вывела магический контур на стене, и вошла в вены Некроса. Там, дрожа от ярости, тихо попросила «К ректору, пожалуйста».

И уже приготовилась к падению, которое собственно и произошло. Стремительное, пугающее, свободное и ничем не ограниченное падение.

Меня подхватили и на этот раз, хотя я точно уверена, что сердце Некроса падения бы не допустило, и вообще непонятно, с чего Гаэр-аш...

— Отпустите меня! — сорвалась практически на крик и распахнула глаза.

Лорд Гаэр-аш смотрел на меня с явным удивлением, чуть вздернув бровь, и в полумраке взгляд его казался черным, каким ему в принципе и полагалось быть у некромантов. Но не делая даже попытки отпустить, ректор протянул:

— Вот пожалуй теперь я удивлен.

И без перехода, но значительно жестче:

— Каро, тебе полагается с Харном за ручку топать к транспорту, так за какой Тьмой...

— Да раздери вас Тьма, отпустите немедленно! — и этот вопль принадлежал мне.

Гаэр-аш стиснул сильнее меня, и с едва различимым скрежетом стиснул зубы.

— А вот это вот вы зря! — от ярости задрожал не только голос, но и вся я. — И то что сделали до этого тоже было зря! И...

— Так же зря, я понял, — прервали меня холодным тоном. — Заканчивай со «зря» и переходи к причине своего появления здесь, у меня крайне мало времени, и тратить его на перечисление всех моих проступков я не намерен.

И к моему неудовольствию, это несколько охладило мой пыл, как и замечание

произнесенное издали:

— Какие у вас горячие отношения.

Голос одного из двух некромантов, что работали с сердцем Некроса, я узнала.

— У нас нет отношений, — отрезал ректор, — и я не советую озвучивать инсинуации на данную тему.

А затем уже у меня мрачно спросили:

— Зачем. Ты. Явилась?!

И злость всколыхнулась снова. Наплевав на собственное положение в руках ректора, разъяренным шепотом потребовала:

— Снимите с меня ваше проклятое кольцо!

Глаза Гаэр-аша сузились, и мне так же тихо, но непреклонно ответили:

— Нет.

Остановило ли меня это? Взбесило скорее!

— Слушайте вы!.. — я едва дышала. — Снимите сами, или клянусь Тьмой, я отрублю себе палец, лишь бы избавиться от этого мерзкого артефакта!

И вдруг все заволкло Тьмой.

Это произошло столь неожиданно, что я не успела даже испугаться, как передо мной вдруг вспыхнул магический символ, а затем лорд Гаэр-аш шагнул вперед и в единый миг я оказалась в своей комнате, где со стула у стены подскочил Эдвин, а Гобби испугано что-то выронил. Не обращая на присутствующих внимания, ректор решительно прошел к моей кровати, осторожно, столь бережно, словно нес хрустальную вазу опустил меня на кровать. А затем, все так же игнорируя всех и вся, хрипло произнес:

— Не отрубишь. Ни палец, ни руку, ни даже свою не отличающуюся умом очаровательную головку. Но, — и от этого но я невольно сжалась, — если ты еще раз... Мы друг друга поняли?!

И тогда я тоже совершенно забыла, что мы не одни в комнате, и приподнявшись на локтях, с нескрываемой ненавистью ответила:

— Нет, лорд Гаэр-аш, я вас абсолютно не понимаю и не приемлю. Снимите свое проклятое кольцо и не смейте никогда более даже пытаться управлять мной.

Ректор стиснул зубы, но не успел ответить, как вмешался Эдвин:

— Лорд Гаэр-аш, вы же понимаете, что оказывая влияние на невесту своего кузена, бросаете вызов всему роду Дастел-Веридан?

Нет, это не заставило главу Некроса забыть о том, что я только что сказала. Он ответил Эдвину, все так же глядя мне в глаза:

— Оказывая влияние на бывшую невесту. Мы ведь не умеем прощать, не так ли, адептка Каро?

Прощать может и не умеем, но выживать научились — судьба заставила. И взяв себя в руки, я вдруг подумала — род Гаэр-аш Веридан столь же силен, как и Дастел Веридан, то есть это два равно-могущественных артефакта, а значит...

И я сказала то, о чем не собиралась даже думать:

— Обручальное кольцо Норта снимет ваше, не так ли?

Гаэр-аш мгновенно выпрямился, и теперь взирал на меня с высоты своего роста и положения. А мы что, мы люди маленькие и слабые, зато гордые, упрямые и живучие! И мы не сдаемся.

— Настолько ненавидишь меня, что готова простить даже измену? — вскинув бровь,

поинтересовался ректор.

Мне стало больно от его слов. Больно до безумия, чем еще можно объяснить:

— Любимым прощается все.

Тишина. И в этой напряженной тишине чуть насмешливое:

— Ммм, «любимым»... Даже так?!

И произнес это вовсе не Гаэр-аш, мне казалось он сейчас был зол настолько, что не мог произнести и звука. Слова принадлежали Эдвину. Но после этих слов, ректор молча развернулся и направился к стене, на которой еще сверкал символ перехода.

А когда за его спиной проход закрылся, Эдвин тихо спросил:

— Ты любишь Норта?

Вероятно, мне следовало бы молчать, но вместо этого я тихо призналась:

— Не знаю. Мне хотелось бы верить, что нет, но от его измены больно. И так больно не было с момента, как погиб дядя Тадор. — И гораздо тише: — Никогда не думала, что это чувство — чувство, что уже ничего не изменить, ощущение дикой потери вернется снова. И стоит вспомнить, тяжело даже дышать...

— Невесело, — слегка хрипло констатировал парень.

— Я виновата сама, — сев на постели, с грустью посмотрела на руку, где сверкал ободок обручального кольца Норта. — Следовало и дальше продолжать фарс с этой помолвкой и положением невесты Дастела, а не совершать великую глупость и поверить. Фарс это всего лишь фарс, сделка только сделка, нелогичным было вообще на что-то надеяться.

Эдвин промолчал, а Гобби подошел и взял меня за руку. Грустно улыбнулась ему и решительно поднялась, в конце концов надо выезжать.

— Мы едем? — спросила у хмурого парня, нервно постукивающего костяшками пальцев по столу.

— Летим, — задумчиво ответил Эдвин.

— Летим?! Как?

— На драконах, — сказал, словно отмахнулся.

Затем тряхнул головой, невесело как-то улыбнулся мне и произнес:

— Ты правильно сказала — любимым прощают все. Норт тебя любит, искренне и всей душой, и он не простит себе случившегося, но сделает все, чтобы ты простила его. А то, что сорвался — он просто не хотел поступить с тобой, так как Гаэр-аш, вот и нашел... ту которую не было жалко. Наверное, не стоило тебе говорить, но пойми главное — если любишь, проще простить, чем страдать всю жизнь, отгораживаясь от людей вздорными правилами, вроде «не хочу, чтобы мне было больно». Больно все равно будет, не от любимого, так от одиночества. Идем, нас уже ждут.

Мне что-то не понравилось в словах Эдвина, даже не словах, в какой-то пораженческой интонации, но он был прав — нас уже ждали. А потому похватав сумки, которые уже собрали мои умертвия, и подхватив в карман ожидающую Салли (Пауль поехал гордо на Гобби), мы отправились к транспорту.

Как оказалось меня вышли провожать куратор Тейша и магиана Эшенр. Обе женщины дождались, пока понятливый Эдвин выйдет за двери общежития, и едва мы остались наедине, зомби преподавательницы за живых не считали, куратор Тейша торжественно произнесла:

— Устрой им там всем, деточка.

Магианна Эшенр добавила:

— Ты будешь единственной девушкой на играх, вот и покажи что мы не второй сорт.

Не могу сказать, что мне и до этого было легко, но теперь еще не легче стало.

Надеялась хотя бы медвежьих объятий избежать... Зря надеялась.

А потом я вышла в морозную ночь, и мы с Эдвином и Гобби пошли по тропинке, с некоторой опаской глядя на странное — отовсюду повылезали скелеты охранники и горгуллы-сторожа, и махали нам. Оказалось не нам, а Гобби, который шагал с самым невозмутимым видом.

— Они что-то знают? — удивленно спросила я.

— Нет, просто надеются, что он не вернется, — ответил Эдвин, — достал уже всех тут.

— Почему? — я и правда была удивлена, вроде кроме единственного раза, когда Гобби со стулом отвлекал охраняющую вход в запрещенную библиотеку нежить, эксцессов больше не было.

Оказалось, были.

— Твой зомби, — взгляд на самого что ни на есть безобидного Гобби, — пока дармовую магию зарабатывал пугая адептов, успел всех скелетов не по разу подставить под удар. Так что доставалось не только «монстру», но и нормальной невиновной нежити.

Проходя мимо очередного скелета с ржавой алебардой за спиной, узрела, как он демонстрирует Гобби очень выразительный жест, это когда костью большого паль по шее проводят, пусть и несуществующей. А затем впереди кто-то дыхнул огнем и я начала вглядываться в пустырь между полигонами. И в темноте на расстоянии ничего естественно не было видно, но еще одна струя огня и я увидела драконов! Громадных мертвых драконов, которые стояли переминаясь с ноги на ногу, расправляя порванные временем крылья, выпуская огонь и рыча! Драконы! Громадные, каждый шагов в пятьдесят длиной! А между ними на креплениях и рессорах висел эльфийский почтовый дилижанс, рассчитанный на двенадцать человек, с прикрепленным внизу железным ящиком, в который как раз сейчас входила Яда, за ней следовал Культяпка.

— Гобби, поторопись, — крикнул стоящий у нашего транспорта Дан.

Салли, сидящая в моем кармане на груди, заинтересованно вытянула мордочку, ей тоже было интересно, как это мы полетим. Рядом с экипажем стоял ректор, я не сразу его увидела, и двое некромантов, тех, что работали внизу с сердцем Некроса. Некроманты заинтересованно смотрели на меня, Гаэр-аш наше с Эдвином появление проигнорировал.

Из дилижанса выглянул Норт, увидев меня сбежал по приставленной лестнице вниз, подошел, ничего не говоря забрал сумки, невольно ожег холодным прикосновением, едва наши руки соприкоснулись. Я вздрогнула, и одернула ладонь. Норт замер, вопросительно глядя на меня.

— У тебя руки холодные, — пояснила, отводя взгляд.

— Прости, не надел перчатки, — ответил он.

А мне это холодное прикосновение, напомнило о том, что я забыла сделать. Отступила от Норта, натолкнулась на стоящего сзади Эдвина, растерянно оглядевшись, заметила, что Гобби уже ушел вслед за Культяпкой в железный вагон, заметила, что ректор пристально за мной наблюдает, не смотря на беседу с теми двумя некромантами и... вытащив Салли из кармана, передала явно удивившемуся Эдвину.

— Я сейчас! — воскликнула, стремительно разворачиваясь.

И бросилась бежать к академии.

Вслед мне донеслось издевательское от ректора:

— Если ты не заметила, я здесь, так что бежать уже никуда не стоит.

Заметила! Не заметить было бы трудно, но мне не с ним хотелось попрощаться и поскользнувшись на промерзшей дорожке я помчалась к склепу. Там, миновав скелетов, которые посторонились, пропуская, я сбегала вниз по замшелым ступеням, свернула к родовым склепам и вбежала в тот, который был уже до малейших подробностей знаком.

Мертвая леди меня ждала! Она сидела на нашей скамье, и перед ней стояли два стакана с водой. И я не знаю сколько времени она меня ждала, но точно не простила бы себе, если бы не пришла.

«А вот и ты,» — одними губами произнесла мертвая леди.

Улыбнувшись, подошла и села на скамейку. Взяла стакан, леди взяла свой, отсалютовала мне и как всегда сделала вид, что пьет — наша маленькая традиция. Хорошо, что я вспомнила, как же хорошо. И когда вернусь, обязательно зайду тоже, и привезу мертвой леди что-нибудь, что ее порадует. Она вообще украшения любит, на ней их много и...

«Мысленно, я буду с тобой» — вдруг произнесла моя молчаливая собеседница.

И от этой беззвучно произнесенной фразы повеяло холодом. Испуганно посмотрела на леди и получила подтверждение появившемуся подозрению:

«Мое время пришло, Риа».

Только сейчас обратила внимание, что леди стала выглядеть хуже, она раньше словно светила, теперь этого света не было.

— Почему? — голос упал до шепота.

Она протянула руку, коснулась моей ладони и ничего не сказала. Совсем ничего. Затем взяла стакан, отсалютовала мне и снова сделала вид, что пьет. Она не выглядела несчастной, скорее спокойной и умиротворенной, только это меня и примиряло с ситуацией. А затем я услышала звук шагов спускающегося по лестнице человека и сразу подумала, что это ректор. Потом уверенные шаги раздались и в склепе и Гаэр-аш вошел в родовую часть. Остановился, глядя на наше водопитие, мрачно посмотрел на далекую родственницу, перевел взгляд на меня и произнес:

— Сердце Некроса.

Эта фраза мне ничего не объяснила, и ректор, тяжело вздохнув, пояснил:

— Сердце Некроса упокаивает тех, кто желает вечного успокоения.

Не поверив, я стремительно повернулась к мертвой леди — она согласно кивнула. И улыбнулась. Очень устало, а я поняла, что она сама желает упокоиться.

И подтверждая мою догадку, леди проговорила все так же беззвучно:

«Тяжело быть мертвой в мире живых, Риа.»

Слезы соскользнули с моих ресниц, потому что я отчетливо поняла — мы больше не увидимся.

«Я не умираю, деточка» — попыталась успокоить меня мертвая леди.

— Для меня именно умираете, — прошептала едва слышно.

«Спасибо» — мертвая леди улыбнулась.

— За что? — слезы потекли по лицу.

«За то, что для тебя я была живой...»

И вот тогда я всхлипнула и к сожалению громко.

— Достаточно, — лорд Гаэр-аш подошел, схватив за руку, властно поднял меня. —

Ваше прощание затянулось. Каро, тебя все ждут.

Наверное, так было лучше, я махнула рукой на прощание мертвой леди, и побежала за ректором, который не отпуская моей руки чуть ли не волок прочь. Прочь из родового склепа, в склеп общий учебный, где мы тренировались поднимать спасших вечным сном, наверх на лестницу... И вот там, оказавшись далеко от мертвой леди, я села на ступени и не обращая внимания на Гаэр-аша разрыдалась как маленькая. Было горько, до безумия горько расставаться с моим первым другом в Некросе, с моей единственной подругой, с... со всегда молчаливой леди. И я радовалась за нее, правда искренне радовалась, понимая как ей тяжело находиться на грани между жизнью и смертью без возможности шагнуть в вечный покой, но как же я... Как же теперь мне?! И эти рыдания в сущности сплошной эгоизм, но закрыв лицо руками я рыдала навзрыд и не могла остановиться...

— Риаллин, — ректор присел передо мной, попытался отнять мои ладони от лица, — Риа, ей там будет лучше.

Я это знала! И видит Тьма была благодарна главе Некроса за то, что увел и мертвая леди не видит моей истерики.

— Риа, маленькая, — донесся сквозь всхлипы голос ректора, — сердце сделало это для тебя.

Взвыла. Стыдно до безумия, но и остановиться не в состоянии.

— Да что же ты!..

В следующий миг оказалась сидящей на коленях у Гаэр-аша который устроился на лестнице, и крепко сжата ко всему прочему. И слезы прекратились мгновенно, как и истерика, вот только всхлипывать не перестала, так всхлипывая и потребовала:

— Отпустите!

— Успокойся, — раздалось в ответ. — Успокоишься — отпущу.

Задержав дыхание попыталась прекратить даже всхлипывать. И слезы вытерла. И посмотрела вверх, чтобы те что лились закатились обратно... А вверху пролетало белое приведение явно женское и...

— Тьма, да отпустите же вы меня, — отчаявшись сдержать слезы, откровенно взмолилась.

Гаэр-аш не ответил, продолжая крепко держать, более того уместил подбородок у меня на плече, окончательно создав ощущение, что я попала в капкан. И хотелось закричать и вырваться, но ни сил, ни возможности. Я заплакала снова, уже почти беззвучно, и не по поводу ректора... Я прощалась, просто прощалась с той единственной, кто так долго был мне лучшим другом, кто выслушивал, кто...

— Ты сделала сердце Некроса очень могущественным, — внезапно тихо, вынуждая прекратить плакать и прислушиваться к его словам, заговорил ректор, — могущественным настолько, что драконами, которые понесут вас в седьмое королевство, управлять будет именно сердце.

И я успокоилась, слушая его речь.

— Более того, — продолжил Гаэр-аш начав успокаивающе поглаживать меня по руке, — сердце установило связь с Эль-таимами Дастела, Харна и Шейна, связь, позволяющую передавать каждому из троицы дополнительный магический резерв.

Они станут неуязвимы! От осознания этого я напрочь забыла про собственную истерику. Вспомнила... вытерла вновь побежавшие слезы и продолжила молча слушать.

— Сердце Некроса не просто ожило, оно стало могущественным артефактом, чьи

возможности мне еще только стоит изучить, но уже сейчас я понимаю, что равных ему нет и не будет.

Я же, всхлипнув, надеюсь в последний раз, тихо напомнила:

— Если оно живое, значит...

— Уязвимое и хрупкое как и все живые, — подтвердил Гаэр-аш, — именно поэтому я передал ему неактивированные боевые плетения и мы сегодня усилили по максимуму защиту как сердца, так и пещеры. Помимо этого сам Некрос защищен по периметру.

Все это так, но достаточно вспомнить лича. И я сообщила ректору то, что ранее посчитала неважным:

— Лич — он скаэн.

Гаэр-аш чуть отодвинул меня, удивленно заглянув в лицо, словно не поверил услышанному.

— Скаэн, — повторила уверенно. — Жрец-заклинатель. Я не знаю на что способны мертвые скаэны, но живые обращаются смерчем и в подобном состоянии способны снести все преграды и защитные периметры.

Покачивая головой, ректор произнес:

— Подобную форму они принимают только на территории Темной империи.

— Да, — согласилась я, — но исключительно потому, что им темных не жаль, заклинатели ведут войну против Тьмы во имя Света не считаясь с жертвами. Что же касается лича — ему в принципе никого здесь не жаль, соответственно...

Задумчиво кивнув, Гаэр-аш произнес:

— Я учту.

И я почему-то перестала переживать за сердце Некроса. И за парней тоже. Зато вспомнила о мертвой леди.

— Сердце дает неживым успокоение? — почему-то спросила шепотом.

— Тем, кто желает — да, — подтвердил Гаэр-аш.

Нет, я даже не сомневалась, что мертвая леди сама хочет уйти за грань, там, конечно неизвестность, но и покой. А так кому захочется существовать, глядя, как тлен медленно разрушает твоё тело. И пусть не больно, но жутко.

— Мы все когда-нибудь умрем, — попытался успокоить меня ректор.

Грустно кивнув, возразила:

— Вам предстоит жить долго.

И тут же потребовала повторно:

— Отпустите, я уже успокоилась.

Гаэр-аш молча разжал руки.

Поднявшись, достала платок, вытерла слезы, отряхнула юбку. Еще раз глянула вниз, туда где ступени вели в родовой склеп, одними губами прошептала «Прощай», и повернувшись к ректору спросила:

— Мы идем?

Но глава Некроса продолжал сидеть там же, чуть сгорбившись и странно глядя на меня. Через секунду прозвучал его глухой вопрос:

— Как давно у Гобби начала просыпаться память?

Естественно я промолчала. Во-первых, понятия не имею, во-вторых, все равно не сказала бы.

— Что ты знаешь, о темных лордах? — следующий вопрос.

Дядя Тадор мне мало о них рассказывал, но кое-что я помнила:

— Они могущественны, долго живут даже по меркам Темной империи, чудовищно жесто...

Продолжать не стала и вообще обругала себя за сказанное.

Гаэр-аш усмехнулся и тихо произнес:

— Я превращаюсь в чудовище, ты это хотела сказать?

Я вообще ничего не хотела говорить, но глядя на ректора, вдруг со всей ясностью осознала — он прав. Вот что Гобби пытался до меня донести — и Гаэр-аш и Норт медленно, но верно превращаются в монстров. В самых что ни на есть реальных монстров, которые поопаснее всех некромантов разом и полчища измененной нежити в отдельности.

— Забавно, — продолжил ректор, — еще совсем недавно я был искренне убежден, что худшее в моей жизни уже произошло, но вот я вопреки гордости, жизненным принципам и рассудку, раз за разом пытаюсь добиться внимания ветреной девчонки, которая то убеждена что любит одного, то страдает от измены другого. И в довершении ко всему, чудовищем при этом становлюсь я. Забавно, не правда ли?

Мне сложно сказать, что я испытала в данный момент — чувство жалости к Гаэр-ашу или чувство вполне справедливого негодования. Негодования было больше.

— Ни словом, ни жестом, ни взглядом я не искала вашего расположения, — отчеканила, с трудом сдерживая ярость, — ни расположения, ни покровительства, ни защиты.

Гаэр-аш смотрел на меня с презрительной усмешкой, и так же с усмешкой поинтересовался:

— Полагаешь, от осознания твоей невинности мне должно стать легче?

— Полагаю, осознание моей невинности как минимум должно избавить меня от мук совести, по поводу ваших страданий! — прозвучало жестко, но я поистине была зла. — Атак же, хотелось бы верить, что осознав в полной мере мою невинность, вы снимете с моей руки ваше треклятое ко...

И мой голос пропал. Пропал совершенно. Как рыба выброшенная на берег я открывала и закрывала рот, схватила за горло, отчаянно пытаюсь хоть что-то сказать.

— А это оказался крайне приятный сюрприз, — жестко произнес лорд Гаэр-аш, пристально глядя на меня, — невероятно приятный.

Однако тон его говорил об обратном.

— Не могу сказать, что я безумно рад открывшимся возможностям, — глава Некроса допустил паузу, — но определенные выгоды нельзя не оценить. Впрочем, — он поднялся и в следующее мгновение навис надо мной, — меня бесконечно тревожит один момент, девочка моя упертая, там, на полигоне во время тренировки ты сама отреагировала на мое тело, или это был результат моих новых просыпающихся способностей?

Что я могла сказать на это? А ничего! Совершенно ничего! Гаэр-аш даже не позволил невыразительно помычать, как впрочем, и покинуть склеп и его мало приятное общество!

— В любом случае, — пальцы ректора коснулись моего подбородка, вынуждая запрокинуть лицо и посмотреть в его глаза, — я не собираюсь снимать с тебя кольцо до окончания Мертвых игр по одной простой причине — это единственная возможность уберечь тебя от глупостей, и соответственно Норта от поражения.

И он прекратил влиять, вновь вернув мне контроль над телом.

Дернув головой избавилась от его прикосновения, поднялась на ступеньку выше, а хотелось на все три, и зло спросила:

— А что будет после того, как Норт победит?

Гаэр-аш прислонился плечом к стене, несколько секунд смотрел на меня, затем устало ответил:

— Я сниму кольцо. Покину Некрос. И сделаю все, чтобы никогда более тебя не видеть.

«Темные лорды не отпускают своих женщин. Никогда.» — вспомнились мне слова написанные Гобби. А я не прогибаюсь, никогда. И никогда не отступаю от своего, особенно когда речь идет о моей жизни. А темные лорды — я знала о них и еще кое-что — они всегда держат слово. Избегают обязательств всеми способами, но уж если поклялись...

— Дайте слово, — я пристально смотрела на ректора, — что в случае победы Норта вы действительно снимете свое кольцо и никогда более не будете претендовать на меня.

Гаэр-аш усмехнулся и спросил:

— Ты требуешь от меня клятвы?

Ощущение, что шагаю по тонкому льду.

— Это ваши слова, — я старалась казаться бесстрастной, — вы сказали «Я сниму кольцо. Покину Некрос. И сделаю все, чтобы никогда более тебя не видеть», просто дайте слово, что исполните сказанное.

Он больше не улыбался. И глядя мне в глаза произнес:

— Я уже сказал это, Риаллин.

— И исполните?!

— Несомненно.

— Вы дали мне слово, лорд Гаэр-аш.

— И почему-то уже жалею об этом, — эхом отозвался он.

Я не жалела ни единого мгновения. Потому что теперь, если Гобби прав, то я окажусь не между двумя темными лордами, а между темным лордом и его словом чести — такой расклад меня устраивал куда больше. Нет, в идеале было бы здорово оказаться вообще подальше от каких-либо темных лордов, но идеала в моей жизни почему-то вообще никогда не происходило, видимо судьба у меня такая.

Невольно улыбнувшись ректору, кивнула, принимая его слова, и спросила:

— Мы идем?

Взгляд, которым взирал на меня Гаэр-аш, заставил невольно поежиться и принять правильное решение:

— Ну, я пошла.

— Коварная девочка, — мрачно заметил он.

— Не могу назвать это коварством, — не согласилась я, даже понимая, что спорить не стоит.

— Поверь моему опыту — истинное коварство, чем бы ты его не оправдывала.

Мы когда-нибудь уже уйдем отсюда?!

— Доверюсь вашему опыту, — покорно согласилась я.

Надеясь, что разговор на этом прекратится. Совершенно напрасно надеялась.

— На Мертвых играх тебе придется продолжать изображать из себя любящую невесту Норта, — произнес Гаэр-аш.

Сердце сжалось, затем отпустило. Да, придется, я знаю. Для меня это будет сложно, но... справлюсь.

— Нас ждут, — напомнила я ректору.

И развернувшись, я поспешила покинуть склеп, придерживая юбки и стараясь не

поскользнуться на древних ступенях.

Домчалась до верха, остановилась, вдыхая морозный воздух, помахала на прощание скелетам, причем, судя по пальцам которые те оба подняли вверх, это были те самые скелеты, которых я восстановила. Гаэр-аш поднялся следом и мы отправились к транспорту вместе — я торопливо шагая, и он идущий неспешно, но почему-то совершенно не отстающий.

А когда впереди показался наш транспорт и драконы, нетерпеливо всхрапывающие, я сорвалась на бег, домчалась до стоящего у лестницы ведущей в карету Норта, остановилась, глядя на него сияющими глазами, и улыбнувшись протянула руку. Дастел не поверил. Несколько секунд вглядывался в меня, словно столкнулся с чем-то сказочным, а затем медленно, осторожно взял мою ладонь, поднес к губам и, глядя мне в глаза, прикоснулся к дрогнувшим пальцам.

— Идем? — стараясь вычеркнуть из памяти все, кроме информации о том, что у нас фиктивная помолвка, спросила я.

— Идем, — Норт сдержанно улыбнулся в ответ.

Я оглянулась на мрачный в ночных сумерках великий Некрос, еще раз мысленно попрощалась с мертвой леди, и не размыкая рук с Нортом поднялась в транспорт. Следом за нами поднялись Дан и Эдвин, под полом заворочался нервно порывая Коготь, гештьяра тоненько пискнула, зовя хозяина, Культяпка и Гобби безмолвствовали. Салли, проверив чайник прикрепленный к столику в центре кареты, юркнула в щель между досками явно к Паулю. Я же, отступив от входа, чтобы парни прошли, огляделась — четыре сиденья, багаж размещенный у стены в центре, столик и вокруг него шкуры.

— Лететь долго, — объясняя столь комфортное обустройство нашего транспорта, пояснил Норт.

И чуть сжал мою ладонь, которая все так же была в его ладони. Повернулась, робко улыбнулась парню и спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

Он вновь поднес мою ладонь к губам, нежно поцеловал и тихо ответил:

— Уже лучше... гораздо лучше... спасибо.

В этом «спасибо» было гораздо большее, чем просто благодарность за мой вопрос и я это отчетливо поняла. Но затем Норт отвел взгляд и попросил:

— Устраивайся рядом с Эдвином.

И подтолкнул к Харну, стремительно отворачиваясь.

Но я все равно заметила синий блеск в его глазах. Блеск пламени. И осознала со всей очевидностью — Гобби был прав, Норт превращается в темного лорда.

Конец 3 книги

Больше книг на сайте — Knigolub.net